

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

ДРУГОЙ МИР
СБОРНИК РАССКАЗОВ

Другой мир. Сборник рассказов.

Оглавление

Любовь	7
Голос.....	12
На пути к.....	16
Апрелев	24
Пустота	32
Случайность	34
Судьба	39
Влюбленные... ..	48
Глубина.....	51
Борьба	56
Писатель	60
Сновидение.....	65
Загадочное желание.....	71
Право на смерть.....	74
Проводник	80
Противоречия	85
Случайная встреча	89
Возвращение.....	95
Разговор	101

Фантасмагория	106
Сделка	112
Миф	120
Бред разума	125
Жизнь -- остановилась	129
Сентенция.....	133
Начало конца.....	136
Совесьть.....	141
Загадка	144
Констатация болезни	147
Воспоминание.....	154
Приближение счастья	161
Страх	167
Другой мир.....	174

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

СБОРНИК РАССКАЗОВ

С.А.

Зелинский

Другой мир

Сборник рассказов

Altaspera

CANADA

2014

С. А. Зелинский. Другой мир

С. А. Зелинский.

Другой мир. Сборник рассказов.—

CANADA.: Altaspera Publishing & Literary Agency
Inc, 2014. — 203 с.

ISBN 9781312542341

© ALTASPERA PUBLISHING & LITERARY
AGENCY

© Зелинский С. А., 2014

С. А. Зелинский.

Другой мир. Сборник рассказов.— Санкт-
Петербург, Округ, 2006. — 101 с.

ISBN 5-98603-005-2

© ОКРУГ

© Зелинский С. А., 2006

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть
данной книги не может быть воспроизведена в
какой бы то ни было форме без письменного
разрешения владельцев авторских прав.

рассказ

ЛЮБОВЬ

Я знал ее, казалось, сто лет. И как оказалось - я не знал ее вовсе.

Вот, уже как... (что год, два, три - в сравнении с вечностью?..) мы встречались в одном и том же месте, в кафе, на углу Марата и Невского (ну, быть может, где-то рядом; только недавно я поймал себя на мысли, - что никогда не задумывался о точном адресе... что-то привело меня туда первый раз...и с тех пор - независимо от планов, - каждый второй день новой недели - я был там)...

Как сейчас помню ее, вбегающую в зал... она приносила с собой потоки свежего воздуха, напоминая прогнозируемую синоптиками, но все не начинавшуюся осеннюю бурю... Или в любую секунду грозящий сдетанировать взрыв какой-то нерастроченной энергии; и ее шарф, вздымающийся и остающийся где-то позади нее ленточкой, который грозил зависнуть надолго; а она уже снимала плащ и - еще мгновение - усаживалась за столик...

Удивительно, но мне всегда почему-то она виделась именно такой... Хотя на самом деле, я порой даже не замечал, когда приходила она... и бывало, погрузившись в непрерывные потоки мыслей, лишь случайным поворотом головы обращал внимание на ее гордый профиль...

Какой же это все было для меня загадкой?..

...Мы сидели напротив друг друга, всегда думали о чем-то своем, и... молчали... В зале играла легкая музыка (обязательно

на каком-нибудь непонятном для нас языке... вероятно, так нужно было, чтобы мозг не отвлекался - переводя текст - и я лишь чувствовал еле фиксируемый сознанием набор ритмичных фраз, положенных на неспешную мелодию, казавшуюся на тот момент божественной...); был вполне приемлемый полумрак (когда еще видишь собеседника, но уже не ощущаешь присутствие кого-то постороннего), и все было так, как словно и должно было быть... Для меня?... Для нее?... Для нас...

...Я еще пытался отвечать на какие-то возникающие у меня вопросы... но, может быть, я их напрасно задавал себе... потому что - желание получать ответы незаметно пропало само собой... вернее - они стали мне совершенно не нужны... как бы изначально... а может быть, я начинал понимать, что все равно не смогу уловить заложенный в них смысл... или же их и вовсе не было... но тогда - было ли все это на самом деле?..

Удивительно, но я часто ловил себя на этой загадочной (и отчего-то возникающей в голове) мысли... Иной раз казалось, что ничего этого действительно не было... Не было того кафе... Не было меня... не было ее...

Хотя нет... Может быть, забавно, но она была... На ее высокий лоб, который она иногда морщила (и оттого казалась еще загадочней), порой готова была упасть шаловливая челка, которая, впрочем, чуть огорчившись, что с ней не играют - не делала того... необычайно умный взгляд, казавшийся еще более таким из-за немного увеличенных стекол оправы, - был всегда устремлен куда-то вверх вас... и даже, когда она смотрела исключительно на меня (я всегда это чувствовал... может быть, потому что входила она - и для меня уже не существовало никого вокруг... лишь

только она и я...) - мне все равно казалось, что она смотрит сквозь... не смотря на то, что в глазах ее не читалось, - что я был тем, ради которого она решилась бы вырваться из прошлой жизни - тем не менее, как-то подспудно ощущалась в них теплота и близость чего-то родного, и, быть может (почему-то в это особенно хотелось верить?!), - чем-то похожего на меня человека... но чем?... может быть, одиночеством?... мне отчего-то всегда казалось, что слово - одиночество, - может быть, и не должно быть синонимично понятию "одиночества"... Вероятно, так было, потому что я знал - совсем неважно: живет кто сейчас с вами, или нет... И тогда уже - слово и понятие "одиночество" (по крайней мере в моем воображении), - существовали как бы отдельно друг от друга... Может быть, так случилось потому что у одиночества на самом деле намного больше прав, чем мы представляем... и тогда уже - мы ощущали: как для нас важны эти встречи... встречи, значение которых, может быть, никто из нас и не понимал до конца... встречи, на которые мы срывались, оставляя незавершенными дела... обманывая потенциальных любовников и любовниц... встречи, ради которых медленно разрушалась невидимая преграда прошлой жизни... моей?... ее?... и в какой-то момент каждый начинал понимать, что рушились барьеры из недосказанных слов, нелепых сомнений, ненужных предчувствий... И как-то разом, вслед за этим, - исчезал и терялся смысл несбывшихся (так и несбывшихся) желаний и утраченных (теперь уж навсегда?) иллюзий...

Словно в одночасье, все оказалось поставленным на кон... И, казалось, это была наша общая тайна... По крайней мере, никто из нас первым не решался разрушить эту невероятную

мозаику бытия... И, удивительно, - лишь только однажды что-то заставило меня было подняться (в каком-то необъяснимом желании уйти), - но почти в тоже мгновение, почувствовал я (даже, именно, п о ч у в с т в о в а л больше, чем до конца осознал) - ее жест, ее движение чуть вскинутых бровей навстречу мне... И остался... Остался, для того, чтобы навсегда отказаться даже от мысли уйти от нее...

...Кому были больше нужны наши встречи?.. За все время никто из нас не проронил ни слова... Кофе допивалось само собой, пепельница заполнялась, а стрелки часов - не дожидаясь никого - отсчитывали свой неспешный ход, приближаясь к только известному им - финалу... казалось, совсем не обращая внимания на сидевших друг против друга людей... Не замечая их... И, быть может, только опасаясь ненароком сделать какое неосторожное движение, чтобы, не дай бог, даже слегка, не спугнуть молодых людей... Людей, - рядом с которыми жило одиночество... может быть, тоже не решавшееся сделать первый шаг... По крайней мере, в присутствии их обоих...

Но, на самом деле, никто из нас не чувствовал одиночества. Совсем наоборот. За тот недолгий (час, два?..) срок нашего "общения", не проронив ни слова - мы успевали сказать друг другу целую вечность... недосказанную вечность... и каждый ощущал на себе всю полноту чувств, которыми делился с ним другой... И тогда уже скажу, что именно эти встречи давали мне возможность (вдохновение?) жить... И всегда было невероятно трудно представить - что было бы - если б не было ее?.. Что вообще со мной тогда бы было?.. Ведь, уже все, что с нею связано, все то, что, быть может, со стороны казалось невысказанным и

недопонятым - все это, теперь, жило внутри меня... и в какой-то момент я даже перестал бояться... я действительно перестал бояться... - не увидеть ее рядом...

...Но однажды она не пришла... Боюсь даже признаться себе (ощутив тем самым это еще раз), что мне пришлось пережить... (я даже нарушил - никем, впрочем, не установленную - договоренность и пришел на следующий день - тот же результат... попробовал через день - без изменений, с трудом дождался начала следующей недели - но уже ничего не изменилось... Больше ее я не видел...)

Сейчас понимаю, насколько я был наивен... что мешало мне тогда (когда мы были еще рядом) заговорить с ней?.. И не мучиться после...

Что мешало тогда сделать так, - чтобы больше не расставаться?.. Сделать так, - чтобы она осталась со мной навсегда?.. Что мешало?...Не знаю?..

Сейчас прошло уже достаточно времени... Я так и не нашел ее - хотя и пытался, призывая в помощники, может быть, и не свойственную мне решительность... И только иногда (почему так выходит, - я иной раз боюсь и себе признаться... может быть, психика находит в этом какую свою, доступную только ее пониманию защиту...), и только иногда, мне начинает казаться, что, на самом деле, этого ничего и не было...

А, может быть, и правда - не было?..

Но почему - я до сих пор еще живу?...

04. 02. 04 г.

рассказ

Голос

1

Я внезапно проснулся среди ночи. За окном кто-то нещадно, с какой-то маниакальной настойчивостью, и в тоже время, словно боясь казаться излишне шумным, (но, все же, достаточно нетерпеливо, чтобы можно было усомниться в его слишком добрых намерениях) - бил по стеклу. Я, в затаенном желании не отпустить остатки сна, натянул на голову одеяло, пытаюсь спрятаться под него, - но, какой оно защитник? И вскоре уже наоборот, резко его откинул и встал с кровати.

Силы земного притяжения, вероятно, не ожидали такого резкого подъема, и потому не успели еще до конца влиться в мое тело - как входит мифический "Джин из бутылки" обратно в бутылку - и потому, то ли некогда ровная поверхность пола отказала мне, то ли ноги еще спали (а, быть может, обидевшись на что-то прошлым днем центральная система затянула "с командой"), - но я здорово покачнулся, и уже практически падая, устоял, судорожно уцепившись за висевшую рядом штору; но это было лишь на миг, - потому как пусть мои семьдесят килограммов это и не очень "много", но, вполне достаточно, чтобы не выдержала штора моего веса, и не упали мы уже вместе.

Уже лежа на полу - я прислушался. За тишину в квартире можно было не беспокоиться: жил один, и потому, вроде как, и будить некого. Да и думал я сейчас о другом: мне показалось, что прекратился шум на улице.

Уцепившись руками за подоконник, я как гимнаст, сделав стойку на руках, приподнял свое тело и устоялся в стекло. Так вот в чем причина! Там разгоралась настоящая буря. Ураган.

А причиной всех этих ночных стуков, был дождь - капли которого, собрав в кучу, ветер нещадно бросал в стекло - да ветка огромного дерева, которая, изломившись так, что внезапно оказалась на уровне моих окон - била в последнем излете по ним.

Успокоившись - причина страха всегда: неизвестность - я лег обратно в постель, и уже собирался, было, уснуть - по крайней мере, честно попытался это сделать - как вспомнил, что меня ожидает завтра. Тотчас же где-то внутри, в области груди, водоворотом щемящей тоски, расходившейся по телу тревоги, моментально обострившегося чувства опасности - меня начало, чуть ли, не трясти; и уже не пытался я спать; одеяло было отброшено к изножью, а я, забравшись на кровать с ногами, обхватил колени, (уткнув в них голову), словно могло это спасти меня, или словно я сам - спасался в этом.

Еще я пытался рассредоточить свои мысли, - чтобы не думать "ни о чем". И на миг, как будто, у меня получилось. Потому как уже начал проходить этот страх - что это было, как ни страх?! - и мог я отпустить от себя затекшие ноги, и готов был уже встать - ну, заварить там чаю, или, быть может, хотя бы просто пройти по комнате; но когда я готов был я сделать это - страх вернуться обратно; и создавалось впечатление, что, оставаясь, какое-то время "вне моего сознания", - он успел "нагулять силы"; или объединиться с себе подобным; потому как теперь - только "вошел" он в меня, как уже моментально заполнил всего без остатка; так, что я боялся даже громко вздохнуть; но главное - и что печальнее всего для меня - каким-то образом проник он в мозг; да еще и захватил там полное руководство; так что, теперь, я не мог уже и надеяться ни на что; потому как вообще должен был

забыть про что-либо собственное, личное, индивидуальное, - и полностью подчиниться - власти его. Власти страха.

2

Страх съедал меня всего без остатка. Судорожно пытаюсь уцепиться за что-то положительное (радостное и светлое), мысли терпели неизменный крах; и уже думал - и совсем не мог не думать - я ни о чем больше, как о ожидании неизбежно прогнозируемого несчастья (не какого-то конкретного - на деталях я тоже не мог сосредоточиться - а вполне реально существующего, но пока еще не видимого мной), так что совсем не знал я, как поступить "мне сейчас"; и как поступать "завтра"; и не знал я, что необходимо было еще предпринять; потому как - мог я "предпринять" абсолютно все; и - не мог ничего.

Я трясся "в неведении", - больше чем от страха; и, вероятно, потому как этот страх расценивался мной, не иначе, как страх неведения - мне было намного тревожней, печальней, опасней...

Но что было у меня завтра? Чего я на самом деле страшился так? От чего "пробирает" - от ужаса меня всего без остатка?.. Слишком поздно... Если и задавать вопросы - так делать бы это чуть раньше, а теперь... Теперь, страх уже почти полностью заполнил меня; я сросся с ним; мое я (и первое, и второе) живет под воздействием навязанной им силы влияния, и кажется... Хотя, что там кажется, когда именно так все и есть - уже не возможно мне не подчиниться ему, и теперь стало для меня удивительным - как это возможно было делать раньше.

Быть может потому, и заранее неудачны все предпринимаемые попытки, да... впрочем... уже и предпринимаемые - из-за бессмысленности - вовсе.

Страх живет в нас от неизвестности, - в который уж раз повторял я для себя известное правило. Правило чего?.. Должно быть, - "избавления от страха"?.. Но сейчас испытанное средство не действовало... Что это могло означать?.. На какие выводы - и свершаемые вследствие этого решения - должны были для меня наталкивать?.. Что необходимо было предпринять, дабы навсегда - хотя и несклонен я в таком своем сегодняшнем положении замахиваться на столь нереальный срок - но хотя бы избавиться на время, да что там "на время" - для меня желательнее было, что бы меня отпустило сейчас... А дальше - разберемся.

...Но не отпускало. Наоборот становилось все хуже и хуже; и готов уже был я кричать от ужаса (ужаса чего?), но с трудом себя сдерживал; ибо никогда не любил выносить (бушевавшие во мне) эмоции, - за рамки личности (тем самым, проецируя это на других); потому как считал, что ничего не может быть хуже, чем, то, что кто-то посторонний - должен был страдать, отдуваться, да, даже просто терпеть - хоть незначительные - неудобства за нас; ибо на то - личная жизнь и называется личной, что не требует вмешательства извне; в ином случае, - нарушаемые (нашим ненужным выплеском энергии) мысли других людей, неизменно заставляют их пытаться искать пути спасения от нас; а это... это - не хорошо...

На утро страх прошел. Прошел сам. Неожиданно и впервые. Потому как насколько я помнил себя, - а прожитые сорок лет не оставляют сомнений - такого быстрого избавления, ранее не случалось.

Я осторожно открыл глаза, окончательно просыпаясь. Нет. Страх не проходил. Я ошибся. Но как только я поднялся с постели - внезапно и необычно ярко, встала передо мной вся картина (а где-то в ней таилась и причина ночного кошмара) запланированных на день - но как будто уже свершенных - действий.

У меня сегодня были похороны. И хоронить должны были меня...

26 марта 2004 г.

рассказ

На пути к...

Мужчина, с трудом дождавшись последней остановки электропоезда, - вышел на перрон. Попутчиков было немного. Станция была конечная, казалось, просто так, без особой необходимости, никто не будет ехать так далеко. К тому же было раннее воскресное утро, и уже, по большому счету, все дачники (за счастливым исключением тех, кто жил на своих садовых участках все лето) приехали за день (а то и за два) раньше.

Игорь Арсеньевич Божов молча стоял на облучке кончавшегося асфальта платформы, быть может, и, не решаясь ступить на начинающуюся грунтовую дорогу, ведущую (через переезд и пару небольших поворотов) к его домику.

Его никто не ждал. Его вообще никто никогда не ждал. Несмотря на возраст, приближающийся к четвертому десятку, Игорь Арсеньевич был по настоящему одинок.

Выросший в детском доме, он почти совсем не знал родителей (по молодости лет, еще пробовал, было, найти; но заведующая детдомом, с материнским порывом прижав к груди все чаще задававшего ей вопросы повзрослевшего мальчика, призналась, что лучше их совсем не искать. Уже чуть позже он узнал, что родился от одного из соседей, - какого? Никто не знал! - по коммунальной квартире, а мать, лишенная материнских прав, сначала отбывала небольшой срок за тунеядство, а потом и вовсе сгинула на просторах тогда еще Советского Союза), жены у Игоря Арсеньевича тоже никогда не было (была одна женщина, с которой он вроде как и начинал жить, но узнав, что Игорь Арсеньевич, - как оказалось, - был совсем неспособен на какие-то сексуальные отношения, - тут же сбежала от него, обзавав... впрочем, слышать обвинения в свой адрес ему было не привыкать...).

Божов все еще стоял на краю платформы. - Куда он приехал?.. Зачем?.. Начиная (словно сами собой) задаваться вопросы были как бы с уже привычным контекстом (заранее безответны, и даже нисколько сами собой ничто не выражали), - и, быть может, у них и вовсе была какая тайная цель (так Божову иногда казалось) внести еще большую сумятицу в его израненную сомнениями да беспокойствами душу. И тогда уже Божов, - словно по привычке, - не обращал на подобные вопросы никакого внимания.

Но вот только сейчас, по-видимому, действительно "зацепило"... А потому он (несмотря на начинавшуюся июльскую жару южной полосы России), как-то неумело запахнулся в наброшенный на плечи плащик (еще были сомнения перед выходом: "братъ - не братъ?!"), и словно вслед за первым движением, - решился, ступил на дорогу, и еще секунду-другую помедлив в раздумии, - медленно зашагал по направлению к своему садовому участку.

2

Нет, не сказать, чтобы Игорь Арсеньевич совсем так бы "запутался" в жизни. У него была вполне приличная (по меркам небольшого уездного городка) работа, - Божов был старший сотрудник лаборатории санэпиднадзора, - более менее сносная внешность (позволявшая даже иногда "заглядываться" на него женщин среднего и предпенсионного возраста), - что до семьи, вернее, до ее отсутствия, - то ведь это и не было уж т а к о й большой "бедой" (по крайней мере в эксклюзивном понимании Игоря Арсеньевича); и тогда уже что и беспокоило его... Хотя, пожалуй, слово подобрано не совсем верно... О беспокойстве, вероятно, речи и не шло вовсе. Даже тревоги какой-то (критической, что ли?!) не было. Речь скорее шла о некоем неосознаваемом (по крайней мере, спроси его, - и вряд ли бы ответил) процессе отождествления себя с... совсем другой личностью. Вот, как если бы это были "вы", и... совсем не "вы" вовсе... Или, например, вам как будто заранее известно, что должно произойти какое-то событие... готовитесь к нему... а на деле оказывается, что ничего такого и не должно было быть. (Хотя

даже если и должно, - хотя бы теоретически почему не предположить - оно может состояться, но... как оказывается... вашего участия в этом совсем даже и не предполагается...). И уж совсем сложно (порой, необъяснимо сложно) было судить, как реагировал на это все Игорь Арсеньевич Божов. И, быть может, здесь стоило добавить, что был этот долговязый, нескладный человек еще и невероятно скрытен. Причем уже сама эта так называемая "скрытность", происходила скорее оттого, что Игорь Арсеньевич не хотел ни кому навязывать свое внимание (а нотки рождающегося было - периодически - любопытства, как говорится, гасил на корню, не давая им вырасти во что-то необъяснимо большее - чем следовало)... и вот как раз от этой его неуверенности в себе (интерпретируемой, - кем и: забитостью; и тогда уже эти, последние, готовы были усмотреть в столь нерешительном поведении Божова чуть ли не комплекс неполноценности) и вот от этой вот неуверенности в себе, - в большей мере страдал он сам. Ибо не проходило и дня, как случалось какое-нибудь событие, - заставлявшее его задуматься о безуспешности (а то, иной раз, и ненужности) бытия.

Но вот, опять же, ни о каких страданиях (душевных... душевных...) речь как будто и не шла. По всей видимости, для этого нужно было иметь что-то иное в психике (быть может, какое отдельное подразделение... душевности?... ну, хотя бы и так... хотя...), чего, впрочем, у Игоря Арсеньевича - даже на кажущуюся внешнюю предопределенность (предрасположенность) к несчастьям - вроде как, и не было.

...А что тогда было?..

За чередой почти бессознательного желания погружения вглубь себя (чего, по большому счету, Божов как будто и не позволял себе делать), скрывалась (вот ведь не объяснимый факт?!) какая-то внутренняя безотказность; стремление поделиться (и притом вполне искренне) иной раз и со всем уж случайными слушателями - какими своим (наболевшими?) умозаключениями...

Но вот что уже я знаю почти наверняка, если что-то подобное и происходило в глубине души Игоря Арсеньевича, то, по всей видимости, там оно и оставалось дальше. По крайней мере, ничего - даже схожего, или хоть как-то об этом напоминающего - я от него никогда не слышал. (Нет, опять же, здесь можно было добавить, что я и не достаточно хорошо его знал. Да и были мы знакомы, - как помнится, - через какого-то (моего?.. его?..) приятеля. Но уж если сейчас мы и не слыли такими уж неразлучными приятелями, то, по крайней мере, одно время общались даже слишком тесно. Был, знаете ли, какой-то у нас - и, пожалуй, уже необъяснимый сейчас, - внутренний порыв... благодаря которому если мы, иной раз, и не встречались каждый день, то уж созванивались точно по несколько раз в сутки)...

И все же, по всей видимости, для меня Игорь Арсеньевич Божов навсегда (уж вряд ли что-то способно изменить это мнение) остался человеком в чем-то более загадочным... да и непонятным...

Вернее, как (когда-то) выпускник мединститута (к тому же успевший после окончания пару-тройку лет - пока полностью не посвятил себя только литературе - поработать в психиатрическом отделении одной из клиник) я вполне, как говорится, и понимал, и предвидел последствия регрессирующих

у Божова изменений в сознаний, но... знаете ли... уже, видимо, брал (внутри самого себя) больше верх литератор, - нежели психиатр... да и так хотелось не замечать чего-то схожего с предметом полученной специальности в своем ближайшем окружении (что, впрочем, не мешало попутно ставить диагнозы)... а быть может, и где-то в подсознании, я еще надеялся, что все образуется...

Не вышло...

.....

Игорь Арсеньевич тем временем дошел до небольшого домика утопающего в зелени (кем-то) высаженных деревьев (дачу он приобрел пару лет назад, когда та последовательно переходила из отчего-то изменявших тотчас после покупки свое решение его коллег, приятелей, да, коллег приятелей, да, приятелей приятелей, - в общем, когда уже казалось, что сам черт готов был "слопать ногу" в переходящих друг к другу "правах собственности", - эта самая дача, оказалась у Игоря Арсеньевича Божова. И, что интересно, в последнюю минуту и сам Божов неожиданно готов был отказаться от покупки. Но купил. А после того как купил - вообще туда не ездил; находя, вроде как, и справедливые доводы отложить поездку до следующего раза; который, в свою очередь, все затягивался и затягивался), проверенным движением (специально тренировался, чертыхаясь и покрываясь испариной, на замке прежних хозяев, пока не выбросил его и не повесил новый) открыл калитку, потом (еще через секунду - другую ходьбы) дверь домика, и... задумался. "А зачем он вообще сюда приехал?". И, ведь, не то что б "дел было невпроворот"... (он вообще сейчас находился в отпуске)... или совсем нечего было

делать... (и деревья надо было подрезать, и "колонку" раскочевать - вода все время "норовила" уйти поглубже... да, и вообще вполне можно было найти множество, каких-то необходимых, дел в хозяйстве...). Да и речь-то, быть может, шла совсем и не об этом...

Все дело в том, что Игорь Арсеньевич не чувствовал у себя в мозгу осознания необходимости существования... И оттого какие-то собственно дела, - (кажущиеся как будто лишь одним из множества, опять же, лишь следствий - и не иначе - оправданности жизненных механизмов), - разом и вдруг потеряли для него всю значимость... Даже оказались вроде как неуместны... Нет, они вполне могли быть, эти самые "дела"... Но вот если бы их не было - совсем ничто бы и не изменилось...

В общем, еще минуту - другую и Божов готов был запутать сам себя. И тогда уже, видимо, как нечто спасительное и неожиданное, - прозвучал сначала гром..., - а потом и вовсе (почти тотчас же) полил самый настоящий дождь. Дождь, который еще какое-то время находясь в соседстве с удивленным солнцем вроде как и не решался показать всю свою мощь, но потом видимо что-то изменилось - и тогда уже полил он, не обращая ни на что внимание, включая самые максимальные свои обороты... И началась буря...

Но почти одновременно с этим, такая же "буря" началась в голове Игоря Арсеньевича...

Мысли уже не ходили даже, - как еще быть случалось до того..., - в каком-то подобии порядка, а уже яростно и с каким-то остервенением принялись наскокивать друг на друга... Так что в какое-то мгновение и перемешалось все... а у самого Божова как-то быстро затуманилось сознание... Стало быть может вообще ни

до чего... А в какой-то момент ему показалось что их - мыслей - и вовсе не стало... Ну как будто их и вовсе никогда не было... И вот тогда уже в этой самой пустоте, - начинало казаться и самому Божову, что он невероятным образом растворяется во всем этом... И, быть может, он еще и хотел уцепиться хоть за какой обрывок мысли... Но уже перестал понимать - чья она была?... Была ли она как-то связана с сознанием?... Или принадлежала исключительно бессознательному?... Божов не мог это понять... А быть может, и боялся... Ведь случись какой другой ответ (хотя невероятно сложно было угадать какой на самом деле ответ нужен), - и куда-то безвозвратно исчезнет то, что его еще недавно окружало... То, что давало силы жить... И выживать... И выживать...

И тогда уже, более чем сознательно (или бессознательно...), Божов стал ожидать провала в пустоту... Что вскоре и произошло... И тогда он (где-то краем сознания) ухватил остаток последнего момента своего земного существования, и внезапно ощутил окружающий мир, как бы в ином ракурсе изображения... под каким-то, до сего момента не видимым углом изображения... А, быть может, это уже и нельзя было назвать собственно, каким-то изображением... Ибо происходило все в каком-то ином формате восприятия... А быть может (и такая версия, в какой-то момент пронеслась перед ним) ничего похожего и не было... Не было вовсе... Ибо так или иначе, но мы и видим, и чувствуем, и даже предполагаем, - что хоть как-то (в идеале) способны оценить и почувствовать... И тогда уже, - основываясь на какие-то привычные рамки изучаемых позиций (исследования?), - мы начинаем внезапно осознавать (особенно если это происходит не в первый раз, хотя второго, вероятно, и не

бывает), что в такой вот суматошной спешке перемещаемых предметов - способно было запутаться воображение, подсознательно проецируемое на мозг Игоря Арсеньевича, затуманенный, да распалившийся от навалившихся на него странностей и лабиринтных загадок - и уже сам Божов, видимо не выдержав подобного напряжения, - как-то неестественно распрямился, словно пытаясь ухватить что-то далекое и неосоздаемое, а уже в последующее мгновение - свалился он замертво подле порожка своего дачного домика. Сознание ушло, а бессознательное, в затаенном восторге уже готовое было возрадоваться - враз как-то сникло, и уже в последующее мгновение - оно отправилось в бесконечное путешествие по неподвластным далям непознанного и непонятного... Непонятного, конечно же, для нас, смертных, но никак не для него...

20 сентября 04 г.

рассказ

Апрелев

1

Сергей Леонидович Апрелев, несмотря на столь "веселую" фамилию, был почти полной противоположностью тех ассоциаций, которые вызывает весна. А если сказать еще, что и родился он первого апреля тридцать пять лет назад, - то ситуация и вовсе может показаться парадоксальной. Хотя, кто - по большому счету - решил, что Сергей Леонидович Апрелев должен непременно соответствовать такому уж "шутейно-несерьезному" образу проецирования фамилии на окружающую жизнь. Отнюдь.

И что б больше не задерживаться на этой теме, скажем, что нечто подобное, быть может, и могло быть. Но вот только не с ним.

К портрету Апрелева - помимо той серьезности, которая практически не сходила с его лица - стоит добавить, что само лицо (в самом буквальном понимании) имело столь тонкие (а кто-то добавит, и изящные...) черты, - что практически сразу сойдут на нет все сомнения о том, что должно оно было принадлежать исключительно интеллигентному человеку. Да так, в общем-то, и было. И тогда еще стоило добавить, что был Апрельев всегда идеально (более чем) выбрит, носил очки с толстенькими линзами, имел высокий рост и достаточно объемное телосложение. Хотя, быть может, казался больше грузен, чем атлетичен. К тому же очки (несмотря на красивую оправу, которая и должна была - по мысли его обладателя - забирать на себя основное внимание) так вот, эти самые очки, - практически безуспешно скрывали слишком боязливый взгляд Апрелева.

Взгляд, иной раз прячущийся под маской излишне напускной отчужденности... А то и важности...

И тогда уже, быть может, и стоило заметить, что иногда - благодаря росту - подобным взглядом кого-то и удавалось вводить в заблуждение. Особенно если учесть, что для того чтобы достаточно пристально посмотреть в глаза Апрельеву (ситуация, которой он панически боялся, и при наступлении которой как-то слишком быстро исчезала его "недоступность", обнажая мечущуюся душу запутавшегося в себе человека), - требовалось какая-то особая решительность. Решительность, которой и не каждый, вероятно, обладал. Или мог себе позволить.

Однако, если не сказать что та показная отрешенность, которой Апрелев сопровождал появление на людях была действительно напускной, - то значит не сказать о Сергее Леонидовиче почти что и нечего. Ибо уже как минимум последние несколько лет Апрелев ощущал такие странные метаморфозы, происходящие с психикой, что, искренне пытаясь поначалу с ними бороться, - вскоре был вынужден попросту махнуть рукой. И смириться.

Лишь, быть может, как-то попытавшись скрыть то от окружающих.

Сложившаяся ситуация была на самом деле печальной. Но что страшнее всего, - в последнее время проблема еще больше усилилась. И если раньше (не считая школьных лет, когда Апрелев еще мог все списывать на юношескую застенчивость, и начать сразу с институтских - когда ему, быть может, впервые пришлось задуматься о причине появления страха, - страха общения с людьми), и так вот, если раньше Апрелев мог себе позволить не обращать внимание на эти, появившиеся у него "странности", - то в последние годы (и когда он остался в институте аспирантом-филологом, и когда уже стал работать преподавателем, - Апрелев читал курс по зарубежной литературе), - так вот, в эти самые "последние" годы, - Сергей Леонидович, пожалуй, был вынужден впервые признаться в том, что ситуация начинает выходить из-под контроля. Из-под контроля сознания. И тогда уже приходилось проявлять невероятные усилия, дабы удержать бессознательное в жестких рамках предназначенных природой.

И вот в такой постоянной борьбе сознания с бессознательным, - Сергей Леонидович и жил в последнее время.

Стоило ему, проснувшись, открыть глаза, - и он уже начинал замечать, как страх нацеливается на него, готовый заполнить всего без остатка.

И тогда уже приходилось предпринимать действительно серьезные усилия, чтобы хотя бы встать с постели да выйти на работу. А вскоре уже стало трудно делать и это.

И тогда Сергей Леонидович перешел исключительно на работу в вечерние вузы. А сами дни "трудовых будней" - сократил по минимуму. (Три раза в неделю, с шести до девяти вечера).

И теперь все время - с момента пробуждения и вплоть до выхода из дома - Сергей Леонидович тратил на то чтобы привести свое сознание в надлежащий вид. И только ночь приносила ему долгожданное успокоение. И только ночью мог Апрельев предаваться любимому занятию - литературе.

Он с наслаждением читал, корректировал лекции, погружался благодаря совершенно недавно для себя "открытому" интернету в электронные библиотеки мира (благо, что знал почти в совершенстве два языка: немецкий и французский, да еще сносно мог понимать и по-английски).

И лишь только ночью - Апрельеву, наконец-то удавалось "найти" себя - собрав в единую мозаику распавшиеся за день звенья потерявшего контроль сознания. И тогда уже вполне можно было признаться, что только ночью, ему удавалось на самом деле "жить"...

А вот с каждого нового утра повторялось все сначала... Быть может потому так не любил Апрельев день. Бежал от него. В каком-то нелепом усердии стремясь удержать подле себя день прошлый. Как-то остаться в нем.

И хоть ничего у него до сих пор не получалось -
подобных попыток он не оставлял.

2

В один из дней Сергей Леонидович неожиданно влюбился. Скажем сразу, что последний раз нечто подобное с ним случилось лет десять назад. Тогда дело уже шло к браку, как вдруг ни с того ни с сего, - (по крайней мере, сам Апрелев это объяснить никак не мог), - в день, когда надо было выходить из дома и направляться в закс, - Сергей Леонидович (уже сделавший все необходимые приготовления, и надевший - недавно купленный и подаренный невестой - костюм, и даже почти повязавший специально подобранный - опять же невестой - галстук), вдруг неожиданно сорвал с себя этот самый галстук, и, закрывшись на все имеющиеся замки, - погасил свет (день был немного пасмурный), зашторил окна, отключил телефон, - и чуть ли не забившись под кровать, - просидел в квартире безвылазно несколько суток. (Благо, что в институте, - в связи с предстоящими событиями, - взял отпуск на две недели).

А когда наконец-то решился завершить столь нелепое "заточение", - то почувствовал, что, от того что произошло - теперь переживает еще больше, чем, быть может, от того что только должно было произойти... А потому безвылазно просидел дома еще почти с неделю...

И только после того, как, наконец-то, решился позвонить приятелю (который должен был быть свидетелем со стороны жениха на несостоявшейся свадьбе), и тот уверил его что, в принципе, ничего серьезного (вернее, не предполагаемого самим

приятелем, по его словам, давно ожидавшего нечто подобного) не произошло, - (да нет, конечно, и слезы были, и истерика, да и поступил ты, дружище, как минимум - по скотски, - что, в принципе, почти только и раздавалось в твой адрес), но сейчас, мол, уже можешь не переживать, вроде как и улеглось все... да нет, нет, - я же говорю тебе, - что вполне ожидал этого... а, ты про это?.. - так опять же, - нет... мое отношение к тебе нисколько не изменилось), Сергей Леонидович мог - или, скажем - очень б того захотел - успокоиться.

Но вот прошло уже столько лет, и как будто все повторялось вновь. В смысле, - и взаимные вздохи, и намеки, и первые (робкие) - а потом уже и не робкие - поцелуи. И слова признания. И даже намеки на нечто большее, - то, до чего в те времена, по относительной юности обоих влюбленных и дойти еще не могло... И уже сейчас, - почти только впервые (и так неожиданно) пришлось удивляться Апрелеву, в том, что ему, быть может, и нравятся, на самом деле, те отношения между мужчиной и женщиной, которые он отчего-то избегал все это время... И тогда уже забывался он от нахлынувшей на него страсти... и отдавал своей невесте - а в том что брак состоится уже никому не приходилось сомневаться, (да и сам Апрельев впервые сам желал этого), - и "отдавал" Апрельев невесте столь долго таившееся в нем желание... а она, быть может, и вполне искренне признавалась ему: что у нее еще никогда - за тридцать лет - не было столь пылкого любо... - возлюбленного, - поправлялась она, - вернее нет... - совсем было чуть не запутавшись спохватывалась девушка, - у меня вообще никогда до тебя никого не было... И уже как бы то ни было - с заметным удовольствием (и почти невозможно было

заметить - что было там больше: самого желания или страсти к эксперименту) открывал для себя Апрелев какие-то новые, и, зачастую, совсем невысказанные, любовные позы (прочитанные - как не забывала дополнять инсценировывавшая любовные утехы невеста - в книгах, и только в книгах)...

Но, быть может, в какое то мгновение подобные оправдания становились и совсем даже излишними... ибо, по всему было заметно, что Апрелев как-то вдруг быстро и неожиданно потерял ощущение реальности... И при том несколько не переживал об этом... И вероятно с Апрелевым действительно можно было делать все что угодно, - потому как в пылу захватившей его любовной страсти, - почти совсем не замечал он ничего... потому как не существовало в тот момент для него никого кроме его невесты... и, пожалуй, спроси его кто тогда: любит ли он ее? - и еще неизвестно, как отреагировать он мог на эти слова?... А то, быть может, - и вообще способен был разорвать все отношения с тем человеком... Хотя бы потому что действительно не существовало для Апрелева в тот момент никого и ничего кроме любви его... И это было действительно так...

И уже даже наметилась свадьба... И почти даже определилось точное число ее...

А сама невеста уже перебралась жить к Апрелеву... (Не потому что у нее не было своего жилья, а потому что сам Апрелев не желал ее отпускать ни на минуту...). И уже были сделаны все необходимые и обязательные покупки... И выбран ресторан... И заказаны столики... И даже заплачено сполна (вперед, а какая разница, все равно платить)... И приглашенные гости уже

ждали своего часа (и у тех уже даже были заготовлены подарки)...

И вот в тот момент, когда, казалось, все было готово настолько, что даже и измениться уже не могло - Апрель внезапно исчез...

Сначала его искали ради шутки... (устроил "мальчишник", да загулялся...)... Потом с зарождавшейся тревогой... (действительно странно, и на него как будто - думали его новые знакомые, а старых почти всех он сменил - не похоже...)... Ну, а когда, не в меру обеспокоенные родственники невесты - уже готовы были обратиться в милицию (человек, да нет - жених пропал!...), - неожиданно пришла от Апрелева телеграмма... (Даже не невесте, а все тому же его старинному приятелю (который и теперь должен был быть свидетелем со стороны жениха, и на которого возлагалась миссия довести текст телеграммы до сведения невесты)... Причем, заметим, сам текст был столь туманен - что приятель Апрелева попросту передал телеграмму невесте... Мол, пусть сама разбирается... Хотя для него ответ был ясен и так - свадьба не состоится!..

Апрелев вскоре вернулся. Но к невесте не пошел. И даже не увиделся с ней - хотя на самом деле никуда и не уезжал, а жил в специально снятом номере в гостинице... ровно месяц... практически безвылазно... а когда, по его мнению, должны были более-менее все успокоиться (и, прежде всего, вызывавшие его страх родственники невесты), - то просто возвратился в свою привычную жизнь... Холостяцкую... Ибо только в какой-то момент он понял - что еще миг - и потеряет он уже навсегда то к чему так привык... И той его прошлой жизни - с ее страхами, ночными

кошмарами и дневными тревогами - уже не будет. А значит и не будет больше литературы... Ибо только боясь и опасаясь чего-то - мог Апрельев и читать, и сочинять... (А с момента встречи с невестой даже рукопись книги, к которой он до того так долго подступался, и которая уже была написана почти наполовину - была куда-то безжалостно заброшена)... И вот теперь только стоило осознать это все Апрельеву - как почти тот час какая-то невидимая сила подхватила его... и уже не помнил Апрельев почти ничего... И многое делал почти исключительно бессознательно... А когда опомнился - уже как вроде и все закончилось... Но он вроде как и не сожалел о том...

27. 03. 04 г.

рассказ

Пустота

Пожалуй, нет ничего страшнее, чем, то мое состояние, в злой власти которого я находился уже третий день подряд.

А ведь я проснулся в тот день, как прежде, - утром и в своей собственности постели. Никого в квартире не было. Не было уже почти что с год (после последнего, в цепочке двух последовательных, повторившихся по единому сценарию действий:... ухажу... уходи...). И вот теперь, вместо фееричности наслаждения одиночеством (все значение которого, можно испытать, только ощутив изможденность, и струйную натянутость, брака), я внезапно почувствовал внезапную пустоту и одиночество... Вернее, пустоту, - являвшуюся следствием одиночества. (Хотя я еще и сопротивлялся во в этом мнении,

которое казалось, даже не то что ошибочным, а каким-то... ненужным, что ли...).

Попробовал, было, встать с постели - и не смог. Все (даже мысленные) попытки "собраться" - наталкивались на стену непонимания почему-то отключившегося сознания.

Тогда я (усилием воли?) заставил себя закрыть глаза, и провалиться в сон.

Но он не приходил. Вернее не наступало то знакомое прежде состояние, которое выражалось значением слова "дрема", и почти всегда раннее служило неким переходным пунктом между сном и явью.

Я не спал. И все же я спал. А значит, на самом деле, это состояние все же и наступило. Но вот... отчего-то казалось мне, что оно как-то слишком... затянулось... В какую-то секунду я стал понимать (какое-то бессознательное ощущение того факта, тоже - как-то неестественно - затянулось), что меня не принимает сон. Но он же... и не отпускает. Сколько я могу находиться в этом подвешенном состоянии?.. А сколько вообще возможно?..

Неожиданно я ощутил в себе такую боль (боль, имеющую какую-то странную, неосязаемую основу. Как будто и была она... И ее не было... Но внутри, где-то в глубине души - и тела - я ощущал расходившиеся во все стороны волны скорби, вытягивающие вслед за собой печальные лопнувших струн... аккорды опустошенности... играющие в своем неосознаваемом неведении совсем печальные мотивы, в которых почти что разом угадывались: и одиночество, и печаль, и тоска, и даже какая-то жизненная неустроенность... случайность жизни...), и уже вот именно эта неизведанная боль, словно вытягивала за собой тотчас

же навалившиеся тревожные ожидания; как будто в одночасье, - перечеркнув пути к спасению и отступлению назад; и вслед за случившемся неосознаваемым видением, - кавалькадой из пронесившихся передо мной несбывшихся надежд, желаний, сомнений, - уходила куда-то прочь и большая часть... меня; так что (практически в одночасье), - я растерял то, что еще недавно мог ощущать где-то около себя; зная, что это именно мое; и ничье больше... Но теперь вот, как будто, уже и самого меня не осталось... а было ли?.. Существовал ли я когда?.. Или это лишь затуманенность (да - оптический обман) всей той иллюзорности бытия, окружавшей меня когда-то?!..

Но ведь почти наверняка, это может означать, что я еще и до сих пор живу?.. Живу... Но что это за жизнь?..

23 сентября 2004 г.

рассказ

Случайность

День не задался.

Правда, тоже самое можно было сказать и о вчерашнем, и о позавчерашнем, да и вообще, - если проследить за ходом всех предшествующих событий, то можно было говорить...

- Э-э-э, - внезапно закачал головой Марк, сидя на так и "не собранной", - (несмотря на то, что настенные часы, висящие перед входом в кухню, только что пробили полдень), - постели. - Так можно неизвестно до чего договориться, - решил он.

Но, несмотря на самокритику (вызывающую в нем всегда достаточно гнетущие чувства; а в иные разы, казалось, и вообще способную привести к чему-нибудь страшному: сойти с ума,

например); вставать с постели не хотелось. Он, наверное, вообще был бы способен проваляться целыми сутками. Тем более, что каких-то конкретных дел (да обязанностей) - у него не было.

Совсем недавно Марку исполнилось двадцать пять. Это был долговязый парень, с длинными русыми волосами, которые (если того требовала какая официальная или праздничная обстановка, что - с учетом того, что он и не работал и не учился, случалось нечасто) - он зачесывал назад, собирая там в какое-то подобие косички. Если же ничего такого не намечалось, - он давал волосам настоящую свободу. И тогда воздушной копной они обрамляли его голову. Создавая иллюзию... -

- Ты все лежишь? - внезапный окрик, чуть ли не выбросил парня с постели. Хотя, должно быть, так все же и произошло. И теперь Марк сидел на коврикe возле кровати, в осторожном удивлении обводя выпученными глазами комнату. Еще недавно он был уверен, что никого, кроме него, в однокомнатной квартире, которую снимали ему родители (пославшие учиться в Петербург из Саратова, где жили, и работали мелкими чиновниками) не было.

Теперь у него появились сомнения.

- Встать! - услышал он тот же голос, и теперь стоял, откровенно озираясь по сторонам в поисках несуществующего... незнакомца.

Марк почувствовал разливающийся по телу страх. Страх, казалось, совсем не хотел считаться с фактом отсутствия в квартире кого-нибудь еще, кроме самого Марка. А значит, и причина зарождения этого самого страха - казалась: по меньшей мере - неоправданной. Необоснованной. Не существующей даже...

Но вот как объяснить это - самой причине?.. И Марк какое-то время еще продолжал водить вымученными глазами вокруг. Прежде чем осознал, что никого в действительности нет.

- Кто с ним говорит? - Внутренний голос, - радостно почти убедил он себя. И тут же успокоился.

- Так вот что это было! - уже готов был вскричать Марк, не в силах сдерживаться. Но прошло всего несколько секунд - и он уже усомнился в верности собственного предположения. Да и на самом ли деле все было так просто?.. И вообще: если произошло сейчас, - то, значит, происходило и раньше? А он, получается, не придавал этому серьезного значения?..

...А если это случалось раньше... если это случалось раньше, - то, вероятно, все могло происходить (и происходило?) достаточно редко. Иначе бы он сразу вспомнил о том. А если редко... если редко... если редко, - то, значит, (и тут Марку стало хорошо и приятно), значит... - проходило все. Исчезало. Проходило само собой. Без каких-либо - последствий. А значит... значит, можно и сейчас - не переживать особо. И представить, - как будто ничего подобного: и не было.

Но вот что-то мешало сейчас. Было ощущение - какой-то опасности. Марк даже приготовился отразить (несуществующую?!) атаку.

- Ты что ж, стервец, задумал!? - вновь раздался голос. Голос, отчего-то показавшийся Марку потусторонним. Молодой человек растерялся. Это был не его голос. Не его - внутренний голос. Этот голос вообще - не мог принадлежать... человеку. И Марка обвевал страх. Страх, прежде, - только "подкрадывавшийся". А теперь - нахлынувший разом.

Марк сжался.

- Ну... ну, чего ты? - постарался выдать он из себя, всеми своими мыслями (тот, воображаемый враг, - наверняка способен читать мысли) показывая добродушие.

- Я не собираюсь с тобой разговаривать, - услышал он вновь. Но теперь ему показалось (действительно?.. или только показалось?), - голос стал спокойнее. Не агрессивнее. Или, быть может, это он действительно только убедил себя в этом?..

- Что я должен делать? - пытаюсь сохранить достигнутое, как можно осторожней спросил Марк, и медленно - опасаясь сделать лишнее движение - убрал покалывающую глаза челку. - Я могу спросить: что я должен делать? - повторил он, обращаясь к невидимому собеседнику.

Тело Марка было напряжено. Он готовился к любому повороту событий. Вернее - к самому нежелательному повороту событий. Но теперь, видя, что ничего не происходит, он позволил себе расслабиться.

- Я не желаю, - чтобы ты, таким образом, проводил время, - металлическим голосом (не предвещавшим, - как тотчас подумал Марк, - "ничего хорошего") ответил голос. - Родители надеялись видеть тебя - другим. Не таким, - как ты есть.

- Да, я плевать хотел... - вскипел, было, Марк - (это с ним случалось всегда, если он только чувствовал, что кто-то пытается его "учить"), - но тут же осекся. При первых же своих словах, он почувствовал такое чувство отчаяния (сменившегося скорбью и ощущением уже свершившейся беды), что вслед за тотчас же появившейся тревогой (а за ней и беспокойством), - последовала опустошенность.

- Ты не должен так разговаривать! - произнес все тот же голос. - Но, если твою агрессию трудно усмирить...

- Я понял, понял, - с трудом выдавил из себя Марк, не в силах справиться с нахлынувшими проблемами.

- ...Если твою агрессию трудно усмирить... как ни в чем не бывало, продолжал все тот же голос. - То я вынужден буду сделать так, что бы этого больше не происходило.

- Я верю тебе, - уже чуть ли не вскричал Марк (мало ли что можно ожидать от этого невидимого типа? - пронеслось у него в голове).

- Ты не должен так быстро признавать свое поражение, внезапно услышал он все тот же голос (показавшийся ему несколько удивленным). Однако, Марку показалось, что этот "кто-то" - все же остался доволен.

- Я действительно рад, что ты все осознал, - подтвердил (этот "кто-то") предположения Марка. И, в подтверждение своих слов, - (чтобы я до конца убедился в произошедших с той изменениях, - пояснил невидимый собеседник), - подойди к окну и спрыгни вниз. Это будет своего рода очищение. Избавление от себя. Себя - другого. Ведь мне действительно хочется верить, что ты стал другим человеком.

Марк, не раздумывая, подошел к окну, пересунул через подоконник, сначала одну ногу, а затем другую ногу, и ...оттолкнулся руками...

Вернее он уже почти был готов сделать это, как внезапный порыв ветра вывел его из оцепенения. Даже быстрее, чем Марк мог, спрыгнуть обратно в квартиру.

Теперь совсем другими глазами он огляделся вокруг. Бутылки, словно одинокие стражники, стояли среди рухляди (осколков - некогда приличной жизни). И вокруг подобного хаоса, - ни разложенная постель, ни вывалившиеся из шкафа вещи, - уже не казались, чем-то из ряда вон выходящим; а то и наоборот, - даже уместными: в сложившейся ситуации.

- ...допился! - подумал Марк, и пошел открывать входную дверь. Звонок, вероятно, трезвонил давно. Но услышал он его только сейчас. - Родители, - пронеслось в голове молодого человека, внезапно вспомнившего, что сегодня как раз день их приезда. В гости.

29 мая 04 г.

рассказ

Судьба

1

Он не плакал. Он почти никогда не плакал. Хотя сейчас ему хотелось разрыдаться. В голос. Громко. Так громко, чтобы, быть может, и привлечь чье-то внимание.

Хотя нет. Внимание, как раз, ничье привлекать не хотелось. Да, и хватало ему внимания...

Порой этого самого внимания было столько, что он закрывал голову руками (словно пытался спрятаться "в самого себя"), и забиваясь в самый потаенный уголок своей квартиры, - плакал.

Впрочем, - он же не плакал. А, даже, если и плакал, - то ни за что бы, не допустил, чтобы об этом кто-то узнал.

Узнал еще кто-нибудь, кроме него, и... его второго "Я", которое часто рыдало вместе с ним. Но было видно, что тому-то как раз плакать не хотелось. И уже тогда, видимо, оно просто поддерживало его...

Он не знал, когда впервые наступил тот день, когда сдерживать то, что годами накапливалось внутри, уже стало невозможным.

Скорей всего этот день не был таким уж одним днем. Скорей всего, все подступало медленно и планомерно, с маниакальной настойчивостью приближаясь к тому моменту, когда уже действительно не было сил что-то держать внутри себя.

Да и, по сути, уже не было необходимости что-то скрывать, утаивать от других. Потому как другие - наверняка, уже заподозрили, что с ним происходит что-то странное.

Вряд ли, конечно, кто-то из них действительно догадывался о чем-то.

И вполне возможно, что и первоначальное предположение - в подозрение не переросло. Но он всегда "накручивал" себе (заставляя реальные события перемешиваться с фантазийно преувеличенными) так, что некое производное от такого перемешивания уже проносилось в его воображении с невероятной скоростью; а его мозг совсем не в силах был анализировать возникающие картинки, не только теряясь в вопросе: реальные это были события жизни или вымышленные, но и совсем не в состоянии как-то адекватно проанализировать их.

Да, по сути, это и не нужно было. Алов принимал жизнь такой, как она есть. Хотя в том, когда у него появилось такое понимание жизни, Николай Николаевич не знал.

Но ему очень хотелось - чтобы это случилось недавно. Только недавно. Потому что, у него были все основания предполагать - что-то, -- он уже был давно. Но как-то... не хотелось в это верить.

На самом деле, сомнения могли отпасть еще несколько лет назад, когда в течение нескольких недель Алов (с загадочными повторениями) совершал поступки, которые, иначе, как ненормальными и не назовешь.

Например, он мог прийти в ресторан, сделать заказ на несколько персон, расплатиться, - а потом неожиданно встать и уйти, оставляя в недоумении невольных свидетелей такого поворота событий.

Или, например, Алов мог заказывать различных товаров в интернет-магазине. А когда наступал предполагаемый срок исполнения заказов, - он внезапно срывался с места, и уезжал куда-нибудь на месяц-другой. Ничего не выкупая.

Ну, еще мог "заказать" проституток. В разных агентствах, и на одно и то же время.

А когда те "скапливались" у его двери - вызвать милицию, вылезти через окно (жил на первом этаже), и убежать... убежать... убежать...

Был ли Алов сумасшедшим?

Он очень боялся этого вопроса. Ему казалось - что нет. Но зачастую, задав самому себе этот вопрос, - Алов тут же признавался, - что он сумасшедший.

Но признавался - только самому себе. И, по сути, - это признание ничего не стоило. Совсем ничего. Почти - ничего.

И все же, после каждого из таких признаний (а уже можно предположить, что подобных признаний было как минимум несколько), - у Алова накапливалась внутренняя уверенность, - что с ним происходит что-то странное.

Что-то странное... ("продолжать эту тему" Алов всегда опасался).

И опасался он потому, что панически боялся самого себя. Боялся, потому что себе - не верил. Но, если, не верил себе и не верил в себя, то, быть может, он кому-то (или в кого-то) верил еще?

Нет. Алов ни в кого никогда не верил. И просто был очень честен. Не верил (словно бы в довершение всего), - и себе.

На самом же деле, страшно было совсем не это. Все дело в том, что он уже долгое время боялся самого себя. Боялся, точнее - всего того ужаса, который действительно за всю его жизнь накапливался в нем. И теперь, все чаще и чаще просачивался наружу.

Его сознание уже не в силах было сдерживать это безумие. И в такие минуты к Алову подступал страх.

Что он больше всего боялся? Он мог бояться убить себя. Он мог бояться убить других. Он мог бояться "до конца" убить все то, чем еще до сих пор гордился в себе. И, прежде всего, - он мог бояться убить свой разум, которому сейчас, - не позавидуешь...

И в этой, непрекращающейся гонке, непрекращающемся соперничестве между правдой и вымыслом, между сознанием и подсознанием, между "обычной", нормальной жизнью, в которой он жил когда-то, и тем сумасшествием, в котором все чаще оказывался сейчас - Алов совсем не был уверен, что победит. Он даже не мог предположить, - кто победит. Вернее, - ему почему-то казалось, что он проиграет. Проигрывает. Быть может, уже проиграл.

Странное это было ощущение... Как будто, вы еще продолжаете жить, но при этом боитесь признаться, что это уже никакая и не жизнь. Что это уже даже и не выживание. А быть может, только существование...

И вряд ли, было что-то страшнее ощущение этого... По крайней мере, для Алова. Как будто разом обрушилось то, за что еще можно было уцепиться; что связывало вас - с жизнью; с необходимостью - жизни, потому что, теперь, эта необходимость отпала.

Но надежда еще оставалась. Такая маленькая, почти незначительная надежда, на которую раньше он бы и не обратил внимания, а теперь ничего кроме нее - у него и не было. И Алов с трепетом относился к ощущению того, что когда-нибудь фитилек поддерживавшей его жизнь надежды, - возрастет в пламя. Пламя жизни. В огонь, - поддерживающий эту жизнь.

Но, ведь, могло быть и наоборот. Могла произойти лишь кратковременная вспышка. А потом эта жизнь (получается, его жизнь), может погаснуть.

И видимо, как раз этого Алов боялся.

В какой-то момент Алов почувствовал, что все в нем "обрывается". Разрывается какая-то невидимая нить, связывающая его с миром. С жизнью. Ему больше не хотелось цепляться за эту жизнь. Ему расхотелось лгать самому себе. Обманывать себя. Расхотелось убеждать себя, - что нужно продолжать жизнь. Что его жизнь кому-то нужна. Что он приносит какую-то пользу, или радость кому-то...

Ничего этого не было... Алов знал, - что от того факта, что он живет - никому не было ни пользы, ни радости, а, скорее всего, - лишь только одна непрекращающаяся боль...

...И как только осознал он это, - отчаяние завладело им. Его сознанием. И сознание как-то быстро поддалось влиянию этого отчаяния. А Алову разом расхотелось пытаться выжить. Ему уже ничего не хотелось.

И появилось еще одно чувство. Оно появилось так внезапно, что Алов еще какое-то время сидел погруженным вглубь себя, удивляясь - почему же, это ощущение не приходило раньше?.. Ведь оно, пожалуй, как раз и являлось некой квинтэссенцией того, что с ним происходит. Ведь, как раз оно является неким следствием всего, что он испытывает сейчас.

И это чувство, чувство которое он испытывал сейчас, чувство, о котором наконец-то смог догадаться, это чувство... была обида. Самая настоящая обида. Обида на самого себя.

И с этим ничего нельзя было поделать.

От этого невозможно было избавиться.

От этого и не нужно было избавляться. Но и продолжать жить с ним дальше, - было невозможно. Ведь, это было бы

преступлением. Настоящим преступлением. Преступлением против самого себя.

А значит... А значит, нужно было прекратить эту жизнь. Жизнь, которая приводила к саморазрушению. Жизнь, которая превратилась в замкнутый круг; из которого Алов не видел выхода.

3

Человек вышел из парадной, не спеша докурил сигарету, зажег, было, еще одну, - но, усмехнувшись, отбросил ее, сел в машину, дал возможность мотору прогреться и тронулся. Он не спешил. Он пока не спешил. Да, и ехать ему было недалеко.

Спустя какое-то время машина свернула на проселочную дорогу. "До места" оставалось не больше полутора тысяч километров. Через полторы тысячи километров - все закончится. И мужчина улыбнулся двойному значению этого слова.

"...Закончится"... Все действительно закончится.

Мужчина вышел из машины. Огляделся по сторонам.

Невольно он поймал себя на мысли, что оттягивает наступление того, что решил сделать, и для чего, собственно, приехал. Он потянулся, было, за сигаретой, но вспомнил, что оставил пачку в машине.

- Если я сяду в машину, я уже не выйду из нее!? - он удивился появившейся мысли.

- А зачем мне выходить? - вновь удивился он теперь уже "ответу на вопрос". Выходить ему было не нужно. Как же он раньше об этом не догадался?

На душе у него неожиданно посветлело. Он повернул к себе зеркало "заднего вида". Повернул только для того, чтобы увидеть улыбку, которая впервые за долгое время появилась у него. Ведь, сейчас к нему пришло решение, которого он, по сути, и ждал все это время. "Он должен был извиниться перед всеми", - вот, что это было за решение. - "Он должен был встретиться с каждым, кого хоть когда-нибудь обидел - и извиниться, просить, вымалывать у того прощение". И ничего больше. Такое простое решение. Но это было решение, которое способно сохранить ему жизнь. И ему сейчас совсем будет незачем делать то, что он запланировал.

Алов (а это был, именно, он) включил зажигание.

Он словно внезапно вспомнил о чем-то.

- Как же он мог об этом забыть? - усомнился Николай Николаевич сам себе.

Что-то говорило - ничего еще не изменилось. И его второе "Я" вдруг стало откровенно насмехаться над ним.

- Нет, нет. Я сейчас не готов так просто уходить из жизни, - сказал сам себе Алов.

Но, казалось, он уже упустил тот момент, когда еще можно было уехать. Теперь, со всех сторон он слышал голоса тех, кто всю жизнь (как они не раз об этом говорили) заботился о нем.

Сейчас он как будто даже мог разглядеть их лица. Правда, эти лица были столь ужасны, что "оправданнее" будет сравнить их с "рожами". Алов защелкнул кнопки дверей. Стекла тоже были прочно закрыты. И, тем не менее, со всех сторон к нему - лезли те, кто, оказывается, все это время были добровольными советчиками его.

Они лезли через крышу, через лобовое стекло, через двери...

Каркас машины надежно сдерживал эти атаки. И тогда, видимо, убедившись, что так просто достать им его не удастся, они стали раскачивать машину.

Алов выхватил пистолет и принялся отстреливаться. Он выпустил полную обойму. Но вспомнил, что у него был еще один патрон. В его "Вальтер" (который он когда-то купил у "поисковиков") образца 1943 года вмещалось 12 патронов. Но у него был еще один патрон, как бы "на всякий случай". "Для себя". Руки дрожали и совсем не слушались его. Патрон найти он не мог. "Куда же я положил его?"...

Как будто, стихнувший шум, стал вновь нарастать. Алов знал, что еще секунда-другая - и все повторится снова. Но только - этого шума, этого "нападения", - он уже не выдержит.

И тогда он резко крутанул ключ зажигания, и рванул с места.

Алов выдавливал все из своей "Нивы". Все на что она была способна. И он совсем не заметил, как выскочил на трассу.

Не заметил этого и водитель большегрузного трейлера, который протаранил "Ниву", смяв и выбросив ее в обочину, словно банку из-под пива.

Алов погиб сразу.

Но почти одновременно со смертью (в самые невероятные доли секунд, так быстро у него никогда не получалось), в его мозгу разрывающемся нервом заискрилось лишь одно слово: судьба!

- Судьба! Судьба! Судьба!..

- Судьба? Судьба!?! Это ли, судьба? - хотел, было,
воскликнуть он.

Но уже не мог.

Не успел.

Он был - мертв.

18 октября 2005 год.

рассказ

Влюбленные...

Она любила его. Он тоже любил ее. Кроме него, - ее любил ее муж. А его - жена. Но кроме жены - его любили еще две женщины. Которые искренне ему были признательны за что-то, известное только им. Но у них тоже были мужья. И мужья ни о чем не знали. Как ни знали и сами женщины - о существовании друг друга.

А он действительно любил их всех. Любил их той отчаянной любовью, на которую только был способен. И он делал все, - чтобы сохранить эту любовь. И любовь его - к ним. И любовь их - к нему.

И почти невозможно было сказать - у кого из всех невольных действующих лиц этого театра любви - любовь была сильнее. И к кому - у кого - любовь была больше.

Каждый думал - что к нему. Но точно так же, мог думать и другой. И что самое удивительное - все это было правдой. Судьба словно специально запутывала сама себя. И ни у кого из участников этого любовного многоугольника - не было никакого желания что-либо изменять. Потому что, конечно же, кто-то из

мужей - догадывался о существовании "соперника". И, наверное, каждая из этих влюбленных женщин - догадывалась, что у ее любимого мужчины - есть "кто-то еще". Но ведь так неприятно признаваться в этом. (И тем более - самому себе). И может это покажется удивительным - но и не нужно... признаваться...

Пусть это был обман. Но обман это слишком резкое, обидное, в чем-то даже грустное слово. И на самом деле, - совсем не отвечающее тому мироощущению, которое привносила в отношение с жизнью, - каждая из этих женщин. Да и мужчин тоже.

Но самое удивительное (и то, что с легкостью могло реабилитировать любого из "застигнутых врасплох влюбленных", - если допустить, что они могут быть когда-нибудь "застигнуты врасплох"), - это то, что в подобной связи - совсем не было чего-то "телесного". Все происходило в некоем возвышенно-воздушном эквиваленте мирских ощущений.

Каждый из них - любил другого. Но любовь у каждого была какая-то своя. Кто-то любил душу другого. Кто-то любил образ (быть может, и во многом выдуманный) другого. Кто-то любил другого за что-то, в чем не мог признаться и самому себе...

И каждый из них - дорожил своей "связью" с другим.

Пусть и в некоторых случаях это была незримая связь. Когда вас что-то неодолимо влечет к другому человеку, но вы совсем не знаете (или действительно боитесь признаться себе), - что - это?..

Но когда делаете невольную попытку как-то изменить судьбу, нарушить складывающееся течение жизни (скорее уже напоминающее бурный поток этой самой жизни), - что-то

удерживает вас. И вы вроде как совсем не подозреваете - что - это?.. Но только любые попытки действительно что-то изменить - заканчиваются неудачей...

Вы просто не сможете так-то уж взять - и прервать - то, что складывалось, как будто бы даже совсем, - без вашего участия. Потому как сознательно, - вы, конечно же, не сделали бы ничего этого.

Но вот в том-то и дело, - что в жизни происходит что-то и без прямого участия нашего сознания. И словно бы сознание - совсем даже и не противится этому. Признавая, что есть что-то, - где оно, сознание, совсем бессильно. Где оно (пусть и на миг, - но этого мига-то, зачастую, как раз и достаточно), - теряет "свою власть". И, конечно же, не пропадает совсем. Но и уже не вмешивается; почти что молча (и даже с каким-то волнением) наблюдая за тем, что происходит по другую сторону его, сознания. Что происходит неосознанно, бессознательно...

И даже можно признать, - сознание, - радуется этому. Оно довольно этим, - быть может, и потому, что в какой-то мере кто-то другой, - за нее делает то, что давно бы уже нужно было сделать ему самому. Но ведь оно знает - что ничто не допустит (не допустит - самим устройством психики), - что бы что-то подобное - происходило осознанно. Потому что, - как бы сознание (каждого из участников влюбленных треугольников), быть может, и не желало, чтобы что-то подобное происходило в реальности, - на самом деле этого бы никогда не произошло осознанно. Потому как такое и не может происходить осознанно. Это - видение бессознательного. И сознание здесь на самом деле бессильно.

И никто не вправе мешать всем этим "влюбленным".

И никто не в праве давать какие-то советы.

И никто не в праве вмешиваться, желая чтобы что-то, - происходило так, а не иначе.

Хотя бы потому - что это жизнь.

А в жизни - всякое бывает...

22 октября 2005 год.

Рассказ

Глубина...

Глеб уже несколько минут (после пробуждения) сидел на кровати, словно не решаясь окончательно оторваться от нее; тем не менее, - о сне, - уже не могло быть и речи. И ведь не сказать, что недавние кошмары были таким уж "сном". Однако, если признать иное - не означало ли бы это (а почти наверняка - и означало бы), - что у него начались те проблемы, коих он все время старался от себя отдалить. Но тогда (если это действительно так), - было ли такое его состояние (новое, новое для него) - следствием случившихся пертурбаций с сознанием?.. Или это всего лишь чей-то (достаточно жестокий) эксперимент?.. И уже тогда, это означало, - что его кто-то "ведет". Но куда? Или, быть может, следовало смотреть на вещи проще?.. И все отнести, например, к - разбушевававшемуся подсознанию? И уже в этом случае - это всего лишь игра... Пусть и по достаточно жестоким правилам.

Но ведь и почти тогда же, это бы означало... означало... означало - его почти что полную беспомощность... И -

несостоятельность... Но вот как раз подобного бы Глеб никогда не допустил.

Он вскочил с постели, и... сел.

- Должно быть, не следует таким образом заявлять о себе, - подумал он. - Ведь неминуемо это, так или иначе, свидетельствует о готовности, (а то уже и начале) борьбы. Борьбы, которой, даже при самых благоприятных и складывающихся в его пользу "раскладах" - он бы никогда не смог допустить. Борьбы... впрочем, - ее не должно быть. Так же как и не могло быть всего того, что "якобы" уже с ним произошло. А значит, - все это был действительно сон?..

Глеб, решившись, встал с постели, засунул ноги в тапочки (заботливо подаренные когда-то мамой; как бы вслед за "дарственной" на квартиру, преподнесенной отцом - родители уже год как погибли, оказавшись в эпицентре взрыва одного из Московских терактов), прошаркал в кухню (мимоходом удостоверившись, что в квартире, кроме него, никого нет), и щелкнув кнопкой электрического чайника, уставился в окно. Причем, видимо, что-то там ему показалось действительно заслуживающее внимания, потому как он вскоре открыл окно, и - чуть ли не на полкорпуса - высунулся туда. Но, словно передумав, - а может чайник засвистел - Глеб закрыл окно, бросил взгляд - становившийся все более и более задумчивым - на "бушевавший" чайник, и... почувствовал, что кто-то наблюдает за ним.

Молодой человек (было ему лет двадцать пять - двадцать шесть) тщательно (поначалу еще опасаясь, но постепенно все более и более раскрепощаясь) обследовал все комнаты (их было всего две), подсобные помещения, еще раз (в который уж) кухню,

заглянув даже в шкаф. Никого, или ничего, заслуживавшего хоть малейшего подозрения в чьем-либо присутствии еще - не было. - Но может быть, тогда уже и не могло быть?! - подумал Глеб. - И тогда, все это означало, достаточно видимое наличие страхов. Тех страхов, которые были вызваны не иначе как сном. Или явью? Но, ведь, как можно было допустить, чтобы нечто похожее было на самом деле. Ведь, даже если бы это когда и произошло - то, как бы, свидетельствовало (и быть может даже не косвенно) о наличии потустороннего мира, в котором, очутился он, неожиданно словно попав в зеркальное отражение идентификации действительности. И вот уже образы, различаемые во вне - стали явственно выползать из углов. В минуту-другую они были везде. Некоторые - наиболее смелые, да решительные - уже почти, что касались его.

Были тут и люди, давно ушедшие из жизни; и лишь раз - но хватило и его - когда-то, только оказавшиеся рядом; и те, с которыми, быть может, он и не встречался никогда. Но они теперь - таким вот образом - заявляли о себе, и, по видимому, имели свое какое-то право на присутствие. Впрочем, Глеб уже перестал что-либо понимать. И обхватив голову руками - катался на полу, скулил, прося неизвестно кого - все это прекратить.

Но уже, может быть, и не могло ничего исчезнуть. Иначе следовало бы признать, что все было это на самом деле. А мог ли Глеб это признать?

Он неожиданно подумал, что как-то сознательно (вернее - бессознательно) все время уходил от какой-либо мистики. Так что совсем нельзя было сказать, что когда-то ему доводилось - хотя бы образно - испытывать нечто схожее. В своих мыслях. Тем более был он нисколько удивлен, когда стало, вдруг, проступать все

это во сне. А ведь, с недавних пор уже и самого сна он страшился. Как бы долго не решаясь уснуть, и опасаясь, что "что-то" может произойти. Внезапно произойти. И как бы он окажется свидетелем всего этого - нелицеприятного - действия. От которого и избавления-то вовсе не будет. Лишь только нависнет достаточно страшная (и более чем явственная) угроза. И тогда уже совсем не будет пути назад. (А этого, нужно заметить, Глеб более всего и боялся. Когда не будет отхода назад. Но тогда куда?.. Вперед?!.. Но, ведь, он совсем не хотел вперед. Он, может быть, вообще страшится принимать какое-либо решение. Подозревая, - что оно может принять слишком угрожающую роль в его судьбе).

Глеб все же решился, и приоткрыл (до того, как оказалось, инстинктивно зажмуренные) глаза. Но теперь он почувствовал, как все недавние "образы" - как бы - переместились внутрь его. Находясь в той глубине, они, казалось, чего-то ждут; ну, по крайней мере, никто из них не решался сделать первый шаг, которого, быть может, и не должно было быть. И который наоборот, столь явственно проступал (или пока что грозил), что Глеб готов уже был зажмуриться вновь. Пока внезапно не понял, что ведь он, на самом деле, и ничего не сможет сделать. Совсем ничего. И тогда уже (как один из способов избавления) ему следовало признать поражение, и... признаться в этом самому себе. Ибо тогда уже (может быть - а почему и нет?!) может (да и должно) наступить избавление... Избавление от всех этих кошмаров.

Глеб все же решился. Он посмотрел - широко открытыми глазами - вокруг, отметил про себя, что, скорее всего, ничего

"такого" и не было, и уже готова была на его лице проступить улыбка, как он почти явственно услышал шепот.

Шепот исходил откуда-то... впрочем, совсем даже не понятно откуда. Казалось, - он был везде. И казалось, - его и вовсе не было. Но, ведь, и не могло быть так, что ему опять показалось. На это Глеб уже и рассчитывал. Но, вот, чем более он прислушивался, тем все явственней начинал понимать, что он, скорей всего, совсем даже и не ошибся. Но тогда следовало признать, что и его недавние видения не были такими уж галлюцинаторными. Может быть, тогда он действительно сходит с ума?.. Но - нет. Это Глеб отвергал. Да он никогда и не признался бы себе в этом. Но тогда - после всего этого, - что же ему оставалось?

А мысли его, тем временем, начали уже танцевать совсем дерзкий танец; хаотично подскакивая и передвигаясь; а иные уже и готовы были выпрыгнуть из раскалившихся мозгов. И уже не мог себе позволить Глеб даже бессилия. И вслед за начинавшимся безумием он уже тоже не мог угнаться. Так, словно совершенно случайно (а быть может и специально) кто-то посадил его на самого резвого и неуправляемого скакуна; а тот понес его, не обращая внимания на суматошные крики хозяина, вслед за совсем не справлявшимся сознанием. Глеб впервые, более чем явственно, почувствовал силу и мощь бессознательного; вскоре ему уже и вовсе почти ничего не оставалось делать, как, - может быть, - только смириться; но и это совсем не избавляло от начавшегося разброда (и беспорядочного движения) в сознании; и все явственнее перед Глебом Маевым, 27-летним (мы на год ошиблись) недавним студентом, находящимся уже год, как в

академическом отпуске, и, видимо, не думающим возвращаться), перед Глебом Маевым (в будущем, возможно, известным литератором - несколько десятков его рассказов аккуратно лежали на полке, дожидаясь часа опубликования), и, наконец, перед Глебом Маевым, почти в одиночку, - без какой-либо поддержки извне, погрузившегося в глубины собственного бессознательного; и уже перед Глебом Маевым, невероятно красочно (так, что создавалось впечатление: будто бы собрано все это из мозаики, и собрано только что, и специально для него) проявилась никогда им невидимая картина; и уже перед самой землей - ему неожиданно открылся ее тайный смысл.

И первое время, впервые за долгие годы, наступила вокруг не объяснимая тишина. Пока вновь не начала земля свое обычное вращение. И словно бы уже не было никому никакого дела. И лишь только окно седьмого этажа оставалось открытым.

И образ... Чей-то до боли знакомый образ, как будто на миг мелькнул, - словно удостоверившись в случившемся ранее, или чтобы мы удостоверились в нем, - там. И, быть может, Глеб различил бы в нем кого-то. Но уже было поздно. Глеб был мертв.

02 сентября 2004 г.

рассказ

Борьба

Лепетову, все чаще приходилось бороться. С самим собой. И нельзя было сказать, что эта борьба давала ему такую уж радость. Но и прекращать ее он, вроде как, и не мог. Уже не мог. Потому как - если брошен вызов - необходимо было сражаться.

Когда на самом деле был брошен этот вызов, - Иван Родионович Лепетов не помнил. А может быть, - и вовсе не знал. С недавних пор все случалось само собой. Как будто бы и без его ведома. Но если (вдруг) возникала мысль прекратить борьбу, - он тотчас же, эту мысль, прогонял. Точнее, - "почти" тотчас же. "Почти", - потому как (какое-то время) - все же: смаковал ее. Словно, боясь отпустить. Гадая: что было бы, если бы дело повернулось так, а не иначе?..

Но позволить себе размышлять об этом постоянно - он не мог. Сама его внутренняя сущность - просила борьбы. И он должен был сражаться.

Если у кого сложилось (неверное) впечатление о борьбе, - как о некоем страшном и загадочном действии, - то тут верно, пожалуй, лишь второе. Борьба Лепетова, действительно, была загадочная. И, мне думается, если бы он узнал: в чем истинный смысл ее - тотчас бы прекратил. (Зачем сражаться, если...).

Но никакой потаенный смысл Лепетову не открывался. Да, признаться, Иван Родионович и не делал таких уж усилий, - чтобы его узнать. Он просто (с определенных пор) принял борьбу - как должное. И необходимость ее - как то, с чем необходимо было смириться. Чтобы жить дальше.

Но более всего казалось ужасней то, что эта самая борьба - иной раз - намеревалась свести Ивана Родионовича с ума. Конечно, в какой-то мере, он уже и так был сумасшедший. Например, по заверениям бывшей жены (которая - как только представилась возможность - эмигрировала в Израиль; с удивлением, на прощание, посмотрев на, - решившего остаться, - Лепетова). Но можно ли верить "бывшим женам"?.. И Лепетов не

верил. Он вообще, - не верил никому. Даже, иной раз, самому себе. И даже то, - что с детских лет принимал: "как должное", - с недавних пор: стало вызывать в нем недовольство. Недовольство, граничащее с раздражением. И, вероятно, тогда же, Иван Родионович заметил: как только "недовольство" начинало в нем разрастаться (порой до значительных размеров) - тот час же (куда-то) пропадало: и беспокойство; и тревога (точнее - постоянная тревожность); и даже,-- как будто, - неуверенность в себе. Эта самая "неуверенность", - тотчас же сходила на нет. А то и - исчезала. Совсем.

Поразмыслив - Лепетов, вдруг, признался себе, что его новое состояние (пусть "внутри" все и кипело от злобы), - для него значительно лучше, нежели предыдущее. Когда он опасался (сделать) лишний шаг. Дабы только не упасть в пропасть. Попасть впросак. Совершить очередную глупость. Когда (стоило ему только проснуться), - и тотчас же его заполняла тревога. Причем шла она откуда-то из подсознания. Отражаясь (от совсем не совершаемых) поступков. Поступков, от которых могло наступить раскаяние. Да оно и приходило к нему. Заочно. И, вероятно, тогда же - начинало мучить его чувство вины. Вины, как водится, ни за что.

Но он переживал всерьез. И доводил себя, иной раз, до сумасшествия. А заодно - и всех близких, которые, вероятно, (в какой-то мере) уже смирились. С его сумасшествием.

Но вот эта раздражительность?.. Эта раздражительность вызывала борьбу. Начало борьбы. А, быть может, - и вызывалось ею.

И уже тогда, - мог, Иван Родионович, наблюдать чудеса настоящего исцеления. Забавного, в своем роде. Ибо, каким-то образом, одно - подменялось другим.

Но что было самое главное: иной раз, Лепетов, (неожиданно) успокаивался. И ни тревога, не беспокойство - не появлялись. И даже "чувство вины" - было заглушаемо (чем-то). И наступало тогда - состояние умиротворенности. Своего рода - гармонии. И, с недавних пор, именно это состояние - Лепетов больше всего и любил. Любил до боли, до злости, до отчаяния. Не хотел с ним расставаться. Но и, в какой-то мере (тоже, ведь, парадокс), - боялся его повторения. Как будто: "появившись раз", - оно может: не появиться больше. И, в другой раз, - понадобится сделать нечто большее, - чтобы наступила - (эта самая) гармония. А то и - не будет уже - такого шанса. Однако, об этом Лепетов предпочитал не думать. И, в какой-то мере, наслаждаться тем, что у него было. А была у него борьба. Борьба с самим собой. Борьба за внутреннее единство. Единство борьбы противоположностей. Ведь в конфликт, в какой-то мере, вступали два его начала: желание реализации коммуникативных склонностей (общаться, общаться, и общаться); и желание - одиночества.

И он терялся, не решаясь отдать предпочтение чему-то одному. И он боролся, - стремясь, как-то объединить, два (своих) подсознательных желания вместе.

Что ему на самом деле доставалось от той борьбы?

Но ему уже был интересен сам процесс. Процесс, от которого он не мог отказаться...

22. 02. 05 г.

рассказ

Писатель

1

В художественную литературу Аристарх Рафаэлович Ремезов вошел внезапно. Так входят в холодную воду, когда на улице стоит жара, и искупаться вроде, как и надо, но, представив себе "холод волн" - не хочется. Так прыгают в прорубь, когда разгоряченные после бани, и уже вроде сделав, те обязательные несколько метров до воды - на миг задумываются: а надо ли это?

На фоне той размеренной жизни, которая как вроде бы и окружала его, поначалу ни о какой литературе он не думал. Была работа чиновника средней руки, со всеми "положенными" его должности преимуществами. Была любимая жена; сын-школьник; родители - пенсионеры (которых он регулярно навещал каждые выходные). Был небольшой круг старых друзей; обязательно запланированные встречи с ними, (с неизменными мужскими интересами: спортивные мероприятия, сауна, ну и все тому "сопутствующее", о котором особо не принято распространяться, но которое присутствовало всегда). Аристарху Рафаэловичу было 37 лет. Был он высок, быть может, - даже красив; очков - усов - бороды - не носил; его волосы всегда были аккуратно подстрижены, виски подбрены; одеваться любил - изысканно; помимо жены - имел любовницу, периодически встречался с любовником, раз в полгода ездил на какой-нибудь заграничный курорт, и кроме служебной машины - имел неплохую и собственную, хорошую дачу в престижном месте (хвойный воздух на Финском заливе под Петербургом весной особенно хорош), ну и, в общем, действительно жил той самодостаточной жизнью,

которую и сам он считал таковой, и менять которую - совсем даже не собирался.

И вот в какое-то время Аристарх Рафаэлович почувствовал, что все это - "не его". Уже не радовала работа (в одночасье стали безразличны все ее преимущества). Надоела жена; "достала" всевозможными капризами любовница; (любовник вообще заявил о "смене ориентации"); стала раздражать глупость друзей; перестали интересовать курорты; "зажравшиеся" соседи по даче; сама дача; вечно холодный воздух с Финского залива... Даже консьержка в подъезде начала вызывать отвращение.

Почти неделю, Аристарх Рафаэлович ходил понурый, сосредоточенный в себе, мучительно пытавшийся в таком своем состоянии разобраться. Все время какое-то неосознанное решение вертелось в голове, но никак не могло материализоваться.

Тогда Ремезов решил помочь себе сам. В один из дней он набрал полный багажник различного "алкоголя", набил пару сумок снедью, постарался не забыть еще кое-какие мелочи - сейчас, вроде как, и не нужные, но, - кто его знает, - быть может, и необходимые в последующем, и, предупредив всех, что ему требуется срочно уехать на неделю - уже вскоре переступил порог небольшого домика в деревне (бывшая вотчина родителей, теперь стоявшая "наполовину заколоченной": полтораста километров от Петербурга вроде и немного, - но приезжали в эту деревеньку, кто даст сил вспомнить, - раз в два, в три года).

Никого видеть не хотелось; соседке-старушке, посматривавшей за домом (...ой, а я и не узнала тебя, совсем изменился...), Аристарх Рафаэлович отдал специально

привезенные "гостинцы" (к подаркам "из города" в деревне традиционно относились с благоговением); и, наконец, вырвавшись от затянувшегося было гостеприимства (...ну что, совсем забыл друзей детства?...хоть помнишь, - как зовут-то нас?... да помню я все... Сергей, Андрей... Влад?... что ж не помнить: вроде как, все школьные каникулы проводил с вами?..), затопил печь (зима играла на руку общей атмосфере уюта и комфортности), и, оставшись один - начал жить...

2

Удивительно... Спроси кто его, - так вряд ли и смог бы ответить, что представлял себя, когда раннее, живущим такой жизнью. Но уже сейчас, наоборот, для него казалось загадкой: почему он медлил раньше?.. А теперь вот, и трудно предположить, что интересовали его когда - земные блага... И тогда уже быть может и взаправду - душе положено довольствоваться малым...

Прошел год как Аристарх Рафаэлович Ремезов буквально ворвался на авансцену отечественной литературы. Каждые несколько месяцев выходили его новые книги; редко выпуск литературного журнала - не проходил без помещенного туда рассказа Ремезова; и чуть ли не с интервалом раз в неделю - одна из газет обязательно печатала с ним интервью... Он работал на износ. Каждый новый день делился на два обязательных отрезка: в первом писал он; во втором, обложившись различной литературой, - он был "читателем". Так, где впервые, где заново, были прочитаны: Кафка, Борхес, Сарاماго, Довлатов, Кортасар, Маркес, Гари, Пруст, Джойс, Грасс, Стриндберг, Гофман, Зюскинд, Фробениус, Эмис, Аксенов, Солженицын, Набоков... (И еще чуть ли не с сотню писателей). В интернете выискивались

литературные и филологические сайты; в распоряжении Ремезова оказались электронные библиотеки мира (благо, что и английский и французский знал в совершенстве, а за это время научился читать - почти без словаря - и на немецком)... Сон был сокращен до минимально-необходимых: трех-четырёх часов; на приемы пищи и прочие "обязательные" процедуры - в день отводилось не более получаса; все остальное время - он работал... Тем более, что никто теперь ему не мешал: с работы ушел, с женой развелся, любовница ушла сама, родители неожиданно эмигрировали в Израиль (мол, хоть под конец жизни, проживем спокойно...)..

И не зная даже, когда случилось это, (и, видимо, это было лишь следствием произошедших с Ремезовым изменений) - Аристарх Рафаэлович вдруг почувствовал, что попал в какую-то жуткую зависимость. Ведь он теперь не мог остановиться! Да и стоило ему лишь замедлить шаг, как тотчас же грозил напасть на него маниакально-депрессивный психоз... (А то и что "похлеще", о чем Ремезов и упоминать боялся).

Теперь, чуть ли не ежеминутно, Аристарх Рафаэлович должен был "вкачивать" в себя все новую и новую информацию; пропускать ее через себя (трансформировав, быть может, в какой-то мере через собственное литературное творчество); часами он просиживал за компьютером, книгами, журналами; белыми - становившимися вскоре исписанными - листами бумаги; рылся в энциклопедиях, разгадывал кроссворды, решал шахматные задачи... Его мозг должен был работать на максимальных скоростях; иначе, чуть замедлялся ход, - и наступала апатия к жизни, хандрическое нежелание вообще жить, откуда-то выползавшие страхи, незаметно заполнявшая его затуманенное

сознание неуверенность, ну и все то остальное, - отрицательно-нежелательное, - от которого Ремезов мог избавиться только одним - разогнав свой мозг на предельные обороты, заставив его (себя) все время запоминать, думать, анализировать...

Вскоре Аристарху Рафаэловичу стало скучно жить. Те нечастые окружающие, "успевавшие" в специально отведенное для этого время пообщаться с Ремезом по телефону, или - что уже случалось весьма редко, и поистине считалось для них большой удачей - переговорить в "живую" - казались Аристарху Рафаэловичу необычайно глупыми, а то и просто: дураками, да занудами. Телевизор он не смотрел (ничего "умного" оттуда не слышал), радио отключил (трудно подстроиться под интеллектуальные передачи), телефон включал всего раз в день на час... И в один прекрасный момент - который, учитывая то состояние, в котором Ремезов теперь находился, наступил достаточно внезапно - Аристарх Рафаэлович почувствовал, что сходит с ума...

3

Длинная кавалькада - медленно, с какой-то особой осторожностью - движущихся легковых машин да автобусов, подождав пока традиционно заспанный и полупьяный сторож, откроет шлагбаум, въехала на территорию кладбища.

Люди разного возраста, среди которых (как это всегда угадывалось, быть может, даже и не по лицам, а по какому-то "особому" чутью) были родственники, просто знакомые, как, впрочем, и не лично знакомые, а лишь по ставшему близким - творчеству, (бродили какие-то дети, понуро курили хмурые

мужчины, обречено озирались заплаканные женщины), постояв "необходимое" время возле свежей могилы, и, дождавшись пока сначала опустят, а потом и забросают землей, гроб, перешептываясь и вспоминая (может быть, как принято - только с хорошей стороны) покойника, стали постепенно разбредаться, большинство, о чем-то сожалея, и уж точно вряд ли кто, понимая, - почему тот так рано ушел из жизни (...убийство... да нет, - сам... револьвер нашли зажатым в руке... как аристократ... в висок...).

А через год, кто-то зашедший на кладбище (по вынужденной необходимости, ведь мало кто заходит туда случайно), мог прочитать на небольшом гранитном монументе: Аристарх Рафаэлович Ремезов, писатель...

09. 03. 04 г.

рассказ

Сновидение

Как-то раз Артур почувствовал, что его сон слишком затянулся. Сначала он не обратил на это внимание. Потом, подумал, что, вероятно, так и должно быть. Пока, наконец, не понял: страх - (возникший неожиданно, сам по себе, и ощущаемый Артуром как нечто, абстрактно-неразличимое, но все же, вероятно, реально существующее; а до того, что невидимое, - то просто потому, что существует в ближайшей - к фокусу происходящего сновидения - плоскости; и, вероятно, стоит задаться целью заметить его; но, удастся это, - и не исчезнет ли он тогда сам?.. этот сон?!) - начинает постепенно заполнять его всего без остатка. И тогда, впервые - где-то рядом, пока еще тоже не осязаемое, невидимое, неосязаемое, - не явила, во всем представленном

великолепии, опасность: что он, собственно, может и не проснуться вовсе.

Были, конечно, еще неуверенные попытки попытаться не придать этому значения. Мол, сон и сон; кто знает - находясь не с внешней стороны, а в самом сновидении - сколь долго тот должен продолжаться. Тем более, что и само измерение времени протекает совсем в другом временном порядке? И когда уже вполне можно было не опасаться, что чего-то не успеешь - сон-то был интересный, и, в какой-то мере, желанный - Артуру все труднее и труднее стало отвечать на неминуемые, и все чаще возникающие вопросы (а, казалось, некоторые из них уже стали прорываться в само сновидение - вопрошая его: не пора ли, собственно говоря, проснуться?); и тогда он, впервые, испугался по настоящему. Это уже была не игра. И, - как только подумал он об этом, - то, тотчас же, - проснулся. Посреди сновидения - застывшим полуответом.

Он открыл глаза; встал с измятой постели; подошел к балконной двери, и попытался ее открыть: ему сейчас просто необходим был свежий воздух. Однако, дверь не поддавалась. Мимходом пропуская появившиеся было мысли по поводу неудачи, - Артур потянулся к форточке расположенного рядом окна. Тот же результат. Все еще игнорируя вопрос неудачи: хотя уже вырисовывалась явная загадка - Артур сделал несколько шагов и толкнул межкомнатную дверь. Потом еще раз. Та - не поддавалась?!

- Что бы это значило? - неприятный холодок (не предвещавший, - как он знал из прошлых ощущений, - ничего хорошего) пробежал по коже. Артур сел обратно на кровать;

помотал головой (стремясь отогнать остатки сна, и, подспудно предполагая, что проблема в этом). Ощущение опасности не проходило. Спать лег поздно, - пришел в голову ответ. Однако, сама голова была излишне тяжелой (и словно - ватной). Артур вспомнил, что когда подобное случалось раньше - ему всегда на помощь приходила холодная вода. Вода бодрит, - подумал он. Однако, сейчас от этой мысли Артур поспешил избавиться. Что же происходит? - нахмурил он брови и предпринял попытку подняться с постели. Но теперь ему и это не удалось. Более того, какая-то магнетическая сила тянула куда-то вниз. Появилось непреодолимое желание заглянуть под кровать и даже не просто заглянуть - а заползти, спрятаться под нее.

Борясь, какое-то время, со странным желанием, Артур все же решил - ему не противиться; и быстро наклонившись, сначала заглянул (темно), а потом и заполз туда.

Артур ничего не ощущал. Потом перед его глазами неожиданно появилось какое-то действо. Присмотревшись, Артур (словно бы со стороны) увидел себя в нем. И только тут догадался, что это продолжение сна. Правда, сновидение было какое-то другое?! Артуру ничего не оставалось, как предположить, что, во-первых, он вновь спит; а во-вторых, каким-то образом попал в совершенно другое - чужое - сновидение. Он пока не мог объяснить, но чувствовал, что это именно так; словно, - ощущая то.

Какое-то время, являясь безучастным наблюдателем, Артур наконец-то вновь обратил внимание на себя - в (увиденном им) сновидении. И, - уже ни о чем не мог думать. Сначала ему захотелось оправдать себя - (себя настоящего) - тем, что тот,

другой, просто похож. Вероятно, Артуру просто не хотелось брать на себя ответственность за совершение - не совершаемых поступков.

Однако, через какое-то время, присмотревшись - (и не отметив для себя не единого - не желательного поступка; как и того, когда бы он сам - поступил бы как-то иначе), - Артур уже с еще более возрастающим интересом стал наблюдать за происходящим. И вот тогда, когда он ощутил себя единым целым с тем, другим, когда слился с ним, - внезапно, как будто, возникла перед глазами темнота; а потом Артур увидел перед собой возвышающееся кресло (вполне схожее с царскими, - отметил он); и... глаза. Вернее, - этот направленный на него взгляд. Он просто не мог его не увидеть. А еще через время, он заметил и обладателя "взгляда". Необычайно худой, словно высохший, бестелесный, старик возвышался в кресле. И какая-то (красно-черная) мантия прикрывало его тело; оставляя свободной только голову - (с бесцветными - редкими и седыми - волосами), да кисти рук (которые не просто лежали на подлокотниках, и были хищнически в них вцеплены).

И вот этот его взгляд... испепеляющий, и в то же время уверенный...

Несмотря на то, что взгляд старика не предвещал Артуру ничего хорошего, он почему-то успокоился. Быть может, потому, что прочел в этом взгляде - интеллект... А к интеллекту Артур питал странную благосклонность.

- Вы должны знать, для чего мы вас пригласили, - услышал Артур голос старика.

(Голос, казалось, ничего общего не имевший с возрастом; ибо, хоть и был он потрескивающий, - словно, пока говорил, кто-то рядом ломал сухие ветки, - но, тем не менее, чувствовалась в нем сила убеждения совсем еще не старого человека).

Только тут Артур заметил, что сам он стоит на площадке, но рядом никого нет. А, чуть ниже, - все пространство (уже, начиная, с нескольких метров от него) было заполнено людьми, с какими-то безнадежно понурыми лицами. Их было так много, что Артуру было трудно сосредоточиться на каком-то одном из них; тем более, что они все были чем-то похожи друг на друга; словно стоял (на самом деле?!) кто-то один, - а другие были лишь его зеркальными отражениями. Одинаковые, серые мантии, - скрывающие все тело, кроме головы; волосы, - такие же бесцветные, как у старика; хотя возраст их, - должно быть был, - все же меньше - стариковского.

Да и, - самому Артуру - (он внезапно вновь увидел себя) - было здесь не больше двадцати; тогда как, на самом деле, - он знал, что почти вдвое больше.

- Но я ничего не знаю?! - попытался ответить Артур, но почувствовал, что просто не может ничего сказать. Он не мог разжать губ; пытающаяся вырваться из него речь, - была не слышна окружающим.

- Какие будут предложения? - вопрошал старик уже зал, и Артур подумал, что он, вероятно, пропустил самое начало; а старик, странным образом, не видит, - что это так; что он, Артур, - просто не знает, о чем его спрашивают; как, - и не понимает, - что здесь вообще происходит... да он к тому же и не может ничего сказать?!..

- Хотя нам все понятно и так, - внезапно вынес вердикт старик, и устало попытался откинуться на спинку кресла, вероятно забыв, что ее деревянная основа намного возвышалась над его спиной...

Артур, попытался, было, сделать шаг к восседавшему на троне старику; он, во что бы то ни стало, должен объяснить тому, что это какое-то недоразумение; что, на самом деле, его с кем-то перепутали; да и возраст же - совсем другой; ведь совсем не он это...

Но не смог сдвинуться Артур с места; а прошло еще мгновение, и ощутил он, как подхватили его чьи-то руки, и понесли, понесли, понесли... и пытался он сопротивляться им; но словно тело его, - уже было и не его вовсе... потому как, не дернулся - ни единой член его... хотя мысленно уже, - бил Артур своих обидчиков... и по голове, и по туловищу, и по ногам... но ничего у него не выходило; и вскоре ощутил Артур - свежий воздух; ибо волокли его до того, куда-то вверх по ступенькам; и - крепко стиснутый этими людьми (а держали его, не иначе, сразу десяток из них; так что и не мог бы он пошевелиться, даже если бы и хотел), он мог двигать только глазами; и, вращая ими, догадался, что находится на крыше; вокруг была темнота; быть может - ночь; и не было ни ветерка; было тепло и не жарко; так, - что невероятно хотелось жить; но, пространство вокруг, вдруг стало с какой-то необъяснимой скоростью (и в неопишемом круговороте) перемещаться; и только тут он - сразу и неожиданно - осознал, что этот круговорот, и эта необычайная (невесомая) легкость, - лишь только потому, - что он: попросту падает...

...и пока еще мелькали перед его глазами огни "большого города"... но уже не способен был понимать, кому принадлежали они?.. освещающим асфальт - фонарям?.. рекламным щитам?.. светом из окон?.. или звездам?...

...потому как, вращался он, невысказанным (по какой-то непредсказуемости) круговоротом...

А потом, как будто, лопнуло что-то... И ощутил он вспышку. Озарение. И перед глазами. И внутри себя.

И на этом все закончилось.

Какое-то время, он еще пытался, было, удивиться - почему вообще ничего не происходит?.. А потом уже все действительно и закончилось...

23 марта 2004 г.

рассказ

Загадочное желание

Олег Петрович Кузовлев проснулся в необычайно плохом настроении. Можно, конечно, не вставать с постели. И если б это только было возможно. По крайней мере, никаких движений делать не хотелось. Но надо было. Хотя бы потому, что в один прекрасный момент (вернее, момент даже вовсе не прекрасный; а то и наоборот - очень даже отвратительный) он дал себе зарок не обращать внимания на схожие (так часто в последнее время возникающие) случаи, после которых он чувствовал себя, надо заметить, отвратительно. Ну, прямо как сейчас.

Олег Петрович натянул штаны; продел ноги в стоявшие рядом с кроватью тапочки; и, бросив взгляд на валяющуюся на стуле футболку ("одену потом") - зашагал в ванную.

Вот уж как месяц он жил один. С одной стороны, это как будто бы его радовало. Как минимум, - ни к чему не обязывало. Семейные обязанности, там, и прочие такие дела. Но уже с другой стороны, - подобное положение, накладывало и некий отпечаток на быт; внося в него свои (и порой не слишком приятные для мужчины, - если он не профессиональный повар, гей, или потомственный полотер) коррективы. А так как Олег Петрович не был не тем, ни другим, и ни третьим, то за тот месяц, пока от него ушла жена ("...все!.. больше не могу тебя, сволочь, терпеть..."), квартира пришла практически в полную негодность. Повсюду валялись порожние бутылки (в основном, пивные), одежда, вообще, - свисала (со стульев, шкафа, спинки кровати) такими замысловатыми завихрениями, - что будь Олег Петрович дизайнером, еще можно было предположить, что это некий поиск какого-то своего (неприменно отличного от других) стиля.

Но дизайнером Олег Петрович не был. А был он - преподаватель одного из городских вузов. (События - в Санкт-Петербурге). Причем работал - на кафедре психологии; что, должно быть, вдвойне интересно. (В плане предполагаемых вопросов о связи - теории и практики). Но интересно это могло быть для кого угодно; только - не для Олега Петровича. Его вообще сейчас интересовало совсем другое. Вот уже как месяц, - Олег Петрович хотел... сменить профессию. Причем, он собирался стать... мусорщиком.

Именно мусорщиком. Подобное желание уже месяц как не отпускало Олега Петровича. С ним он ложился спать. С ним просыпался. О нем думал в перерывах между лекциями. И даже во время лекций, неожиданно прервавшись и долго (пока смешки и шепот в аудитории становились до неприличия громкими), - думая о чем-то своем.

Но самое удивительное, что, пожалуй, и сам Кузовлев - не знал причины возникновения у него подобного желания. Притом, что само желание было. И от него практически некуда было деться. Оно преследовало Олега Петровича, буквально, ходило за ним следом (а в иные разы даже опережало!).

И вот, ведь, какая штука: не мог Олег Петрович никому рассказать об этом. Не с кем, - ему было поделиться, таким, в общем-то, невероятным событием в его жизни.

Но - хотелось! Невероятно - хотелось. Порой, - до боли, до страха, до отчаяния. И ведь не сказать, чтобы у Олега Петровича не было друзей. Нет. Были и друзья, и коллеги, и даже - родственники.

Да вообще, Олег Петрович был очень даже общительным человеком.

Но... тот круг, который сформировался вокруг него (или - в который - был допущен он), - совсем бы не понял: столь загадочного (как минимум!) желания Кузовлева.

И чтобы это означало?..

Крах!

Крах всего, - к чему так планомерно (ушли годы; ушли - вместе с близкими друзьями, и "предавшими" женщинами) приближался Олег Петрович.

И теперь, когда нужно делать выбор, Олег Петрович оказался бы просто не понят. Никем.

А, значит, остался бы один. Чего - допустить он никак не мог.

Нет, конечно, со временем, вокруг Олега Петровича сформировался бы новый круг. Пусть и не такой как прежде, - но и один бы он не был. Но... все это уже было не то... Да и было бы - что-то похожее - интересно Олегу Петровичу. С его слишком резкими переменами настроения. Мигренями. И жуткой - подозрительностью.

Но вот что на самом деле интересно (и чего, по правде, никто от Олега Петровича не ожидал), - он разрешил таки сложившееся (и затянувшееся) противоречие!

И причем самым простым способом.

Он стал работать мусорщиком. (Ночью). И продолжал трудиться преподавателем психологии - днем.

А так как ночная работа была не каждый день, - то у него было время осуществить и свою еще одну "мечту". Впрочем, - это уже другая история.

04 мая 2004 г.

рассказ

Право на смерть

1

Память не отпускает... А то и наоборот, когда кажется что уже началась совсем как вроде бы и другая жизнь -

неожиданно накатывает волна такой жуткой боли, что ты уже и не задумываешься даже - есть ли спасение этому...

Мне тогда было тринадцать... В тот день я впервые со всей неожиданностью понял, что что-то произошло такое, после чего я уже не буду прежним...

Но видимо слишком юные годы еще могли перебороть первую боль...

Через пять лет - все повторилось вновь... Я неожиданно оказался у черты, за которой не только была неизвестность, но и вовсе другая жизнь...

Тогда тоже как вроде бы еще ничего не произошло... Не произошло такого, что не позволило бы мне вернуться обратно... Но как раз видимо тогда, во мне окончательно произошли те страшные изменения, которые много лет позже и привели к некоторой трагедии, отголоски которой еще до сих пор направляют (точнее - подправляют) мою жизнь...

Окончательного "удара" как будто не произошло... Я уже находился в том состоянии, когда ничего не способно было сделать еще хуже... Мое сознание выбрало для себя такой режим существования, при котором какие бы то ни было вновь возникающие потрясения для моей души - уже не могли еще более ухудшить ситуацию... Ухудшать уже было некуда...

Однако, я всех обманывал... Конечно, быть может мне пока удавалось всех обманывать... Но я вроде как вел образ жизни, по которому еще совсем нельзя было сказать, что я сошел с ума... Что я сумасшедший... Что моя психика совсем неподвластна моему какому-то влиянию; а наоборот, - это я каждый раз вынужден подстраиваться под нее...

Мне кажется, - об этом могли не многие сказать... Ну в смысле - догадаться... Мир держится на каких-то нелепых стереотипах... И все, что мне нужно было делать - это поддерживать какой-то сформировавшийся миф... Который не только не изменился со временем, но и наоборот - только усиливался (в своем воздействии на подсознание окружающих), приобретая дополнительные детали, которые просто не могут не заставить поверить в него...

А ведь, по сути, мне и не так то много лет... Я это к тому, что может я и не такой уж "непонятный" для других?.. А на самом деле, все уже поняли, что я ненормален, и просто жалеют меня?..

Не знаю... Пока верно то, - что мне не хочется думать об этом...

Так получается (заметил сейчас!), что я до сих пор не представился... Но на самом ли деле, это необходимо делать? В любом случае, мое имя ничего не скажет... Как ни скажет ни о чем и тот город, в котором я живу...

.....

Поначалу я даже раздумывал, - стоит ли мне писать об этом?.. Как-то так получалось, что "раз" написав - я как бы обрекаю себя на то, чтобы писать дальше... Но и что-то еще, конечно, мешало мне удерживать эту жуткую боль в своей душе...

Душа ли это, впрочем?.. Моя душа давно уже принадлежит дьяволу... С такими черными мыслями как у меня - я просто не имею права даже упоминать и имени Бога... (Хотя насколько я верю и в того, и в другого?..).

Первый раз я почувствовал, как окружающий мир "слегка изменил свои границы" (расширив их, и словно позволив

увидеть мне несколько больше, чем видело большинство) - уже давно...

Но с тех пор как будто бы ничего не изменилось... Я даже думаю сейчас, что по видимому, моя судьба просто учила меня жить новой жизнью... Жить немножко в другом измерении...

Насколько, конечно, я был хорошим учеником?.. Но, наверное, прилежным был точно. Потому как, несколько раз порывался даже завести какую-то особую тетрадь, в которую бы заносил разницу между прежним ощущением реальности, и нынешним...

Эх, если бы я тогда это действительно сделал!?.
Насколько было бы сейчас легче что-то сопоставить, узнав, - насколько далеко я с тех пор зашел за черту, отделяющую реальный мир - от наших иллюзорных представлений о нем...
Отделяющий трезвую действительность - от психопатологической реальности...

Но стоит ли так об этом говорить?.. Ведь я еще подумываю и вернуться назад... Точнее, хочу вернуться давно...
Но что кому-то до моих каких-то желаний?..

2

Несмотря на кажущуюся психопатологичность собственной души, Бугрицкий пытался высвободиться от пут окутавшего его безумия.

Хотя, по всей видимости, такого уж безумия еще не было. Он, по крайней мере, мог еще выполнять те немногие обязанности, выполнение которых считал своим долгом.

О какой-то, правда, длительной работе уже не могло идти речи. Все попытки куда-то устроиться и проработать хоть какое-то продолжительное время, заканчивались почти одинаково. Сначала он завораживал своей внешностью, манерами держаться и образованностью (у него было Кембриджское экономическое образование, стаж работы в английской фирме, да еще незримо помогали связи его отца - дипломата). А потом все старались любыми способами от него избавиться. Потому что невероятно быстро понимали, что с приходом Бугрицкого в их еще недавно дружном коллективе - начиналась такая борьба "за место под солнцем", что уже о работе никто и не вспоминал... И как-то быстро все приходило к заключению, что виной тому - их новый сотрудник, Роман Аркадиевич Бугрицкий.

Но Бугрицкий совсем не хотел никого ссорить. Он даже наоборот - все время сопротивлялся этой своей "особенности". Но все время получалось одно и то же. Наступал момент, когда он по совсем не зависящим от него причинам - находил в каком-либо своем сотруднике (почти всегда Бугрицкого приглашали на руководящие должности; чаще всего - одним из заместителей директора фирмы) такие черты, которые были неприятны другим. Но не всем. Конечно же, не всем. Но обязательно находился кто-то из работающих в этой же фирме, у кого подобное бы вызывало, по меньшей мере, злость и ярость. Ну а Бугрицкий делал все, - чтобы такие люди "находили друг друга".

Обладая весьма расстроенной психикой, - Бугрицкий невероятно легко находил какие-либо пороки в других. Причем для него уже не имело значения, что человек, быть может,

стремился сделать все, чтобы о каких-то его "особенностях" поведения не узнали. Бугрицкий просто не замечал этого.

Но случилось, что люди, вроде как, и сопротивлялись тайному влиянию Бугрицкого. Ведь так случается, что ради удовлетворения каких-либо собственных амбиций, кто-то вполне согласен: и не замечать "странности" других. И тогда вроде как ничего и не происходило.

И Бугрицкому на этом бы и остановиться!/? Но он уже не мог (а может, и не пытался?) сдерживаться. И давал волю тем тайным силам, которые находились в постоянной готовности в глубине души его.

И тогда, еще недавно дружный и сплоченный коллектив - начинал походить на очаг напряженности. А директор хватался за голову, выискивая способы навести былой порядок...

Чаще всего это не удавалось. И после увольнения некоторых сотрудников - как-то оказывалось, что именно они были ключевыми фигурами, на которых держалась вся работа. И многие компании (в которых пришлось поработать Бугрицкому) закрылись. Но и там, где через какое-то время удавалось "помирить" сотрудников, - прежнего мира уже не было. И еще долго такие фирмы находились в явных аутсайдерах, безуспешно пытаясь выйти на прежний объем продаж. (Какое-то время Бугрицкий работал только в рекламных фирмах. И с приходом его - некоторые особо выгодные клиенты ушли навсегда).

3

Отчаяние... Жуткое отчаяние преследует меня... Я не знаю, как с этим справиться... Я не знаю, существует ли вообще

какой-то способ высвобождения из этого... Из этого состояния души... Моего теперешнего состояния... Ибо казалось, еще недавно - и в правду все было совсем иначе...

И тогда уже - имею ли я право жить?..

Имею ли я право и дальше приносить людям несчастья, которые на них обрушиваются, когда я оказываюсь рядом с ними... И, если это действительно так, если я несу своей жизнью только боль и страдания окружающим, то я - не имею право на существование... Не имею... Не имею...

12 сентября 2005 год.

рассказ

Проводник

Мне всегда хотелось узнать - что там "внутри"? Причем, совсем не интересовала "схема устройства головного мозга". Даже было безразлично - что скрывается под черепной коробкой. Знал - мозг. И этого - было достаточно.

Меня интересовала - структура психики. Психические механизмы. Возможность ответить на вопрос: почему мы совершаем те, а не иные - поступки?.. Отчего рождаются в нас различные желания?.. Что стоит - за самой способностью: возникновения мыслей?.. Можно ли как-то - контролировать этот процесс. Регулировать - его. Направлять; направлять - в нужную для тебя - сторону. Изменить, - первоначальный мотив возникновения желаний.

А если - научиться контролировать их?!

Вопросов было много. Ответы - иной раз: почти совсем исключали сами себя. Дополнительно внося сумятицу. Запутывая. Перегружая, - и без того: затуманенное сознание.

Однако, я - не сдавался. Я несколько не собирался останавливаться, - даже если в какой-то момент спохватывался, что в своих (рождаемых) выводах - оказывался отброшен назад. Чуть ли - не на исходную.

И тогда я возвращался обратно. Почти напрасно стремясь к чему-то, цепляясь за правильный ответ.

И порой становилось грустно. Грустно, - что ничего у меня не получалось. Грустно, что ни на дюйм - я так и не приблизился: к разгадке. И тайна - еще более упрочивала (свои) позиции. А, какая-то (возможная?) разгадка - вместо разрешения: еще больше отдалялась от меня. Пряталась в раковинке. Усиливала - свою неразрешимость. И, - как будто, - совсем и не предполагала ответ. Решение. Наличие - решения. Решения - способного приблизить (меня) к истине.

И в какой-то момент, я уже запутался сам.

Что я искал? К чему - стремился? Хотел ли (на самом деле) добиться: наличия - решения? Или все это, - большей частью, - была бутафорская сказка. И мне совсем был не нужен - ответ. А важен - сам процесс. Процесс - поиска истины. В какой-то мере даже - тренировка. Мозгов. Собственных.

Как знать, - куда бы я (на самом деле) дошел в собственных измышлениях. С таким вот - подходом. Но (видимо) сжалилась судьба. Послав, - просветление. В виде - совсем даже (как мне показалось тогда) чудной идеи.

Суть ее заключалась в том, - что бы найти, так сказать, "первоисточник". Своего рода - "проводника".

Благодаря ему, - смог бы я - (чуть ли не разом) разрешить создавшиеся (собственные) противоречия.

И нужно-то было совсем ничего: познакомиться с человеком, находящимся в состоянии... измененного сознания. Причем, быть может, даже - не постоянно: находящегося в нем. А - иногда. То есть, человека - с некими, "пограничными мотивами". И этого было бы достаточно. Потому как - на мой взгляд - предполагались у такого человека: некие способности. Способности - погружаться в глубины собственной психики. И, - что было необычайно важно (и что отличало его от типичного "шизика", который находился постоянно в "измененном сознании"), - "выплывать" обратно.

Подобный человек отыскался довольно быстро. На удивление - это был (с виду) совсем даже нормальный парень. Выглядевший - вроде как - (и) молодым.

Только после заметил я, морщины. И (не проходящие) мешки под глазами. И эти самые глаза - на удивление: серьезные. Слишком - серьезные. Быть может даже, заставившие меня на миг усомниться (в собственном выборе). Так сказать - даже - пожалуй: о нормальности(его).

Но я ошибался. Станислав, - как представился он мне, - был, конечно же, ненормален. Совсем. Он был болен. Seriously болен. И насколько я понял, - одной шизофренией здесь дело не ограничивалось. Был, своего рода, вполне типичный "букет" из симптоматики заболеваний. Пожалуй, даже, и серьезных отклонений в психике. Причем на удивление, - маниакально-

депрессивный психоз - совмещался у Станислава с параноидальными вывертами сознания. (Уже, вероятно, достаточно затуманенного). И все это сдабривалось доброй порцией шизофренического бреда, различных фобий, и галлюцинаций.

Почти вскоре после моего знакомства с ним - у Стаса началось обострение. Он бегал по комнате (жил в коммуналке, где - кроме него - жила глухая старуха, да одинокая мамаша - с мальчиком - идиотом: стоило мне переступить порог - как в коридоре тотчас же вырисовывалось это дитя - и вместо приветствия: норовило ударить меня специально приготовленным прутом по голове. Чтоб я стал, - наверное, - таким же, как и он, идиотом), периодически останавливаясь и с пеной у рта доказывая (невидимым для меня оппонентам) их ошибки (казавшиеся достаточно явным для него, - но, - вероятно: не для них); или - наоборот - прятался, - залезая под кровать. Причем, вероятно, опасность для него казалась столь реальной - что он не только никак не реагировал на мои призывы к "возвращению"; но и, порой, - время моего ожидания (а, заметив бесперспективность, я тут же оставлял попытки) доходило до нескольких часов. (Благо, что у Стаса оказалась довольно приличная библиотека. Частично - собранная им. Частично - доставшаяся от родителей).

"Возвращался" Станислав, как ни в чем не бывало. С полуулыбкой, и, - как вроде бы, - даже сожалением что так произошло.

Да я на него и не сердился. В плане, разработанном мной, Станиславу предназначалась достаточно серьезная роль. Невероятно важная. И может даже - не до конца понятная ему.

Но он как-то быстро доверился мне.

И (в какой-то момент) мне уже не приходилось сомневаться; что все у меня получится. Я (уже) был почти уверен: Станислав поможет мне погрузиться в глубины психики. В подсознание. Научит меня - бродить там. Отчасти - путешествовать.

Но (что было для меня) самое главное - научит возвращаться обратно.

То есть я, - своего рода, - готовился убить двух зайцев. И узнать свое бессознательное. Узнать, - что скрывалось там. Внутри. В психике. И - выйти в другое состояние. Сознания. Состояние - привычное мне. Нормальное. Сознательное...

Станислав принял мое предложение.

А я... я как-то быстро (достаточно быстро, чтобы не обратить на то - внимание) не заметил границ, отделявшую сознание - от бессознательного. И, должно быть, прошло совсем незначительное время - как для меня все изменилось. Предметы - как-то разом потеряли привычное очертание. Слова людей - уже не казались достаточно понятными. Вернее - создавалось впечатление, что они говорят какой-то чистый бред. Думая, - что в их речи есть истина. Но я не разуверял их. У меня просто не было возможности обращать внимания на ошибки других. Пока еще не замечать (это вроде как получалось автоматически), - но обращать (на то) их внимание.

А через время - я уже и сам опасался сказать что-то лишнее. И как можно быстрее стремился развязаться с (возможным, и, пока еще, случившимся) контактом. Который, впрочем, уже случалось все реже и реже.

Люди как будто начинали избегать меня.

Но я этого уже не замечал.

Я сошел - с ума.

P. S.

А Станислав... Станислав, неожиданно пошел на поправку.

Правда, об этом я уже не знал.

09 марта 05 г.

рассказ

Противоречия

1

На каком-то этапе мне пришлось себя поймать на том, что если отбросить (лучше, чтоб их уже никогда и не найти) клубок очередных, сопровождающих всю мою жизнь, противоречий, то оставшаяся жизнь - по тому, что ее будет окружать тогда - будет совсем скучна и неинтересна. Но если оставить все, так как есть - все будет, вероятно, еще хуже.

Вероятно, неким подарком (судьбы? - если, все же, когда мне и придется в нее поверить...) сейчас уже то, что на протяжении - как минимум - последних десяти лет (что было там, раньше, сейчас уже и не вспомнить) я имею (удивительную по своей сути) возможность сравнивать проживаемую жизнь с другой. С жизнью, например, моего товарища - Глеба Имажинского. И я (Филипп Мелихан), и Глеб - все последние годы занимаемся литературным творчеством. Среди наших отличий (столь редких, что было бы уместней говорить о

противоречиях), вероятно, один возраст (по тридцать пять), и критические взгляды на современную литературу; большей частью, страны - России, - где приходится жить. Но уже дальше (выискиваемое с трудом) - "родство" заканчивается.

А потому, быть может, и более уместно говорить обо мне. Хотя, самого Глеба я привел не случайно. Потому как нашел (отдельный разговор, что мне "того стоило"; особенно, учитывая, в общем-то, скрытный - почти не в пример моему - характер Имажинского; да еще его недоверчивость; заранее закрывающую дорогу, к какому бы то не было - тесному - общению. Читай - дружескому; ибо за дружбой - хочешь, не хочешь, -- допустима и откровенность. Иначе, зачем же дружить? Не доверяя...), - что-то, что в какой-то мере, - могло роднить нас.

А дело все в том, что я и Глеб - имеем - (психиатры были бы более категоричны; а психоаналитики - потеряли бы руки в предвкушении "клиентов"), - незначительные проблемы с психикой. То есть, можно сказать, - легкое, - отклонение от нормы.

Притом, - кто устанавливает "норму", - для нас казалось такой же загадкой? Потому как, может расходиться (эта самая норма), - с общепринятыми (известными ли подавляющему большинству?) представлениями. И что покажется занимательным - я (с незначительным отставанием; в год-два) - "дублирую" своего товарища. Повторяя - симптомы его. Даже если, - с точки зрения его, - их у меня не было.

Судите сами. Всего лишь в прошлом году Глеб поведал - (чем я обязан его откровенности?), - о появлении у него какой-то тревожности (страхов, неуверенностей); которые, поначалу,

проявлялись только вечером; но теперь - и это я уже знаю и без Глеба, (ибо, - все как один, - возникли и у меня) - и днем. Мы испытываем на себе (всю эту симптоматику). Стоит, - лишь только, - открыть глаза. После сна.

Вся (наша?) жизнь теперь делилась на два отрезка. Первый (когда поселившаяся внутри печаль еще совсем не думает уходить), - утренний. Второй, - вечерний.

Второй период, пожалуй, был самый долгожданный; ибо тогда, как раз мог я (и Глеб?) вздохнуть (в первый раз после дня) полной грудью; ибо совсем уже в этой груди не оставалось ничего из того, что ее окружало днем. И выходило, что я уже с самого утра знал, что смогу по настоящему "жить" - только к вечеру. А то и, - к ночи. Ибо только ночью, по настоящему, получал я "индугенцию" - от дневных кошмаров. Я даже график (что толку было "противиться" и бороться - не известно с кем) своей жизни изменил; сместив (все, что было самое ценное) - на вечер; на первую половину - оставив дела, - совсем неотложные...

И лишь только просыпался я, - и еще не вставая с постели, - чувствовал: растекающуюся по телу волну накатывающейся тревоги; ощущал чувство вины (будучи не перед кем не виноват); чувствовал страх - до того (никогда) никого не боявшись; и сам себя заставлял верить, - что в моей жизни поселился страх...

2

"...Считаю ли я, что было это следствием всей (до того безбедной? Исходя из того, что за все "надо платить"?) жизни?..

Не знаю.

Я действительно не знаю.

Но, ощущая что-то новое внутри себя, я впервые ловлю себя на мысли - что боюсь этого "нового". "Нового, - и неизвестного". Потому как, - что может более печальнее: неизвестности?..", - записав эти строчки в дневник (не есть ли, - начало ведения дневника, - как стремление - "разобраться" в себе?), я попытался было, "собраться с мыслями"; но подумал, что, вот, как раз этого-то, - делать и не следует.

Мне неожиданно пришло видение того, как следует - воспринимать то, что случилось. Что если, - воспринимать все это: как жизненный опыт?.. Безусловно, - индивидуальный - у каждого...

А еще... еще я, - как-то случайно, - нашел себе занятие. Которое самым удивительным (и долгожданным) образом, - уводило меня в свою, пока неизведанную, "даль". Да даже из-за того, что я способен был при этом отвлекаться - уже, как казалось, достаточно благоприятным. Ведь тогда, - забывал я: о мучавших меня противоречиях; противоречиях, - внушавших, порой, сродни фобическому - ужас. Тем самым, заметив (да и "не заметить" - было нельзя), что - самым чудесным и удивительным образом - наступает исцеление; и хотя, на самом деле, еще рано было говорить об исцелении души, - уже можно было признать (а почему бы и нет?!), - что это пока было то единственное, что могло задержать "царствование" бессознательного. И только оставалось удивляться, - как я до этого, не додумался раньше?..

У меня почти получилось. Когда известно неизвестное - оно уже совсем даже и не "неизвестное". А значит, - появляется, хоть бы и призрачная, надежда, - окончательного избавления.

Но вот что будет, когда пройдет (и исчезнет) - эта надежда?.. Об этом я старался не думать.

Но - что будет тогда?..

Противоречия?..

Противоречия!..

Противоречия...

04 апреля 2004 г.

рассказ

Случайная встреча

Всю свою жизнь, - а она была относительно коротка, всего каких-то двадцать с небольшим, - мне удавалось избегать того чувства, что зовется любовью.

Ну, конечно, совсем "избегать" не удавалось. Однако теперь, по прошествии определенных лет, когда накоплен (пусть небольшой, но позволяющий уже делать более-менее правильные выводы) жизненный опыт, могу сказать, что если что и случалось (когда, где и с кем - не суть важно), - то это все скорее напоминало влюбленность. Да что там, именно влюбленностью это и было. Иначе, не оказался бы я сейчас в подобном унылом (а это оказалось для меня столь ново, что первое слово, хоть как-то характеризующее нынешние чувства было именно синонимом того грустного, печального и невеселого,

что охватило меня) состояния, которое раньше если и случалось, то совсем по иной причине.

Началось все с того, что мне выпало поехать в командировку в Москву (тому предшествовал перевод - в фирме, где я работал уже несколько лет - на новую должность: теперь я курировал что-то вроде "связей с общественностью").

Ну, в общем, поездка как поездка, всего какая-то там ночь пути; да, собственно, она и вышла бы такой, не повстречайся мне (уже на обратном пути - все вопросы были разрешены, и я возвращался, предвкушая вполне заслуженную похвалу от начальства) одна девушка.

Ну, скажете вы, девушка и девушка и, в принципе, будете правы. Да так бы и вышло, если бы... если бы в час моего возвращения домой в Петербург (а мне всегда казалось, что ночь для этого самое милое дело) кроме нас в купе никого не оказалось. Но, пожалуй, и этому можно было бы не придать никакого значения, как если бы (случайно, на самом деле - случайно) я не заметил того влюбленно-застенчивого взгляда, которым моя спутница (изредка) поглядывала на меня.

Однако и это все еще могло показаться чем-то обыденно-тривиальным, по крайней мере, для меня (обладая вполне сносной - а кто-то отыскал бы и некоторые признаки красоты - внешностью, мне порой приходилось ловить на себе схожие взгляды), если бы (поезд тронулся, белье застелено, чай принесен...) я не обратил внимание, что состояние девушки почти исключительно поменяло свою направленность. И теперь его не иначе как грустным да подавленным и назвать-то было нельзя. А, кроме того, вскоре девушка как-то незаметно начала всхлипывать,

и опасаясь, что все это может перерасти во что-то для меня ужасное (женский плач, - в солидарности со многими мужчинами, - я не выносил), я поспешил выскочить в тамбур. Покурить, там, да выждать время!

Однако, когда вернулся, - обнаружил, что состояние моей спутницы ничуть не изменилось. А то и наоборот - и всхлипы стали громче, и все признаки начинавшейся истерики были, как говорится, налицо.

Попытавшись, было, выждать некую паузу (где-то в подсознании уже промелькнула мысль об ее абсолютной бесполезности), я понял, что мне следовало начинать что-то предпринимать, иначе моя (излишняя) "галантность", - вскоре приведет к какой-нибудь (знал бы я какой?!) катастрофе. И тогда я легонько дотронулся ладонями до плеч сидевшей ко мне спиной (забравшись на нижнюю, как и у меня, полку) девушки. Когда она обернулась, я увидел на редкость правильные черты лица, чуть вздернутый носик, тут же (спохватилась) надетые очки, непослушную, - сбивавшуюся на глаза, - челку, и внимательный (не сказать, что он был такой уж удивленный!?) взгляд молоденькой девушки, лет 20-22-х.

- Простите, мне кажется, - я должен Вам помочь. Если не возражаете, я могу хотя бы попытаться... - с не раз подкупавших других людей простодушной доверчивостью, произнес я, улыбаясь, пришедший в голову монолог.

- Вы уверены? - чуть помедлив, ответила девушка. Как мне показалось, - она готова была принять "правила игры".

Сейчас даже не вспомню, что я ответил. Но это было и не так важно, потому как творческая фантазия (при должном настрое,

который обеспечивался наличием иной внимательной и благодарной слушательницы) способна была унести меня в такие дебри, что я, иной раз, и сам опасался (и вполне оправданно) не вернуться обратно.

В общем, с отведенной мне ролью я справился и на этот раз. И не успел поезд остановиться около первой попутной станции - я уже знал, что мою соседку зовут Анастасия, что ей 19 (почти не ошибся) лет, а что до той ее грусти... Так, ведь, сейчас от нее не осталось и следа. А раз так, то, в какой-то мере, со своей задачей я справился. Тем более, что моя новая знакомая теперь не только весело хохотала, но и, как мне показалось, - готова была "увлечься" мной.

К слову сказать, никакого особого желания "располагать" кого к себе, - у меня никогда не было. В большинстве случаев это происходило само собой. И, видимо, нечто схожее случилось и сейчас, потому как девушка как-то незаметно (и для себя, и для меня) оказалась во власти той информации, которой я окутывал ее сознание, и слегка приоткрыв рот (что, как я догадывался, хоть и было следствием ее заинтересованности, - но, - сколько в этом жесте было сексуального!..) слушала меня. Присовокуплю к этому - еще блеск ее глаз, выступивший румянец, да то смущение, которое периодически охватывало и ее и меня.

И тогда я действительно "разошелся". Меня все больше и больше уносило в бессознательную даль (которой я так опасался), и я уже готов был совсем отпустить поводья, как в дверь купе сначала кто-то постучался, а потом через (сразу ставший узким) проход, начала протискиваться громоздкая фигура какой-то тетki, достаточно неопределенного возраста - можно было дать и

пятьдесят и все семьдесят. Неуверенно поздоровавшись, она тотчас же стала за собой втаскивать множество каких-то сумок, тюков, котомок, потом все это зачем-то развязывать, перекидывать, ну а когда она принялась делать то же самое с многочисленными платками, в которые была повязана словно капустный лист, - я предпочел куда-нибудь скрыться. В тамбур, разумеется.

Однако, не успел я толком прикурить сигарету - как рядом со мной оказалась моя попутчица.

Не знаю, хорошо это или нет, но иногда у меня проявляется удивительная привычка говорить с теми людьми, с которыми почти только что познакомился так, как будто мы знали друг друга уже много лет. Вопрос - что подумала Анастасия, но обратно в купе мы вернулись... влюбленной парой.

В ту ночь мы уже не спали. Под размеренный перестук колес, иногда заглушаемый лишь храпом, вероятно, с трудом уместившейся на верхней полке гражданки, мы делились друг с другом всем, что произошло с нами в той, другой жизни, стремясь использовать любое мгновение, этой уходящей с каждым пройденным километром ночи.

Однако чем быстрее приближалось утро, - тем все более я начинал осознавать, что вскоре мне предстоит делать выбор. И независимо от того, какое бы решение я принял, - каждое из них могло привести ко всем тем нежелательным последствиям, от которых я все время стремился убежать. А следует заметить, что, несмотря, на еще достаточно юные годы, я уже считал себя чем-то вроде "специалиста по одиночеству". Причем, большей частью, эта моя "специальность" - была вынужденной мерой. Ведь

"привяжись" я к кому - и в случае расставания... в общем, я боялся даже подумать, чем это могло закончиться для меня... С моей-то психикой!? А потому и приходилось -

Но вот с Тасей, мне, отчего-то, расставаться не хотелось.

Может быть, я действительно почувствовал то знаменитое "родство душ", столь любимое некоторыми романистами? И раньше, - в той, другой жизни, - мне не хватало именно Анастасии? А все встречаемые дамы - были лишь отдаленной копией ее (потому и...)? А может, мне сейчас трудно сделать выбор - потому как, между нами уже произошло - "это"... Причем инициатива исходила целиком от меня, а девушка лишь поддалась "искушению"... Да и то, вероятно, боясь меня потерять. (Влюбленный человек с расшатанной психикой способен себе "накрутить" и не такое). Но уже как бы то ни было, - видя ее глаза, преданно лоящие мой взгляд, я начинал выглядеть в своих глазах абсолютным мерзавцем. Ведь я уже знал, что мы не будем вместе. Знал. И боялся себе же (что говорить о ней?!) в этом признаться. Неужели я так привык к одиночеству?.. Но даже если это и так, - то уже то, как я должен был "поступить" - было ужасно. И вероятно оттого - я все больше и больше боялся конца "путешествия".

- Что-то случилось? - спросила девушка, и я понял, что, конечно же, она не может не заметить мое состояние.

Я уже был не так весел, - хотя еще по привычке улыбался; не столь разговорчив, - хотя что-то, должно быть, отвечал; но главное - и это, по всей видимости, достаточно явственно бросалось в глаза, - стал какой-то, излишне, скованный

и напряженный. Но ведь я действительно боялся нашего возвращения!

Анастасия, должно быть, все поняла. И уже реже (словно пока еще по привычке) улыбалась; уже почти ничего не рассказывала; и лишь только однажды я (случайно) поймал на себе ее взгляд. Но это был уже другой взгляд. (Помню, мне он показался... странным). Это был (отчаянный?) взгляд обреченного (и узнавшего о том) на гибель животного...

- Мы... не увидимся больше? - нашла в себе силы, - и я видел, что это ей дается с большим трудом, - спросить она.

- ...Да... - тихо ответил я, и, взяв свою сумку, вышел из купе.

Приближалась станция. И я знал, что теперь никакая сила не заставит меня вернуться обратно. Я выглянул в окно. По перрону спешили люди. Надо и мне спешить. День начинался. И так много еще предстоит успеть...

26. 02. 04 г.

рассказ

Возвращение

Владимир Ипполитович Безвременьев (самым внезапным и коварнейшим образом), обнаружил, что прежний ход вещей, ему, как будто, и не подвластен. И ведь, вроде как, и нельзя было ничего поделаться. Быть может потому, - что для этого требовалось найти ту точку отсчета, с которой стабильный (до сих пор) круговорот жизни - принялся идти: в одном ему известном порядке. Или просто, что было уже значительно вернее, - беспорядке. Потому как - как же это еще называть? (Причем,

стоило заметить, что какого-то особого - так сказать, суматошного порядка - еще, вроде как, и не было. Просто, в одночасье... все словно стало с головы на ноги. Ну, или - с ног на голову. В зависимости, от того, как у кого стояло раньше).

В общем, Владимир Ипполитович заметил... даже нет... Владимир Ипполитович, как-то странно обратил внимание, - что привычный закон мироздания - как бы разом потерял свою актуальность. И, теперь, кажется (может, действительно, пока только кажется), - что все самым неожиданным образом изменилось.

Первым "звоночком" было необъяснимое желание Безвременьева перечитать старые книги из собственной библиотеки, насчитывающей несколько тысяч томов. Да, не абы какие - а те, которые аккурат (и не только самим Владимиром Ипполитовичем) относились к так называемой детско-юношеской литературе. Жюль Верн, Даниэль Дэфо, Герберт Уэльс, Чарльз Диккенс, Фенимор Купер... и кроме них: Бальзак, Стендаль, Мериме, и тому прочие (включая многочисленных русских классиков XVIII-XIX вв.) - неожиданно завладели его сознанием. Причем, что поистине оказалось удивительным, Безвременьев (как будто бы) ощутил прикосновение к тайне... той тайне, завесу над которой приоткрывает любой нормальный подросток 12-14 лет (а то и значительно раньше, например, большинство из перечисленных автором сам Безвременьев прочитал еще в 8 - 10 лет), - и после... к ней (тайне) уже не возвращаются. И не потому, что как-то там, разочаровался в некогда любимых книгах. Совсем даже нет. Просто он, - перешёл на другой, следующий, этап в своем интеллектуальном развитии; и вполне объяснимо, - что уже

там, - появились другие, новые авторы. (И у нашего героя, до сих пор, все шло самым, как говорится, надлежащим образом. Тем более, что, в какой-то мере, чтение книг он сделал своей профессией, работая преподавателем на кафедре мировой литературы одного из недавно открывшихся Питерских ВУЗов. А до того, - тоже не бездействовал; занимаясь наукой - филологией, - и защитив кандидатскую диссертацию, - что в его тридцать лет - в принципе, было неплохо).

Столкнувшись с подобным своим желанием - Владимир Ипполитович, самым незавидным образом, опечалился. Что случилось? Почему он, как-то вдруг, стал испытывать наслаждение от той литературы, к которой, (как надеялся), - уже никогда не прикаснется? (Ну, может, только разве, чтобы вспомнить какие отдельные моменты из прочитанных книг: пожурить, там, сына-школьника, или проверить некоторых студентов, выбравших в качестве темы - что-нибудь из подобных произведений...).

Но, что было поистине, самым печальным - доцент Безвременьев испытал "необъяснимое" (в его нынешнем образе - "знатока" литературы) удовольствие "от прочитанного". При том (а это было, пожалуй, уже - не вторым "звоночком", - а первым "симптомом"), к действительно "интеллектуальной" прозе, - он, вдруг, самым неожиданным образом охладел. А что было еще точнее, - вдруг как-то разом, - перестал ее "понимать". Практически в одночасье, она стала (для него) - "скучной" (если не сказать - занудной), и "неинтересной".

А, ведь, было время?!. Когда с удивительнейшим наслаждением (и даже - трепетом) он открывал томики: Кафки,

Борхеса, Кортасара, Воннегута, Джойса, Набокова, Белого, Мариенгофа... Буквально зачитывался произведениями Камю, Сартра, Кундеры, Маркеса, Стейнбека, Бэнкса, Гари, Аксенова, Довлатова, Битова, Сологуба...

Куда все ушло?..

Все куда-то безвозвратно ушло... Этой прозы, Безвременьев, теперь (в лучшем случае) не понимал; в худшем... в худшем он, - вообще не мог прочитывать ни строчки; задаваясь вопросом, - "о чем здесь написано"?..).

И ведь, быть может, ему бы следовало с кем поговорить?.. Спросить совета... А то, - и просто поговорить; чтобы, по реакции собеседника, (например), - попытаться понять: что же это с ним, с Владимиром Ипполитовичем Безвременьевым, происходит...

Но вот в том-то и дело - что-либо подобное почти изначально исключалось. И не потому, что Безвременьев чего-то опасался (хотя, бесспорно, было и это; причем он не то что опасался, а самым настоящим образом боялся; именно - боялся); и даже не потому, что Владимир Ипполитович не знал, как ему правильно - подойти к чему-то подобному. Совсем нет. Вернее - не это было главное. Основным (тем, что напрочь перекрывало, возникшее было, желание) было то, что у Безвременьева, просто, не было на примете человека, с кем он мог бы так просто взять, да пообщаться.

Одних он считал - завистниками (а потому - сразу обманут, навредят, разнесут дурную весть по институту и городу); других - откровенными дураками (не поймут, испоганят смысл, исковеркают правду); третьих... впрочем, третьих-то уже и не

было. Но даже, если б кто случайно и объявился бы, - то он сразу же оказался бы зачислен в стан и первых, и вторых, и воображаемых третьих, четвертых, пятых... десятых...).

Что было делать Безвременьеву?.. Сложилась довольно парадоксальная ситуация, которую он, вдруг, наметил разрешить, причем, самым неожиданным образом.

Пойти к независимому психиатру!?

И уже, как будто бы, и действительно сделал это...

Но неожиданно задумался. "А что, если этот, так называемый, "независимый" психиатр - окажется: очень даже "зависимым"; чьим-то братом, племянником, сыном, знакомым... И уже от него, - еще прежде существовавшая тайна, - перестанет быть таковой. И все выплывет наружу. (А перспективы последствий, - Ипполит Матвеевич боялся намного больше, чем самих последствий. Но это так. К слову...).

И беда еще была в том, - что, сколько бы Безвременьев не пытался думать "над возникшей проблемой" - она, как будто бы, не только не исчезала, но и даже - стала как-то усиливать свое влияние. Множась, и таинственным образом, увеличиваясь в размерах.

И вот это уже была настоящая беда.

Безвременьев хаотично бродил по комнате. Суматошные мысли рождали такие же варианты; которые тут же отбрасывались, призывая к ответу новые.

Но уже все было действительно бесполезно. А, ведь, когда-то?.. лет пять - шесть назад... не тогда ли - впервые можно было задуматься?.. не тогда ли, - он впервые почувствовал, что с ним что-то происходит... (...поездка в трамвае... не купленный

билет... контролер... отказ Владимира Ипполитовича предъявлять билет; требование штрафа... снова отказ; и, - в итоге, - спасение бегством...)

Ему бы тогда, - обратить на это внимание. Но, не на это, конечно... А на то, что случилось потом. А потом, - Безвременьев купил проездную карточку; и, при следующей поездке, всяческим образом, - не один раз тыкал ее под нос - поначалу удивленному, а после всерьез обеспокоенному кондуктору; а после, Безвременьев и вовсе выскочил из транспорта; обругав его чьим-то прихвостнем...

Вот бы задуматься Безвременьеву тогда?!

Тем более, что при последующих поездках... впрочем, - самих поездок: не стало. Все расстояние от дома до метро, Ипполит Матвеевич ходил исключительно пешком.

Но, - завидев (уже знакомого) кондуктора в окне проезжающего трамвая - Безвременьев (каким-то загадочным образом) преображался: подпрыгивал вверх; желая обратить на себя внимание кондуктора - вытягивал руку, со все тем же проездным билетом; и, по настоящему, успокаиваясь только тогда, - когда видел его перепуганные глаза. Ходили слухи, - что вскоре, тот даже сменил маршрут. Пока его и там, случайно не нашел Безвременьев.

В общем - задуматься бы Владимиру Ипполитовичу тогда... Но...

Кстати, через какое-то время, - Безвременьев неожиданно успокоился; стал ездить в трамвае; сразу покупая билет; и нарочито - на всем протяжении поездки - уставляя в специально заготовленную газету.

И вот, теперь... Теперь, Безвременьев стал неожиданно замечать, что постепенно погружается куда-то в бездну. Или нет. Какое же это погружение?.. Это скорее - возвращение. Возвращение обратно, в детство. Туда, где у него не было никаких забот. Там он был под более чем надежным прикрытием обезумевшей от любви к сыну матери (продолжающей нянчиться с ним не только, когда он уже учился в институте, но и даже когда женился); от почти схожей любви - отца (бессменно - начиная со школьных лет - сопровождавшего его на все экзамены, в том числе и институтские); от любви сослуживцев отца (занимавшего достаточно крупный пост в министерстве культуры), заискивающих перед: "чудо - мальчиком", притом, что никаким-таким чудом, - он никогда не был).

И уже хотелось ему в этом самом детстве остаться. И придумывались тысячи обоснований - не возвращаться обратно.

Да и зачем?..

И тогда уже, - зачем и нам тогда надоедать Владимиру Ипполитовичу Безвременьеву нашим (излишним?) вниманием?.. Оставим его в том состоянии, которое уже почти всецело заполнило его... Ведь главное, - чтобы человек был счастлив...

25 января 05 г.

рассказ

Разговор

- А ведь, пожалуй, и нельзя сказать, чтоб ты так... опечален был, что ли?.. Хотя, что это я?! Печаль, казалось, как раз наоборот, - совсем даже и не сходила с тебя...

- С тебя? - перебил, было, я, вопросительно вглядываясь
В...

- Ну - с тебя, с меня, - какая уже к черту даже разница...

- В этой самой "разнице", как раз и кроется истина, -
попытался, было, сфилософствовать я, но (в тоже мгновение) был
жестоким образом сбит с какого-либо умозаключения. - Сам себя-
то не бей, - недоуменно, прижимая руку к сердцу (превратившееся
в тысячи осколков разбившихся зеркал), прошептал я; но уже
готов был пожалеть об этом...

- Напрасно ты сопротивляешься...

- Когда тебя загоняют в угол, ты еще и не так будешь...

- Да, полно тебе... Ведь, ты же знаешь, - что мы всегда
сможем "помириться".

- Не всегда... - словно подумав о чем-то, уже готов был
произнести я, как вовремя осекся: нельзя было так уж открывать
свои карты.

- Ну, что же ты замолчал? - нетерпеливо занервничало
мое "Я", разом обнажаясь передо мной в своей беззащитности.

Но я то знал, что это не так. И, настоящая истина,
способна, - и не открыться.

А если, и покажется на время (ибо было оно, - мое "Я", -
слишком опытным, чтобы "открываться" каким-то образом; тем
более - признаваться; хоть в чем-то. Хотя, в чем оно могло
признаться?!), - то всяк, не заставит меня ему поверить. Ибо,
разве за любой верой, - не скрывается беззащитность?.. Что было, -
для меня самое страшное... И, - не доступное...

- Ну, что же ты замолчал? - повторило вопрос мое "Я".

- Ты хочешь сказать, что я должен еще что-то говорить? -
ответил я вопросом на вопрос.

- А почему бы и нет?! - вмешалось в разговор "Оно".

- Да, почему бы и нет?! - вторило ему "Я", отражаясь
зеркальным отражением, и отбрасывая от себя различные по
частоте тональности; тотчас же, сливавшиеся в единый поток
(обратившегося к услышанному диалогу) бессознательного;
бессознательного, еще доселе, казалось, занимавшегося
неподвластными пониманию "делами". (А значит, находившееся в
какой-то особой "занятости"; о чем я всегда искренне надеялся).

- Хотя нет, постой, - внезапно опомнилось "Я"
(обращаясь, видимо, - о чем я до сих пор боялся, - в радостном
томлении, разумеется, - поверить, - к бессознательному). - Если и
разговаривать с ним (достаточно скромный намек на меня), - то
мне. И только мне.

- Мы можем и не ссориться, - попробовал, было, я,
использовать момент, чтобы обратить на свою сторону хоть кого-
то.

- Ты изначально ставишь себя выше, - адресовало свой
вопрос (в котором больше чем где-либо, прослеживалась и
констатация факта, и скрытая угроза) "Оно" - к моему "Я".

- Да, брось ты, - внезапно не принял я вызов (а ведь, еще
раньше!?).

- Ну да, ладно, - необъяснимо легко (необъяснимо для
меня) согласилось отклонить свое вступление в затеянный нами
(им?... мной?..) диалог, - "Оно"...

- И тогда ты, считаешь, что почти всегда прав?! (а это
уже, вероятно, ко мне).

- Да, я уже о другом... - пробовал, было, выиграть я.

- И о чем же? - казалось, решило со мной поиграть (а ведь ловушка... ловушка...) мое "Я". - Не о том ли... - я вполне искренне (игра, - а был выбор?) и податливо улыбнулся (в душе?.. наяву?..), собираясь, было, разыграть и задумчивость... но, видимо, что-то (или кто-то?) был и за меня. И я, как оказалось, вовремя остановился (интуицию, как вроде бы, можно отнести к бессознательному?..), и закончил совсем уж неосознанно - непонятно - и намеренно запутанной, на самом деле, ничего не значащей, - фразой.

Заметил ли кто разыгрываемый подвох? Заметил. Заметили. И уже для меня это был еще один - дополнительный - повод задуматься: а стоит ли, собственно, и вообще, дальше, продолжать ломать комедию?! (Обычно - тривиальный диспут, как бы, совсем и не вязался сюда. А, впрочем, неосознанная осознанность, иной раз, и помогает что-то неосознанно осознать...).

Но почти тогда же (в то мгновение... в следующее...) заметил я, что как будто бы и не происходит (как вроде бы) ничего и вовсе, и тогда уже почти вслед этому, собрался было изменить...

- Не надо!

- Что?

- Не надо! Понимаешь - не надо, не надо, не надо...

- Да, понимаю я! (О чем речь). Ну, вот тогда почти (до невозможности, этой самой, "понятности") готов (может быть... а почему нет?) смириться, как и с самой невозможностью, так и, вероятно, (в еще большей степени) с "неосознаваемой осознанностью" происходящего...

- Да и этого не надо!

- Ну, знаешь, с тобой трудно сладить! - готов было вспылить я, но отчего-то вновь удержался.

- А зачем?

- Что?..

Зачем? Понимаешь, ведь я совсем даже не считаю, что это должно быть именно так, а не иначе.

- А я не могу ухватить мысль...

- Не обманывая сам себя! - одернуло меня мое "Я" (второе?.. первое?.. третье?..). - В нашем диалоге совсем не может быть (уже, как говорится, по принципу) ни проигравших, ни победителей.

- Ну, уж, побежденные могут быть всегда, - не удержалось от комментария "Оно".

- Ну, да ладно, - словно и соглашаясь, и, - заодно, - уже не противясь вступлению "Оно", - задумчиво произнесло мое "Я".

- Да, я могу сделать и еще одну ремарку, - заметно ободрившееся подобным "соглашательством" произнесло "Оно".

- А вот этого - не надо! - неожиданно воспротивилось мое "Я". И я, в принципе, вполне был с ним согласен.

- Ну - не надо, так - не надо, - на удивление охотно (что на самом деле происходит?) ответило "Оно".

А я... я внезапно подумал, что если и дальше все точно также будет продолжаться (да и в способности подобной бесконечности я нисколько не сомневался), то в какой-то момент наступит - обидное в своей неотвратимости - мое и невозвращение из засасывающих меня глубин подсознания. И, видимо, необходимо было просто остановиться, но почти тогда же (вслед

за появившейся мыслью, уже разрушаемой цензурой (бессознательного) я действительно остановился. Опрокинул бутылку. Разбил зеркало. Затушил папиросу. И только где-то с краю, бесхозно валялся выпотрошенный из "Беломора" табак, смешавшийся с докуренными "гильзами". А я проваливался в пустоту - в облаках алкогольно-наркотического дурмана. И мне совсем не хотелось возвращаться...

21 сентября 2004 г.

рассказ

Фантасмагория

Если по правде, то я и не припомню даже толком, когда это со мной произошло первый раз. Скорее (даже) мне кажется, что этого - совсем не было. Тем более что о том, что подобное случалось и раньше, - говорит лишь то далекое воспоминание, которое я удерживал в памяти... вернее, оно находилось там и совсем без моей воли; или, что вернее, - нисколько, казалось, не спрашивая самого меня. Так, по всей видимости, я считал (для самого себя).

Да, быть может, так оно и было...

Но что до самого воспоминания, то оно, вероятно, не более чем всего лишь повторение (предшествование?) происходящего сейчас.

И уже то, что происходит сейчас, пожалуй, можно отнести к неким загадочным, и, на первый взгляд, необъяснимым явлениям, имя которым... Впрочем, как раз здесь и наблюдаются те удивительные противоречия, стоящие между мной, Петром

Сергеевичем Карагандовым, и, быть может, всем остальным миром.

А началось все с того, что в один (ничем не примечательный) день, - день, который при "благоприятном" раскладе таким бы и остался, - произошло со мной некое (необъяснимое) событие, грозившее, не только разом перечеркнуть предыдущую жизнь, но и, по всей видимости, - внести (только ей известные) коррективы: в жизнь последующую.

Я шел тогда по улице. Шел, не обращая внимание на полуденный зной. (Тенистые аллеи небольшого южного городка, где я тогда находился, вполне давали мне право забыть о самом жарком месяце лета, - стоявшем тогда).

К тому же, совсем недавно мне исполнилось двадцать пять. И я был уверен, что ничего не сможет заставить меня забыть о литературной премии, лауреатом которой, меня объявили на днях. И о чем первый - с поздравлениями - позвонил председатель комиссии, (давнишний приятель моего отца), - Дмитрий Александрович Бурмистров.

И, по всей видимости, находился под впечатлением от состоявшегося разговора, повторяя про себя отдельные, запомнившиеся фразы. Так, что вполне создавалось впечатление - будто разговор состоялся только что.

- ...И не может быть и тени сомнений, - выдергивались из общего частотола слов рефреном звучащие фразы, - Вы (по старой привычке Бурмистров ко всем обращался только на "Вы"), бесспорно - один из самых талантливых молодых прозаиков... (Мог ли я не согласиться с председателем комиссии?..). А потому, - не только слушал, радовался и соглашался... но и уже вскоре:

слова Дмитрия Александровича смешались с моими, (идущими откуда-то из подсознания), хвалебными отзывами о самом себе. Так, что уже совсем невозможно было разобрать: что "на самом деле" говорил Бурмистров, - а что казалось мне.

Я шел по улице, и - совсем неожиданно для себя - обратил внимание, что по другой стороне тротуара, - идет точно такой же субъект - как я?!..

Сходство было поразительным. Все тоже продолговатое лицо; все та же долговязая фигура; все те же (темно-русые) волосы до плеч.

Казалось, даже походка была такая же. И речь... до меня случайно донесся его голос. Голос, который бы я никогда ни с кем не перепутал: это был мой голос. Но что показалось мне самым удивительным: незнакомец, разговаривая сам с собой, употреблял те же самые речевые обороты, что и я. И даже более того: он произносил - те же самые слова (которые, минутой раньше, мысленно произносил я сам).

Не в силах сдвинуться с места, я удивленно провожал его глазами.

- Быть может, мне следовало его окликнуть?-- возник, было, у меня вопрос (и я уже готов был что-то прокричать тому), как... произошло событие, которое разом (и окончательно) выбило меня из колеи.

А дело все в том, что только у меня сформировалась более-менее подходящая фраза, и только-только готовы были сорваться с уст первые аккорды ее - как кто-то прошел мимо меня. Причем так близко, что только мой резкий шаг назад - помог избежать столкновения. Я посмотрел на негодея. И отчего-то - не

удивился. - Это был еще один "я". Точно такой же. Даже нет нужды искать какие-либо отличия. Все было идентично (до неузнаваемости). И я уже готов был задуматься, - а помню ли я себя на самом деле? Быть может - я совсем другой? С другой внешностью? И тогда (а, скорее всего это именно и так), - нет и повода для сомнений. Тем более, что любые сомнения рождают отвратительные чувства. Которых, - я сознательно избегал.

Но сомневаться не приходилось... Это был я... Точнее, - "человек, похожий на меня"... И тот, второй, - тоже был похож.

В какой-то момент я уже готов был упасть в обморок (запутавшись в каких-либо "закономерностях" этого мира). Но когда я, видимо, уже собрался это сделать (момент, надо заметить, непредсказуемый, и неприятный во всех отношениях), - я оказался "подхвачен" с двух сторон... "Собой" же...

Рядом со мной стояли два совершенно одинаковых человека. Причем, словно смотрел я в некое зеркальное отражении, которое (тут же) рождало (множившиеся в геометрической прогрессии) схожие между собой образы. (Впечатление - громадного по масштабам - клонирования...).

Было ли подобное на самом деле?.. Или этого, вовсе и - не было?.. И тогда (получается) мне все... привиделось?!..

Признаться, я не был готов к подобному... умозаключению. Хотя, моя психика и раньше пыталась выкидывать разные, там, "коленца". Но что б дойти до такого?.. Когда в одночасье видишь себя в нескольких изображениях?!.. До этого, верно, дело еще не доходило. И (быть может потому), я интуитивно догадывался: что сейчас совсем иной случай...

Но, вот, что он собой означал?!.. Быть может, в подобном (сверхъестественном) рождении образов - таилась какая-то метафора. Интерпретация которой, - как раз бы и несла в себе: должный ответ?.. Или ответа... и не могло быть?..

Но ведь не сон же это на самом деле?.. Тем более что сны передо мной в последнее время проносились все более с каким-то зловещим сюжетом никогда непредсказуемой развязки. Точно такой же, впрочем, как сейчас...

Казалось, я окончательно запутался.

- Быть может, мне следовало, - о чем-нибудь заговорить с ними?.. Ну, хотя бы попытаться продемонстрировать свое доброжелательное (а какое у меня на самом деле?) отношение?.. (Агрессии, как будто не наблюдается, - отметил я про себя). Но и радости... радости особой не было. И мне показалось, что если буду я еще думать об этом, - то и вовсе запутаюсь. А то и - сойду с ума.

Но, тогда, что мне оставалось?.. Уйти?!.. Попытаться просто пройти мимо, не обращая внимание: на нашу схожесть?!.. А если они уже заметили (свою схожесть со мной?!). А то и наоборот, - желают (таким образом) "выйти" на контакт? И какова тогда вероятность, - что они оставят свои попытки?.. Не станут ничего больше предпринимать?.. И вообще, - какой вариант развития отношений для меня более желателен?.. Быть может и правда, лучше, не замечать ничего?.. Словно - и не происходит ничего вовсе?.. И уже в какой-то момент мне показалось, что... ничего и не происходит. А значит - ничего (такого) и не было. Все мне, например, привиделось. Тем более... тем более, что я уже

широко раскрытыми глазами смотрел вокруг... и никого не видел...
Улица была совершенно пуста...

- Выходит, - и раньше никого не было?!.. По крайней мере, вполне создавалось впечатление нетронутой целины асфальта - с копошившимися на нем муравьями (сей факт меня настолько удивил, что я даже наклонился, чтобы получше разглядеть этих трудолюбивых насекомых, занятых исключительно своей жизнью и, - не в пример мне, - ничего вокруг не замечавших), пылинками тополиного пуха - словно снегом покрывавшими поверхность земли, так что где-то подсознательно вполне создавалось впечатление, что, пройдя кто здесь ранее - то он обязательно оставил бы следы...

- Так значит, это все мне действительно привиделось?! - уже готов был окончательно оправиться я от пережитого. Все разрешилось само. И таким удивительным для меня образом.

- Фантасмагория, - тихо произнес я, и, постояв еще какое-то время (подспудно ожидая что-то все-таки увидеть), убедился, что, действительно никого нет. И зашагал прочь.

Я шел сначала медленно. Но постепенно мои шаги приобретали возвращавшуюся уверенность. И, дойдя до конца улицы, - я повернул на следующую, завернув за угол. И снова шел, начав насвистывать даже, какую-то песенку. И с каждым шагом забывая о недавнем происшествии.

А потом, что-то заставило меня оглянуться. И я... никого не увидел. И вновь продолжил путь. А когда собирался уже завернуть на следующую улицу (этакий маленький южный городок, с многочисленными извилистыми улочками), - чуть не столкнулся... с ними со всеми. Они ждали меня...

8 сентября 04 г.

рассказ

Сделка

Что касается теперешних воспоминаний (а по определению - воспоминания, - это все то, что остается в прошлом), передо мной всплывают два огромных пласта, по времени затрагивающие промежутки между совсем детством (7-8-9 и 13-15 годами), и уже в некоторой степени достаточно взрослой жизни (18-20 и 26-27 лет), (подспудно догадываясь, что между ними, - как и до сих пор, - "жизнь" была, но она не оставила - быть может пока - в моей жизни того характерного отпечатка, который характеризуется внезапной тревогой, щемящей тоской, иной раз так некстати появившейся слезой, а то и вовсе - чувством чего-то навек утраченного, которое - уже никогда не возвратится).

Если брать то время, то можно было сказать что и жил-то я только тогда. Потому как - что моя нынешняя жизнь? Не иначе как очередной водевиль жизни, который быть может и принесет какое наслаждение, но случится это не иначе как через какое-нибудь N-ное количество (свершившихся) лет, и уже видимо только тогда - пройденные дни не будут казаться столь безрадостными (и безвозвратно потерянными), и хоть как-то разомкнется грань между прошлым... и настоящим...

По своему статусу наша семья занимала одну из верхних границ достатка, доступности каких-то ресурсов, а значит и положения. Того положения, что вполне позволяет не обращать внимания на большинство "трудностей" жизни; не замечая их, и живя в каком-то ином мире.

Все мои братья и сестры получили идеальное образование, и быть может удивительно, что только для меня - одного института оказалось мало, и к моменту написания этих строк я уже успел закончить три.

Да, мы не успели познакомиться. Но вы не много упустили. Мое имя вам абсолютно ничего не скажет, хотя, если изволите - пожалуйста: Август Карлович Розенталь. Если зашел разговор об имени, то по традиции за ним неминуемо следует возраст. Ну что ж. Мне 27 лет. Чтоб было можно меня хоть как-то представить - слегка набросаю мою внешность: высокий, худощавый, волосы черные, длинные (что-то около плеч), лицо скорее женственное, чем мужественное. Каких-либо отличительных черт, быть может, за исключением усов - не имею). Любопытно, что сейчас впервые поймал себя на мысли о том, что мой внешний образ мало соответствует имени. Наверное, в соответствии с последним, - я больше должен походить на какого-нибудь старого да сгорбленного из сынов Моисея. Но тогда уже спешу вас уверить, что в нашем роду схожих субъектов - которых, быть может, рисует чье-то воображение - никогда не было. А все были под стать мне. Или, - если хотя бы казаться справедливой, - я им).

Что касается моей профессии, то она необычайно мирная (и, как говорится, на все времена). Я - литератор. Причем тот мир, в который я постоянно погружаюсь (мир моих героев) - на каком-то этапе уже вытеснил все вокруг. И сейчас мне иной раз трудно понять, - где я нахожусь больше. (Удивительно, что совершаемыми действиями я, быть может, еще больше способствую размыванию этой грани. Например, работая над

книгой, где действие романа проходило в психиатрической лечебнице - я сам поместил себя туда. И как-то не заметил - действие одного романа плавно переходило в другое - что пробыл там несколько лет. Решив написать цикл деревенских рассказов - тема, по большому счету, - испившая себя, ну, по крайней мере, достаточно исписанная - оказался в глухой деревеньке, где должно быть мой ноутбук, да спутниковый телефон - казались для местных жителей очередным чудом света.

Ну, да ладно. Все было бы не так плохо, - если бы в желании вам о чем-то поведать - мы не удалялись в сторону. Но ведь, на самом деле, - все, что в итоге со мной произошло - это некий конгломерат удивительных (и ничем не объяснимых) событий, начало которым, положила моя встреча с неким... назовем его - господином N.

Что касается его, то я всегда представлял его так: небольшого роста, с толстой костью, массивной головой, гривой седых волос (вполне напоминающих при определенном ракурсе голову льва). Из одежды господин N. предпочитал костюм-тройку, носил трость (с красивым, и достаточно крупным набалдашником), очки в золотой (хотя, вероятно, всего лишь в позолоченной) оправе, да аккуратную бородку, именующуюся как профессорская, хотя таким он когда-то и был, хотя теперь занимался - и об этом я знал наверняка (от него же) - бизнесом; но каким - так и осталось для меня загадкой.

Да, г-на N. всегда сопровождал один человек, внешне выглядевший всего на несколько лет старше меня, и который заметно добавлял (наверное, своим присутствием) солидности, примерно 60-летнему, г-ну N. (Причем, вероятно, этот человек и

не был телохранителем. Или, - если быть точнее, - был не только им. Сам г-н N. - всего раз, - да и то, как-то вскользь, представив того, упомянул слово: "поверенный". Так что, по крайней мере, можно было сделать вывод о весьма широких полномочиях того человека, ибо помимо всего прочего - он еще водил большой красивый джип - "Тайота-Ландкрузер". Внедорожник г-на N., разумеется.

Однако, вся эта история была бы столь интересна - если бы не оказалась такая печальная. И тогда уже произошло все как-то удивительно неожиданно, так что лишь в последний миг я заметил как настоящее - быстро и незаметно стирает границы прошлого, подчищая память, и оставляя вместо себя какой-то не до конца осязаемый туман как бы и нелепости происходящего. И тогда всего лишь в один миг, - я ощутил, что у меня не стало своего "Я" (хотя оно должно быть еще было, - но мне уже стало его не найти...).

А дело все в том, что после нашего - довольно-таки случайного (хотя случайное, вероятно, оно было для меня) знакомства (когда господин N. пришел ко мне - с моими недавно выпущенными двумя романами и сборником рассказов - прося автографы; я еще несколько раз удивительнейшим, - по своей неожиданности, - образом с ним встречался), - я с тех пор самым непонятным для меня образом - даже когда знал, что наверняка г-на N. нет рядом - все равно ощущал его незримое присутствие...

Сейчас, - когда прошлое было подвергнуто мной достаточно тщательному анализу, - я понял, что было это вовсе не случайно (а ведь только мысль о случайности возникало у меня тогда, когда я наталкивался на г-на N. то на художественной

выставке, то в музее, то на книжной ярмарке...). По всей видимости, г-н N. присматривался ко мне. Не знаю, что вынес он с подобного "наблюдения" (ну или - что позволило ему решить, что наблюдение закончено, - а, именно, подобный вывод, по всей видимости, и подвигнул его на дальнейшие действия), но только в один из дней ко мне явился тот самый "поверенный" (если тому, на кого он работал, так угодно, - почему бы и нам его не называть именно так), с предложением (буквы были выведены весьма каллиграфическим почерком на чуть ли не надушенной бумаге) встретиться. Место встречи - круизный (на пару дней) теплоход "Виктория". В случае моего согласия - прилагались билеты.

Очутившись в каюте теплохода, - (почти не сомневаясь - а, быть может, ожидая чего-то подобного я согласился), я впервые поймал себя на мысли: к чему то что я делаю? Но, должно быть, любопытство взяло вверх - и уже через час, за ужином в ресторане, г-н N. озвучил то предложение, я котором я до сих пор вспоминаю (хотя прошло почти десятилетие после описываемых событий), и о котором, должно быть, помнить буду всегда (если память не сотрет эту информацию, посчитав ее излишней, из своего архива).

"Я хочу Вам предложить потрясающую сделку", - наконец-то - после, должно быть, обязательных в таких случаях (должен же он был меня подготовить) комплиментах (большей частью касавшихся моего литературного таланта, хотя, как бы вскользь, была не обойдена вниманием и моя внешность), г-н N. приступил к главному.

В течении этого получаса, я удивленно слушал господина N., и, быть может, даже несколько раз мысленно щипал себя - не

сон ли все это?! И действительно - услышанное мной "предложение" от господина N. - казалось столь неординарным (и давно уже выходящим за рамку всего, что я, быть может, предполагал услышать), что я вынужден был задать себе вопрос: не есть ли все это очередной вымысел чьего-нибудь воспаленного воображения (хоть моего, хоть г-на N.)? А если нет, - то не плод ли это уже моих галлюцинаций? Ну, или, каких-нибудь наших совместных (с г-ном N.) фантазий? (ведь на каком-то этапе общения - проецируемое из сознания желание, - например, - желание равного ощущения действительности, впрочем, как и желание выдавания какого-то еще не свершившегося факта за реальный и действительный, - сливается у двух различных людей в некое одно целое)

Однако, как заверил меня господин N. (догадавшийся о моих сомнениях) - это не так. Ну а раз не так, то попробую - конечно, весьма схематично - поведать о предложении, услышанном мной.

Суть такова. Господин N. (намекая на принадлежность к неким тайным силам, по его словам, решающим все и вся на этой земле, но которые, к сожалению, совсем ненадолго появляются в состоянии "видимости" (?!)), - предложил весьма необычную сделку. "Вы можете стать известным, весьма известным. Вашим талантом будут восторгаться все. Он пройдет вместе с Вами через годы и десятилетия. Даже после Вашей смерти, потомки будут ощущать незримое присутствие Вас с ними, потому как будут пользоваться - у истинных поклонников литературы - спросом оставшиеся после Вас книги.

- А что в обмен?

- Вы сойдете с ума...

- ?!

- Нет, нет, быть может, вы меня не совсем правильно поняли..., - видя мою реакцию, спохватился г-н N. - Все дело в том, что для вас мир останется почти в том же самом восприятии, как и сейчас. Ну, быть может, слегка изменятся границы... мироздания... Да и вас будут воспринимать несколько иначе. Хотя, быть может кто-то, - позволил себе задуматься г-н N., - и, - по-прежнему...

Но вот только все будет на самом деле "иначе". Хотя и спешу вас заверить, - что для вас это новое состояние - будет даже, более приемлемее... да, да, ... не качайте головой... оно вам станет ближе... но только подумайте, что взамен - мировая - и прижизненная слава!.. И все это только за то, что для кого-то, когда-то вы покажетесь... немного странным...

- А какая выгода от этого Вам? - решил я на не совсем корректный вопрос, который давно уже порывался задать.

- Никакого моего прямого "интереса" здесь нет, - удивил меня г-н N. - Просто в сегодняшнем времени, - я являюсь продолжателем традиций начатых еще задолго до меня. Это - если всем угодно - в некотором роде моя и работа, и почетная обязанность. По крайней мере, она досталась мне, почти что, по наследству; и, быть может, - точно так же перейдет к моим детям, внукам и правнукам (пусть и не по прямому наследству, но ведь не всегда наши дети несут в себе наш талант, - подмигнул он мне).

- И в чем заключается, эта ваша... работа? - немного смущенный услышанным, спросил я.

- Мы находим людей, обладающих неким литературным... дарованием, - немного тщательней обычного подбирая слова, заметил г-н N. - И делаем из них гениев.

- А в обмен..., - начал догадываться я.

- Да. А в обмен вступает в действие всего лишь одно - но обязательное - условие - эти люди начинают жить в несколько ином - чем был у них доселе - мире. Мире, быть может, - (чего уж теперь скрывать), - и непонятном основной массе окружающих... Но, ведь, и не должно быть никак иначе. Гении всегда должны отличаться от всех остальных, - немного с наигранным пафосом закончил г-н N.

- И у вас большой пример из прошлого, - догадался я.

- Да, - спокойно кивнул головой г-н N., - так что: если хотите войти в число всемирно признанных литераторов - милости прошу, - с какой-то появившейся усталостью, улыбнулся он. - Могу еще сказать, что такой шанс нами предоставляется лишь раз. Более того, - если уж у нас наступила такая откровенность, - скажу вам, что бывали случаи - весьма все же единичные - когда ваш "брат" (намекая, видимо, на коллег-литераторов) не соглашался, - г-н N. весьма характерным взглядом посмотрел на меня. - Но, в конце концов, они все равно оказывались в проигрыше. Конечно, справедливости ради стоит заметить, что кое-кто этой самой славы достигал и без нашего участия. Но случаи эти были весьма редки. Да и сама слава - через время - куда-то уходила. А быть может и сами люди - неожиданно быстро заканчивали свое земное существование.

- А все, что не на земле, - в очередной раз догадался я.

- Да. Это уже не наша епархия, - все так же спокойно ответил господин N.

Не стану описывать всего, что произошло со мной в дальнейшем. Скажу лишь, - что я не принял предложение г-на N. Хотя, быть может, теперь об этом и сожалею. Ибо как-то вдруг - стали происходить со мной какие-то нелепые (и, конечно же, неожиданные) "последствия", вполне почему-то схожие с теми, о которых предостерегал господина N. Но ведь по нему, - они должны были начаться в случае, если бы я - принял предложение его?!

И тогда уже, это навсегда для меня останется загадкой. Ведь, славы... "Славы" не было. Как не было и намека на нее... Так кто же из нас ошибся?..

12.03.04.

рассказ

Миф

Жизнь Святослава Мазура уже с детства была окружена тайной. Загадкой - было само его рождение. Даже близко, как им казалось, знавшие его люди - на самом деле не знали ничего. Ну, - или почти ничего.

Нет, конечно же, основные вехи пути - были известны. Хотя и тут - не обошлось без недомолвок. Например, была путаница с годом рождения. Причем, как мне видится, чем Святослав становился старше - тем больше возникало споров у его друзей. (Вернее, тех многочисленных знакомых, - которые, при случае, легко выдавали себя за близких, обязательно близких, друзей Святослава).

К тому же - и сам Мазур (с необъяснимым удовольствием) подливал масла в огонь. Прибавляя (или отнимая) годы жизни.

Было ему где-то около 45. Среднего роста, коренастый, с какой-то странной походкой (словно он перепрыгивал при ходьбе с ногу на ногу), лучезарной улыбкой и каким-то отчужденным взглядом (так, что по его глазам никогда ничего нельзя было прочитать), Святослав Мазур являл собой, в принципе, достаточно узнаваемый тип. Этакого, - рубахи парня. Однако, как я узнал почти случайно, - подобное впечатление было очень даже обманчиво. А метаморфозы с характером поведения на людях, - находились в прямой зависимости, от собравшегося общества. Например, я с удивлением слушал рассказы, - когда собеседники, перебивая друг друга, спорили, желая представить, в одном случае, Святослава - как отчаянного балагура, а в другом - как явного молчуна, погруженного исключительно в свои мысли и ни в коем случае не желавшего ни с кем вступить в контакт.

И в тоже время я хорошо помнил, - как один из моих приятелей, на просьбу (в двух словах описать характер Мазура), - ответил, что Святослав - это невероятный сноб?!). Да и вообще, - "хам, и мерзавец"; всегда "слышавший, только себя"; и "безразличный, по отношению к другим".

И почти в тот же день, - мне позвонил другой мой приятель, и взахлеб, рассказывал о "искренней природной доброте и отзывчивости" Славы Мазура.

Вот так вот.

...Что до моей оценки - то, признаюсь, мое первоначальное мнение было тоже ошибочным. И, вероятно,

Мазур - был достаточно талантливый игрок. Потому как имел в запасе с десятков различных масок (образов); перевоплощался в которые он - в зависимости от, - только ему понятных, - обстоятельств.

Он словно бы вел какую-то игру. Игру, по каким-то своим (или только ему известным) правилам. Но вот незадача, - иной раз, словно рикошетом, эта игра задевала и нас. Тех, кто с ним каким-то образом соприкасался. Причем, большей частью, как мне казалось, такие "контакты" были связаны с профессиональной деятельностью Мазура. Он был профессиональным фотографом. И, - насколько я мог судить, - достаточно известным, в "своих кругах". Хотя бы потому, - что заказы получал бесперебойно. (Запись - чуть ли не на год вперед). А качество... о качестве (как бы косвенно) свидетельствовал уровень жизни. А Мазур - принадлежал к тем людям, которые ни в чем себе не отказывали. Если хотели. Но вот проблема, - что он почти ничего и не хотел. Так, - минимально допустимые условия существования: вместо машины - метро; вместо квартиры, - комната в коммуналке; вместо костюма, - потрепанные джинсы, изношенные кроссовки, потрепанный свитер... В летнее время, - футболка и бейсболка. В остальное время, - кожаная куртка (времен "первых чекистов").

В питании прослеживалась схожая линия: пища (по возможности), - должна была быть, - как можно более, простая. Без изысков.

И наряду с этим, - Святослав Мазур мог в одночасье сорваться, - и укатить на какой-нибудь самый, причём, дорогой курорт мира. Независимо от времени года. Где с легкостью

расставался с суммами, которых хватило б на существование (аскетичной жизнью, что жил он), - в течение нескольких лет...

И здесь не было ничего странного. Как многим казалось, - Мазур выбрал именно тот путь, при котором достигалась (на его взгляд) жизненная гармония. А значит, - (психическое состояние его), - могло оставаться "в норме". (Притом, что и норму, могу предположить, придумал он сам).

Нечего не было удивительного в том, что и я Мазура (наравне с другими), считал своим другом. Как раз удивительное было в другом. То, - что, "другом", - он, считал меня. А это (признаться) многого стоит. Особенно если учесть, - что Мазур, на самом деле, - чурался людей. А общение с ними, - воспринимал как необходимость.

И уже, видимо, отсюда, - было его отношение к людям. К которым он относился, - как к солнцу, воздуху, дождю, луне... То есть, как тем вещам, - которые "есть". И которые "будут", - независимо от нашего отношения к ним. (Так что правы, оказывались те, кто замечал эгоцентризм Мазура).

Но, иной раз, словно опомнившись, - Мазур проявлял образцы истинного человеколюбия. (Так что, - точно также правы и те, кто восторгался "самоотдачей" Славы Мазура).

Но, должно быть, только я один, на самом деле, знал причину подобной "разности"; порой кардинальной, - смены его настроения.

И было так, - из-за, (невероятного по силе), "чувства вины" Славы Мазура. Причем, ощущение вины, - иной раз, - настолько "доставало" его, что он с легкостью готов был

пожертвовать чем угодно; в надежде: "искупить" - вину. (И, иной раз, это удавалось).

Скорей всего, именно, из-за этих вот, "смен образов" - Святослава Мазура и считали загадочной личностью. И, наверняка, оказывались, правы все. Потому как, (примеряя новую маску), Мазур, - почти вынужденно, - и менял (собственную) биографию. Добавляя (или убирая) данные, - в соответствии со "следованием (разработанному) плану". (Причем, все "изменения", - Мазур держал в памяти. Не только не делая никаких записей, - но и не ошибаясь. Что было уже для меня, - загадкой. И, признаться, подспудно, я все время ожидал прокола. Но, с таким же успехом, я мог ожидать "второго пришествия"...).

Чуть не забыл: разные люди (общавшиеся с ним в разные годы) - знали Святослава Мазура... под другой фамилией. А то и именем. (У меня даже собралась небольшая коллекция. Воланд, Лужин, Бездомный, Самгин... по моему, еще были: Парамонов, Найт... - Нет. Больше не вспомнить. Но и это, - наводило на цепочку, в принципе, "забавных" выводов...).

Ну, как бы то ни было, Святослав жил. Не обращая внимания на других. И периодически перевоплощаясь, - в какой-нибудь (выбранный) образ. Тот образ, который (сейчас) был им взят за основу. Но вот возникло у меня предположение, - что Слава Мазур (слегка) запутался в своих "перевоплощениях". И он явно хочет, - совсем иного.... Быть самим собой, - например...

И я это чувствовал лучше, чем кто бы то ни было. Быть может лучше, - чем сам Мазур...

Ведь я - и был им...

13. 02. 05 г.

рассказ

Бред разума

1

Нет, нет. Это были все те же лица. Я ведь не мог ошибиться. Хотя я знал - что они были другими. Вернее - они казались мне такими. И что же тогда?

Нет, нет. Уж себе я не мог признаться, что в моих мозгах происходит полная нелогичность. Это было бы нечестно по отношению к самому себе. Это было бы преступно - в отношении самого себя. Ведь, стоило мне начать обманывать себя - и что же тогда? Не этого ли (по сути - величайшего преступления, преступления против личности) я все время избегал. Отдалял наступления его. Но оно уже, верно, случилось. Случилось хотя бы потому, что то, что испытывал я сейчас (да, и не только сейчас), - это... это было самым ужасным из того, что я вообще бы мог испытывать. Да и не только я.

Любой, кто испытывал даже часть из того, что происходило с моим сознанием - был бы причислен мной к разряду... сумасшедших (что уж тут скрывать).

Но, ведь, про себя я так сказать не мог. Как, наверное, поостерегся бы сказать и про кого-то другого.

А значит, вновь мне оставалось замалчивать "правду"; и утаивать то, что давно уже должно было бы выбраться наружу.

Из сознания?

Конечно, из сознания. Ну, или из подсознания (из глубин подсознания), - это уж в зависимости от того, как кому больше нравится.

Я сейчас не стану говорить о том, что предметы меняли свое привычное очертание. Это давно уже было так. Это не только давно уже было так, но и я давно уже к этому привык. Смирился с этим. Вынудил себя считать то, что это было так - чем-то вроде нормального.

И несмотря ни на что, - я продолжал жить. Хотя и, большей частью, - вынужден был продолжать жить.

А что мне еще оставалось?..

2

Они скакали передо мной.

Поначалу мне казалось, что это были реальные люди. Потом показалось, что это были тени - реальных людей. Потом я уже стал понимать, что эти люди не могли быть реальными. А когда я уже не мог себе признаться в том, что это вообще когда-то были люди - я понял, что давно уже запутал сам себя.

И как только понял я это - все, что до того перемещалось передо мной в диком танце дьявольского веселья - исчезло.

Чтобы появится вновь.

Причем, это новое появление было настолько неожиданным (хотя и прогнозируемым; но в то время, во мне, это не вызывало такого протеста, отказывающегося что либо понимать сознания - как это случилось потом), - что я, как будто, забыл про необходимость подвергать всё тщательнейшему анализу.

Вот, где нужно было бы возрадоваться чему-то, прятавшемуся внутри меня. Вот, где нужно было бы ему воспротивиться; и это бы "воспротивление", - наверняка (и я вполне могу предположить, что это было так) могло привести если не к полному исчезновению всех этих потусторонне-навязчивых мыслей, - то уж, по крайней мере, - переориентации их. (Ну, а это давно уже давало мне надежду полнейшего избавления от них).

3

Я мог предполагать, что ошибаюсь. Что ошибаюсь настолько, насколько могло быть ошибочным все то, к чему я так незримо стремился.

И это бы, наверное, по настоящему было бы так, если бы только во мне не осталось чего-то, что явно и настойчиво - всему этому противилось.

Ну, а значит, и я не мог бы так-то уж этому подчиниться.

Внутри меня сейчас происходило что-то невообразимое. Казалось, мои мозги или поджаривали на адском огне или играли с ними в пинг-понг (используя вместо лопающихся от ударов шариков - клетки моего мозга).

И, ведь, это притом, что я давно уже привык к ежедневной непрекращающейся боли головной боли. За время своего существования она даже стала мне "родной". В те редкие минуты, когда ее не было, - могу признаться, что мне даже ее не хватало. И было даже как-то грустно - без нее.

Что я мог противопоставить этой боли?

Ничего.

Я, как уже говорил, - даже жаждал (насколько это слово противоречило всему происходившему со мной) ее. Наслаждался ей. И что уже было, наверняка, - я уже и не мог без нее.

Но сколько бы я не признавался в любви к ней - мои мозги продолжали вскипать в адском котле искрящегося сознания. И ничто не было способно прекратить этого издевательства. (Ну, о том чтобы "заглушить боль" - не могло быть и речи).

Я могу перечислить различные инквизиторские пытки; я могу напомнить о многих способах самобичевания. Но это почти было ничто в сравнении с тем - что испытывал я.

И, конечно же, совсем не мог я надеяться на то, что это когда-нибудь прекратится. Нет. Я бы и не выдержал этого. Не выдержал бы прекращения страданий. Как, впрочем, и не выдерживаю самих страданий.

А они все прыгали и прыгали передо мной. Окружающие предметы, исполняли только им известный танец: то приближались ко мне, то отдалялись от меня. И ничто не было способно прекратить весь этот кошмар разума.

Но "невозможно остановить" - это не значит, что нельзя было попытаться сделать это. И я уже знал - что попытаюсь. И я уже знал - что действительно должен буду попытаться изменить такое неожиданное предначертание судьбы. Потому что совсем не считал, что это было действительно предначертано мне. А даже наоборот - я стремился (бессознательно стремился) изменить запланированное совсем не мной. Потому... потому, что, если бы когда-нибудь, в полной мере случилось это - то, если я и выдержал бы, то верно - не осознал бы, что на самом деле произошло. А, ведь, случиться могло всякое. И наше

понимание этого - как обычно, заметно отличается от того, как об этом следует думать на самом деле. Потому что, наверняка, это все - тот самый бред, который возможен только в состоянии переживания галлюцинаций наяву; и уже почти никак иначе. И даже то, что мне это в какой-то мере нравилось - могло как раз свидетельствовать о понимании, или не понимании (в зависимости от того с каких сторон это рассматривать) некой иллюзорности происходящего. И, если в чем меня можно было бы обвинить, - так только в том, что я сам, как вроде бы, не препятствовал всему этому.

Ну, а можно ли было меня в этом обвинять? Как бы я мог препятствовать этому? Не было ли это частью меня? А можно ли было восстать против себя? Можно ли было даже противиться этому?

Мне всегда казалось - что нет. Ну, а раз нет, - то это (ну, быть может, только это) вполне оправдывало происходящее. И мне совсем не нужно было что-то изменять в себе. Потому что - ничто не мог я изменить. Потому что - ничто изменить я не был способен. Потому что - ничто изменить я и не хотел.

05 ноября 2005 год.

рассказ

Жизнь -- остановилась

Жизнь остановилась.

Нет, нет, - она еще жила. Причем, представляла почти обычную (почти ничем не отличающуюся) судьбу других женщин, в чем-то похожих на нее. Тридцать пять. Когда-то была разведена. Сейчас, как бы, живет в браке. Как бы, работает. Как е бы,

воспитывает ребенка. Но вот в том то и дело, что это все - "как бы".

...Оксана давно уже чувствовала, что живет не совсем той жизнью, какой, быть может, хотела бы. Но даже если бы ее спросили: так ли это? - вряд ли она ответила бы. Вряд ли бы она ответила правду. Потому что все в ее жизни, было "как е бы". И как бы - в этом она боялась признаться даже себе.

После окончания института она почти тут же поступила еще в один, но тут же бросила. Ушла, не дотянув даже до первой сессии.

Учиться ей не хотелось никогда. Все время она училась "из-за кого-то". В школе - потому что того хотела мать. В институте - потому что тоже, как бы, хотела мать. А на втором курсе она влюбилась, и потом училась "из-за него".

Когда после второго курса "он" бросил институт, она собралась "бросать" вместе с ним. Но "удержала" внезапно вспыхнувшая любовь к молодому доценту, преподавателю философии. Она даже собиралась перевестись с "исторического" на "философский", но что-то удержало ее.

Потом был гражданский брак. И любовь, по его просьбе скрываемая ото всех. Даже от лучших подруг. Хотя те, все равно, обо всем знали. (Ну, или догадывались).

После защиты диплома она подала заявление "на философский". Но потом ушла. И не потому, что "закончилась любовь". Вернее, любовь закончилась тоже. Но еще раньше. Просто Оксана вдруг решила жить "не как все". Жить "не для кого-то". Может быть, именно тогда она убедила себя задуматься о себе. Ну и, может быть, еще думать о сыне, который был... От

кого он был - никто не знал. Может, только догадывались. Но она не признавалась.

Она вообще умела хранить секреты. Причем, чем становилась старше, тем этих "секретов" становилось все больше. И она сама, "как бы", начинала чувствовать, что запутывает сама себя.

Но потом как будто смирилась. Смирилась со своей "странностью". И, наверное, именно тогда начала отдавать себе отчет, что это называлось именно так. Хотя в полной мере признаться в каких-то "странностях", сопровождавших ее жизнь - не могла. Быть может, боялась?

Оксана понимала, что живет жизнью - не совсем обычной. Вернее, она делала все, чтобы другие, подумав о ней - решили, что жизнь-то ее как раз обычная. Но... жизнь-то ее была не обычная. И она это знала. Знала, что все больше приходится сдерживать себя, чтобы не натворить каких-то глупостей. Как, например, "залет" от парня, которого-то и видела всего раз в жизни (на море, когда, разругавшись с тогдашним "любимым", на несколько дней уехала в Сочи), и которого наверняка больше никогда не увидит. Она даже не знала его имени. Вернее, знала, но не была уверена, что он назвался тогда своим настоящим именем. Да и случилось-то у них все так быстро и внезапно, что она, тогда как будто ничего и не поняла. Вернее - "не была уверена". И даже, не потому что была пьяна. Хотя, быть может, и не только потому.

Она уже делала две попытки самоубийства. В первый раз, когда хотела выброситься из окна, но в последний момент ее что-то удержало. И во второй, когда наглоталась каких-то

таблеток и несколько дней пролежала почти в бессознательном состоянии.

Ее тогда нашли в лесу, недалеко от дачи, куда она уехала "на выходные", сказав о том случайной подруге. Спасибо подруге, заподозрившей что-то неладное (быть может, заметила какой-то неестественный блеск глаз?), и спасибо молодому организму, который выдержал почти двухсуточное нахождение в бессознательном состоянии в лесу, на земле, в марте. И, конечно, спасибо врачам.

После этого случая у нее отнялась рука. С тех пор рука так и не восстановилась. И можно сказать, что наполовину Оксана была инвалидом.

Хотя никаких "полу" и "почти" - не признавала. Она вообще не признавала никаких ограничений. И можно сказать, что была "максималисткой", но... Но что-то удерживает нас, чтобы признаться в этом вместе с ней.

Что она из себя представляла? Каким была человеком? Да, может быть, и хотелось бы нам более подробнее рассказать о ней, но как будто что-то удерживает. Может быть, то, что до сих пор мало кто уверен в адекватной реакции ее на подобные "новости". "Новости" о самой себе. Но, ведь, и нет никакой гарантии, что она не прочитает то, о чем мы пишем сейчас.

И, правда, нет никакой гарантии в этом. Хотя бы потому... Хотя бы потому, что Оксана... Оксана - это я сама. А написать все это заставило лишь желание разобраться в себе. Но, вот, сколько бы я не писала об этом, понимаю, что на самом деле до правды-то никогда и не доберусь. И не потому, что ее нет, этой "правды". Просто, я все больше замечаю, что чем больше "желаю"

ее - тем больше начинаю от нее отдаляться. Или отдаляю ее от себя. И у меня нет никакой уверенности в том, что это когда-нибудь прекратится. Так зачем же тогда жить? Жизнь - остановилась?..

01 декабря 2005 год.

рассказ

Сентенция

До боли, до ужаса, до невероятности просто (и в то же время чудовищно в этой самой простоте) то, что я оказался сейчас, здесь, один... один, среди проносившейся - в галдежных речитативах уходящей от меня реальности - толпы, казалось вовсе даже не замечающей меня... или нет, - как будто только меня и замечающей!.. По крайней мере, мне это кажется именно так. Только так. Наверняка... Так?.. или и это тоже (не созревший? перезревший?) плод больного воображения и то, что на самом деле и не происходит вовсе... а мне лишь кажется?.. Но вот тогда это действительно страшно... Это на самом деле страшно... Тем более что теперь, - (получается), - я боюсь того, чего на самом деле и нет?.. (Как будто: "если оно есть?" - то я его уже не боюсь?..)...

Вот ведь вопрос?.. И ведь я никогда на самом деле и не спрошу себя об этом... Притом, что я вообще не хочу (не люблю) себя о чем-то спрашивать... Как только... А если и впрямь заставить себя?.. Спросить... Ну, например, задавшись целью (вопроса) зачем мне все это?!.. Спросить, кто вообще (и когда?) придумал весь этот маскарад, и куда (хотя бы) разом подевались все те, о которых я хоть что-то, но знаю?!.. Тогда, как

сейчас... Тогда, как сейчас, передо мной была абсолютная абракадабра (нечто схожее я видел в одном кинофильме, который смотрел в Шанхае, и который, был не то драмой, не то комедией,-- оказалось почти документальной лентой китайских кинематографистов о том, как они снимали первое "кино" - но для меня это почти ничего не значило, ибо и фильм шел на китайском языке, и заезженная от просмотра пленка смахивала на любительскую, да и сам я должен был быть в Шанхае лишь проездом, да какие-то нелады были с самолетом, и китайские "товарищи" решили таким вот "незамысловатым" образом скоротать наше время)...

Но и не об этом я вовсе... Один, оказавшись один среди (теперь уже) понуро бредущих, и совсем (казалось) не замечающих меня прохожих...я как будто (в одночасье) потерял способность (замечать? реагировать? оценивать?) обращать внимание на характер действий всех этих людей... и словно в моем подсознании стало откладываться (с моментально прокручивающимся анализом) все то, что они только в следующую секунду подумают... Причем, даже не то что собираются (и быть может не сделают?) сделать... А именно лишь... измышления их... Иной раз и невероятные по сути... Но вот в этой проносившейся (и откладывающийся в моей памяти) быстротечности комбинаций (отмечаемых... все время отмечаемых мной...), мое воображение (в одночасье получившее более чем благодатную почву) стало строить гиперболические варианты (еще не случившихся) ходов-действий, не только не успевая регистрировать их, но и каким-то образом выдавая на каждый по дюжине "противоходов" (что будет, если вместо пешки e2 - e4,

последует конь b1 -d3, а, на наше, e7-e5, последует...); а с учетом того, что услышанные отрывки мыслей, вырванных из контекста общего (быть может - там им и место?) течения текста, казались даже не обломками чего-то нелепого да сверхъестественного (отдельным словам даже не дали оформиться в какое-то подобие фразы - вероятно, более-менее логичной по сути), а иной раз, и вовсе становились ни к чему даже не применимы... и вот все чудовищные элементы этой самой чехарды, а с ним и "возрадовавшаяся" (какая никакая - умственная работа уже праздник) подсознание, - с маниакальной настойчивостью захмелевшего программиста принялось выстраивать в такие же нелепые (а какими они еще могут быть?) комбинации; так что почти разом случившаяся путаница - превращавшегося в лабиринт сознания - (жестами поменявшегося своею ролью с бессознательным), быть может и вовсе бы грозило отключиться (да так бы и произошло; но даже представить затруднительно, что оказалось бы, если, например, на миг убрать питание, а потом дать двойную... нет, нет, - слишком жестоко, - но хотя бы "увеличенную" норму...), да, в общем, почти именно так бы все и произошло, если бы... если бы я (что же это там происходит?) не обернулся в ответ на что-то (давно и методично) тыкающееся мне в спину...

- Что?.. Уже время?.. Да, да, конечно же... время... - медленно (и как будто неохотно) возвращавшееся сознание с удивлением пыталось запечатлеть как-то незатейливо испаряющееся бессознательное (до того на удивление незатейливо вырвавшееся на свободу), пока я окончательно не отметил про себя исчезновение остатков сна (вот что это все было?!), и уже

скашивал глаза на ручные часы, просчитывая сколько осталось до начала вечерней лекции. Дневной сон закончился. Вторая половина дня только начиналась.

28. 09. 04 г.

рассказ

Начало конца

1

Я не знаю, когда это началось. Если отбросить школьно-студенческие годы, и начало моей первой официальной работы в библиотечном архиве, то, пожалуй, и не припомню ровным счетом ничего, чтобы заставило меня о чем-то задуматься... Нет.

Первые чувства тревоги, появились, скорее, когда я, - уже начал писать сам.

Тем более, что как раз к этому периоду, - я отношу ту стадию (насыщения моего мозга информации), которой, собственно, и уготовано быть первой. В цепи необычайных превращений, - произошедших со мною.

Читал я тогда (как и сейчас, как и раньше) много. Очень много. Однако, если - особенно в юности - мое чтение носило ярко выраженную беспорядочную форму (стремление получить энциклопедические знания?), то в последнее время, оно стало более избирательным; и я (наконец-то) мог позволить себе - несколько упорядочить - это самое чтение; и ввести, - что-то похожее на цензуру. Дав "добро", - на литературу, историю, философию, психологию, право, экономику, политологию, медицину, биологию, естествознание; постепенно сократив

список, - до нескольких дисциплин; в которых - чувствую себя: "надлежащим" образом. И (погрузившись по максимуму) - плаваю, как рыба в воде. (Иногда, впрочем, всплывая на поверхность).

Среди моего нового выбора - литература, история и философия. Быть может, - в какой-то мере: психология, политология, и... медицина; и уж совсем малость (самые остатки было увлечения), - право и экономика. Но они вскоре отпали. Сами собой. Недавний интерес - исчез. Куда?.. да, откуда мне знать?..

Но даже, несмотря на столь решительное (и для меня... печальное, ведь любое расставание забирает с собой часть души) разграничение, - я все равно стал замечать, что приближаюсь к какому-то временному периоду (периоду жизни?); когда мозг начинает подавать первые сигналы - о перегрузке информацией.

Так ли это? Быть может - и нет. И мне кажется, что некое процентное отношение задействованных в работе участков мозга вполне можно: увеличить еще. На несколько порядков. А значит нужно трудиться. Благо, что наличием информации, работая в библиотеке - я ограничен не был. (Более того, - в какой-то мере, - даже готовился: библиотеку - возглавить).

- Станислав Аркадиевич! - обратилась ко мне одна экзальтированная дама неопределенного (легко: и сорок, и шестьдесят) возраста, о которой мне было известно, что с самого своего первого прихода на работу в библиотеку - она просидела в одном отделе, и, насколько я догадывался, уходить никуда не собиралась. - Станислав Аркадиевич! Господин Якобсон!.. - тем не менее, не отставала от меня она. И я вынужден был - что-то

ответить ей. (Ни вопрос ее, ни мой ответ - абсолютно неинтересен; а потому и нет смысла - приводить его). Притом, что я, большей частью - был погружен в свои мысли. А потому, вскоре и закрылся в собственном кабинете (заместителя директора библиотеки; а директору - скоро на пенсию), решив - проанализировать сложившееся положение.

Итак. Уже как последние полгода, я явственно ощущал: начавшиеся в моей психике изменения. Нет, пока еще то, чем я мог гордиться по праву - память - оставалась на прежнем уровне. На моем рабочем столе (и здесь, и дома) находились постоянно несколько десятков книг, которые я "проглатывал", запоминая все чуть ли до запятой. (Почти дословно мог цитировать любой только что прочитанный текст в объеме страницы; потом надоедало). Но было все же одно "но"; и именно оно, заставило меня (чуть ли не впервые) серьезно задуматься о "грозящем мне" будущем. А будущее, - могло быть в психиатрической лечебнице. Ибо внезапно стал я ощущать, что поток запоминаемой информации начинает "съедать", разрушая меня - изнутри; и извлекая наружу, различные - и страшные по своей сути - "побочные" эффекты. Как-то: страх, тревогу, неуверенность, ощущение... близкого конца. Смерти.

Видимо, до сей поры, мой мозг работал в таком авральном режиме, что теперь и стало возможным - возникновение тех проблемы, от которых, как вроде бы, не знал я - как и избавиться.

Нет, конечно, догадывался, что может быть: нужно просто остановиться. Подождать, - пока все придет "в норму"; и лишь потом, - "по новой" начать: "вкачивать" в себя информацию.

Но, вот, остановиться-то я уже не мог! Стоило даже на миг замедлить бег (искусственно, ох, как искусственно) и я уже буквально изнутри начинал разрываться от неудовлетворенности; и проходило это чувство только тогда, когда я заканчивал изучение - отведенных на день - полутора десятков книг (в большей мере научных); когда мой мозг, - способен был: работать "по максимуму"; только тогда наступало внутреннее успокоение... И все было бы ничего, если бы я не заметил, что попал в своего рода зависимость; и теперь просто не возможно иначе. К тому же, достаточно трудно было прощупать грань самодостаточности; и в последнее время поток (непрерывно вливающейся в меня информации) - начинал "перехлестывать" через край; неся в себе, все те же: разрушительные воздействия для психики, для сознания (вывода на первые роли - бессознательное; потакание ему); и в какой-то период я уже перестал понимать: где грань - между сознанием и бессознательным; и мне все труднее удавалось "загнуть" свое (все чаще вырывающееся наружу) бессознательное; оно уже начинало править, властвовать, довлеть над сознанием; и это - могло привести куда к более печальным последствиям (чем даже предполагалось). Да и - предполагалось ли?..

Но я уже не мог и остановиться. С каждым начинавшимся днем, мозг требовал все новой и новой работы для себя; и я - благо, что работа позволяла - давал ему ее. Передо мной до сих пор оставались нетронутыми десятки тысяч томов. И радость мою - вполне можно было сравнить: с радостью наркомана (того наркомана, который знает, что у него в запасе - несколько многокилометровых помещений, заставленных мешками с маковой соломкой, опиумом или гашишем). Подобная

радость была и у меня. Нескончаемый поток знаний. И это притом, что я сам: отвечал за формирование "запасников" библиотеки. А значит - мог достать любую книгу, о которой мечтал. (И в библиотеке, - было действительно "все". Все, что мне было нужно).

2

Но как же быть с... с каждым днем я все явственней ощущал, что близиться час, когда придется (просто-напросто) делать выбор... и это притом что сам выбор сделать просто невозможно. А значит... Значит, меня не станет. Нет, не умру. (От этого не всегда умирают). Мозг просто, - чтобы "не разорваться", - включает некие защитные механизмы. И человек - начинает все сначала... (Ибо, словно, очищается все, куда он прежде записывал информацию). И теперь, мозг готов вновь - к записи новой. (И что до того, что кто-то называет дураком и умалишенным!?. Они ошибаются. Просто человек начинает жить - в несколько ином измерении. Не понятном другим).

Но... я боялся этого. Так же, как и знал, что у меня - подобного не будет никогда. Просто потому, что я не допущу - подобного.

Но... насколько - нам вообще: уготовано что-то знать. И не есть ли наши знания - некий итог, завершение жизни?..

Или - это начало?.. Начало - конца...

01 апреля 2004 г.

рассказ

Совість

Так выходило, - что он не мог жить.

Да, да, - можно было смело считать, - что не хотел. Но насколько это было бы верно? Ведь правда, как известно, может всегда интерпретироваться двояко. А чаще, - в зависимости от того, как мы это хотим видеть, и будет вырисовываться картина действительности...

Виктор Баринов всегда казался жалким даже самому себе. Да и это не было необходимости скрывать. Он еще с детства ненавидел сам себя. А со временем, быть может, лишь как-то смирился с необходимостью подобного самоощущения; но так и не смог себя полюбить. Более того. В иные моменты, - Виктор Баринов себя ненавидел. И это притом, что никаких причин для подобной ненависти - никогда не было. А, даже, наоборот - в Баринове можно было отыскать что-то, что могло заслужить и чью-нибудь похвалу.

Но вот только хвалить Баринова было некому. Уже третий год он жил затворником. На даче. Вернее даже нет. Это он считал свое теперешнее местожительство - дачей. А на самом деле - это был настоящий деревенский дом. Вот, правда, деревенька была уж слишком малочисленная (всего-то, 10-12 дворов осталось, а на самом деле - может и того меньше); да и отдалена от какой бы то ни было цивилизации настолько, - что Баринов мог быть уверен: никто случайно к нему не придет.

И это при том, - что и приезжать-то некому.

А если и было бы, - адреса Баринова все равно никто не знал.

Но и если бы и узнал, - вряд ли приехал бы.

И никто не приехал бы хотя бы потому, что за время своей цивилизованной жизни (а когда-то Виктор Андреевич Баринов жил не только в Москве, но и жил, что называется, настоящей светской жизнью), Баринов успел испортить отношение с каждым, кто имел к нему хоть какой-то интерес. И число таких людей в какой-то мере было пропорционально должности, которую Баринов занимал. Хотя уместно ли об этом говорить сейчас. Тем более, что сам Виктор Баринов - давно уже отошел от мирской жизни.

А все дело в том, что Баринов не просто поселился в деревне. Он строил храм. Точнее, - Баринов действительно всегда мечтал построить храм. Но сначала - он должен был построить храм - в своей душе.

Чем сейчас, в общем-то, и занимался.

И в какой-то мере можно было признаться, - что у него получалось. Пусть, конечно, это еще было и не так, как он хотел; но дело, по крайней мере, сдвинулось с мертвой точки (как, то было поначалу; когда почти месяц Баринов просидел, чуть ли не уставясь в одну точку). И, в общем, Баринов в какой-то мере мог быть даже доволен собой.

Но он себя ненавидел.

И ненавидел он себя за то, что всеми своими поступками (поступками - в прошлой жизни, ибо сейчас у него были все основания предполагать, - ну, хотя бы надеяться, - что жизнь его изменится), - загнал себя в угол. Ведь за тридцать с небольшим лет ему удалось совершить столько, что всей оставшейся жизни не хватило бы, чтобы искупить вину за совершенное когда-то.

И самое печальное было то, что сейчас у Барина не осталось не единого шанса искупить свою вину (перед людьми - которым он принес несчастья в результате их общения с ним). Этим людей уже не было. И у Виктора Андреевича Барина были все основания предполагать, что не стало их - из-за него. Из-за той боли, которую принес он им. Из-за тех страданий, на которые обрек их своими словами, делами, мыслями... Ибо даже мысль Барина могла убить их. Потому что знали они, - что Барин даже бессознательно ненавидит их. А ведь он это никогда и не скрывал. Но он не знал сам, почему получалось так. Почему он всегда предавал именно тех людей, которые его больше всего любили. Почему он всячески демонстрировал свою ненависть и презрение именно тем людям, - которые готовы были отдать жизнь за него. И так получалось, - что отдали...

И не было Барину в этом прощения. А он и не жаждал прощения. Он просто не мог допустить, чтобы кто-то должен был простить его. Потому что Барин не мог простить себя сам. А это было уже то непреодолимое вето, которое теперь накладывало отпечаток на всю жизнь его. Превращая эту жизнь в настоящую трагедию. И боль. Боль израненной души, которой, совсем не было прощения.

И в какой-то момент отчаяние настолько захлестнуло Барина, что он нашел единственный способ, который мог хоть как-то искупить вину.

И чем больше Барин думал об этом, тем больше он понимал (тем лучше он понимал), - что в этом и есть избавление от страданий.

Но даже и сейчас он понял, что в первую очередь думает не о каком-то искуплении (хоть это предусматривалось само собой), - а об избавлении от боли, от мук, от мук совести.

И это еще больше укрепило Баринова в том, что он должен был поступить именно так.

Потому как не было прощения таким людям как он.

Так же как и не было у них права на существование.

Права на жизнь. Потому что этой жизни - они не заслуживали...

15 октября 2005 год.

рассказ

Загадка

1

Я гладил ее волосы. Гладил ее руки. Гладил все, что, как считал, - принадлежало мне. Или - лишь мне одному. Но, пожалуй, самое загадочное было то, - что я так и не задумался, почему практически одно и то же - продолжается уже на протяжении нескольких недель. Нет, конечно же, желаемые картинки потустороннего бытия (принадлежит ли сон другому определению?) иногда нарушали, вторгаясь, какие-то иные моменты, - разыгравшегося подсознания. Но почти тут же я мог добавить, - что они совсем не нарушали единой (столь чудным образом сложившейся) цепочки сновидений. Сновидений, - где была только она... - И я, конечно...

И вот - действительно - наваждение... Поначалу не придав тому значения, - я уже вскоре заметил, что бессознательно ищу встречи с этой женщиной. В жизни. (Словно неким

загадочным образом пытаюсь спроецировать ту, которая в сновидении - в реальную жизнь).

Скажите - чудак. Да я и сам бы так считал с удовольствием. Если бы только мог - получать это удовольствие. Удовольствие контроля над сознанием. Ведь какое это - безмерное счастье. Счастье, которое ощущаешь именно таким, и именно тогда - когда ты уже почти что напрочь, - потерял способность анализировать окружающий мир. Хотя бы не весь - а тот, что вокруг тебя.

И это - действительно трагедия. Потому как с недавнего времени - я заметил, что все (люди, предметы, животные...) начинают перемещаться вокруг меня в ином (чем прежде) пространственном порядке. То есть их присутствие я как будто бы и замечаю. Но вот только уследить за направлением, - и, главное, найти оправданность, - движения, не могу.

Примерно тогда же у меня пропала способность различать время. Появились какие-то странные (самое мягкое слово, которое я мог подобрать) галлюцинации. Слуховые и зрительные. И я разом ощутил, - что все вокруг движется в каком-то хаотичном порядке. нисколько не считаясь со мной.

Нет, конечно, может быть так и должно быть. Но почему не замечал, - я того раньше?..

2

С недавних пор я стал понимать, что мое сознание, причём самым коварнейшим образом, стало от меня буквально - ускользать. И вот сейчас думаю - что, наверное, совсем не может быть, чтобы этого не было и раньше. Да и, должно быть, было.

Наверняка. И мне бы, наверное, придать этому значение раньше. Но... не углядел...

(Что вполне можно расценить, - и как некую форму защиты: закрыть глаза на очевидное. Ведь как, иной раз, хочется - пребывать в счастливом заблуждении. Словно ничего не происходит. Правда, предметы - уж слишком часто перестраивают свой (прежний?) ход. Но это так... в порядке вещей...).

Но вот чувствовал я, - что мне совсем не угнаться за временем.

Впрочем, - надо ли?.. Стоит ли вообще обращать внимание на нечто похожее?.. Разве плохо - и далее - пребывать в счастливом неведении, относительно того, что происходит? И что, - так или иначе, - касается меня. (Ведь, - хочется верить, - подобные "странности" относятся только ко мне?!). Но если я ошибаюсь?.. И за демоническим бегом - совсем не в состоянии разглядеть очевидное... Но тогда же... тогда, - это может означать, - что я просто схожу с ума. Перехожу в те измененные состояния сознания, которых - старался избегать - раньше. (Опасаясь, например, выпить что-нибудь спиртосодержащее. Главным образом, не в силах поручиться за последствия... подобного приема...).

А интересно, - что произошло бы со мной на самом деле?.. Хотя... пожалуй, - совсем даже не интересно... но уже тогда, любые подобные мысли могли свидетельствовать хотя бы о том, - что я еще жив.

Но вот только жив ли на самом деле?..

Все исчезало постепенно. Отказывало - одно за другим. В какое-то мгновение, я ощутил, что почти не помню ее. Ту, с которой был у меня самый настоящий сновидческий роман. Притом что вскоре у меня, - и вовсе исчезли сновидения... Впрочем... сновидения, быть может, и остались... Но вот только я совершенно не помнил их...

Да я вообще мало что помнил. Как-то быстро все прошло; исчезло самым загадочным образом. Но что было самое странное, - это то, что прошло время и у меня не возникло сожаления. А еще спустя какое-то время, - я перестал и вовсе что-либо понимать... (А тем более опасаться какого-то своего нового состояния). Вернее - уже не только его; но и почти вообще всего, - о чем только можно предположить.

... Но если спросите, какое у меня будущее?.. Признаюсь, - что не знаю...

И с сомнением добавлю - а нужно ли мне оно?...

27. 01. 05 г.

рассказ

Констатация болезни

Михаил Александрович Никитин, - еще, вроде и не старый, но и совсем было бы затруднительно говорить о какой-то молодости (было ему, - если мне не изменяет память, - тогда лет 40-45), - проснулся, как всегда в своей квартире (холостяцкий образ жизни позволял просыпаться и не в своей, - но так было для кого угодно, только не для Михаила Александровича), и...серьезно задумался.

Нет, совсем даже не правы те, кто подумал, что этой вот "задумчивостью" Михаил Александрович маскировал свою лень. Просыпаться, например. Совсем даже нет. Никитин был не такой. Даже вовсе - не такой. Хотя, с другой стороны, - откуда нам это знать?.. И в своей-то душе иной раз не каждый может разобраться, а тут...

Но, впрочем, Михаил Александрович действительно был не такой... Что б лень?!.. Да он всегда, если хотите (а к тому времени я знал его уже чуть ли не с десятков лет) говорил только "правду". Как говорить, правду, правду и ничего кроме правды. И уже, быть может потому, - казался Михаил Александрович каким-то излишне "правильным". Причем, - и сам он был такой, и поступки его были таковые, и люди его окружали такие же... "правильные"... И, как будто бы, и не к чему было придраться? Совсем не к чему. Или... почти - не к чему.

Впрочем, надо ли?.. А потому и сейчас, только уже, было, задумавшись, - он готов был вскочить на ноги (предупреждая мысли о собственной лени) как... Михаил Александрович внезапно остановился. Вернее, мысль его остановилась где-то на полпути к исполнению... а потом и вовсе заменилась другой мыслью. И, что было удивительно и для самого Михаила Александровича, - ему неожиданно понравилось то, о чем он сейчас подумал. А со стороны казалось удивительно, что он решил с этим согласиться.

И если подумать, - то, вероятно, соглашаться было с чем.

Все дело в том, что уже как почти четверть века Михаил Александрович жил исключительно литературными заработками. Нет, конечно, сами заработки, были не ахти какие. И даже можно

сказать, что, быть может, другому человеку и вовсе не хватило бы этих денег. Но, с одной стороны, был Михаил Александрович совсем даже не похож на кого-то "другого" (причем, насколько мне известно, он и никогда и не потерпел бы никакого сравнения собой; хотя бы по той причине, - что любил себя, иной раз, самой "отчаянной" любовью); а, с другой стороны, - там статейку накропает для журнальчика, там фельетончик, в какой газете, напечатают, там корректуру сделает... а то и целый рассказ почти что напечатают... (случай, надо заметить, весьма редкий и - насколько я знал - так ни разу и не воплощенный в действительность, но...мы сейчас даже не об этом...).

Уже так или иначе, перебивался, Михаил Александрович, подобными (мелкими) заработками изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год; и как-то неожиданно решил он оглянуться - и... как будто бы и ужаснулся даже... Четверть века прошло... Четверть века!..

Но даже и не это было причиной основных его измышлений. И даже, как будто, и не было каких-то особых - по этому поводу - сожалений. (Что есть сожаления?..). Нет. Не это сейчас мучило Михаила Александровича. Не это наводило его на какую-то последовательную цепочку размышлений...

И тогда уже суть заключалась в совсем ином...

А дело все в том, что последние... (десять?.. пятнадцать?..), - последние годы Михаил Александрович жил в самом, что ни на есть конфликте (даже можно сказать постепенно возраставшем конфликте), - с собой.

И быть может даже, и не было это "конфликтом", в привычном понимании этого слова... Хотя, наверное, все же

конфликт был. Но вот в том, что это было с ним самим... в это как-то не хотелось верить... Потому как - так казалось ему, ну, или хотелось казаться - ему удавалось уживаться со своим "альтер-эго"... А то и дружил он с ним... Но вот с недавних пор, словно какая-то червоточинка, завелась в глубине души... И он был вынужден, иной раз, серьезно пересматривать совершенные (как, впрочем, и совершаемые) поступки. И вот при таком вот "пересмотре" - с каждым разом все более и более находил Михаил Александрович, что делает, он, как будто бы, что-то и не то. Хотя до того, что же, на самом деле, было "то" или "не то", - додумываться ему как-то и не приходилось. В том плане, что не получалось...

А вот теперь, - даже почти что только сейчас, - Михаил Александрович проснулся, и... как будто бы, все разом и понял.

И от этого-то "понимания", стало ему как-то скоро (и моментально) - "нехорошо". Тем более, что и изменить-то ничего - это тоже Михаил Александрович сейчас понял - он не сможет. А раз так, - какой прок от такого "понимания"?..

Но это, как говорить, с какой стороны посмотреть. С одной - так, как вроде бы, и да. А вот - с другой?!.. А с другой стороны, подобная ситуация, быть может, и была совсем даже кстати. Ибо, в первую очередь (именно так он всегда считал) важна причина... А тогда, как будто, и конфликт (хотя был ли он на самом деле?) может разрешиться.

Ну, как бы то ни было (заметим, что уже неделю Никитин не выходил из дома; болел), пришло к Михаилу Александровичу внезапное "просветление". И заключалось, это "просветление", вот в чем.

Хотя... быть может, стоит все по порядку.

2

Если попытаться заглянуть в предысторию его теперешнего состояния (то есть, повернуть назад лет, этак, на...), то можно было бы отыскать немало причин в том же самом раннем детстве (столь любимом психоаналитиками), от которых, по всей видимости, и берут начало основы основ его "заболевания".

Так-то оно так. Мы даже (оглядываясь на психоанализ Фрейда, а

где - и на психопатологию Ясперса), могли бы, как-нибудь ненавязчиво, да незаметно, и какой-нибудь справедливый диагноз ему поставить, но... Вряд ли мы этим, так уж серьезно, его удивили бы?.. (Что, быть может, еще раз подтверждает "справедливость" нашего "предположения" по поводу его... состояния). Потому как, - знал, знал Никитин, что болен. А то и серьезно болен. (Хотя, что значит понятие "серьезности" - в соотношении, с тем же, понятием "относительности"? Особенно, если все же учитывать невротическую направленности его заболевания. Даже пытаюсь закрыть глаза на - уже проступающую - психопатологию? Причем, - что любопытно, - ни о чем подобном Михаил Александрович даже и не догадывался. Или не хотел "догадываться". Тогда как все остальные - встречающиеся ему люди - вполне честно и искренно считали его, как минимум, тихим шизиком... Хотя, конечно же, об этом ему и не говорили...).

Но уже как бы то ни было - мы возвращаемся к тому самому (утреннему, - ведь тогда было утро?) "просыпанию"

Михаила Александровича. А, проснувшись, - Михаил Александрович, как будто бы, ничего и не заметил вокруг. В такие минуты, он всегда был сосредоточен на своих... ощущениях.

Дело же все в том, что он только что поймал себя на мысли, что его теперешнее состояние, (а он, как мы помним, уже неделю как болел каким-то - к врачам Михаил Александрович никогда не обращался - простудным заболеванием), как бы, отдалило все те, еще недавние, - страхи, кошмары, а то и начинавшиеся навязчивые состояния, которые, вероятно, были неким следствием, как минимум невроза; как максимум... впрочем, до максимума еще далеко...

И тогда уже вспомнил Михаил Александрович, что как раз эту последнюю неделю, он, ничего "такого", и не ощущал. Не было его мнительности (от которой он, вообще-то, ужасно страдал. Когда ненароком кем-то брошенная фраза, надолго заседала в его голове; вертелась, "смаковалась" там, на все лады; так что уже через время, практически напрочь забывался ее первоначальный смысл; притом, что был ли он вообще? - но добавлялись все новые и новые "подробности", и вырисовывавшаяся картина, становилась все более и более ужасающей по своим "воображаемым" последствиям). Практически исчезла самокритика (всего через несколько минут от начала которой, Никитин ощущал себя полным ничтожеством). Куда-то пропадал страх (из-за которого он, порой, несколько дней сидел безвылазно дома, и который, - неким тайным образом, - подпадал под наименование "агорафобия"). Ничего этого не было. Как не было и остальных симптомов, которые любой, мало-мальски грамотный студент последних курсов соответствующих

специальностей, не задумываясь, отнес бы к невротическим расстройствам личности. Не было. Ничего похожего не было. Но тогда уже, - Михаил Александрович сморщился от возникшей мысли, - его прежнее состояние, и исчезнуть-то, как будто, не должно, но... Михаил Александрович не тешил себя подобной надеждой, однако, факт был, как говориться на лицо. Или на лице.

А на лице у Михаила Александровича давно уже сияла загадочная улыбка. Он понял, он догадался, "кому" был обязан столь чудесному "выздоровлению".

И почти в эту же минуту, вслед подобной "догадке" перед Михаилом Александровичем уже замаячила угроза "разоблачения". И тогда уже Никитин понял, что - или сейчас, - или никогда! Нужно было делать выбор. И он его сделал.

Быть может, еще только подобное (только что родившееся) "решение", из подсознания, готовилось (а то и раздумывало: стоит ли?) перейти в сознание, как Михаил Александрович быстро вскочил с кровати (успеть бы!), в два скачка очутился около водопроводного крана (в ванной? в кухне? - кто потом вспомнит о том...), сунул голову под (кран максимально открыт) напор холодной воды, поддержал ее, сколько хватило терпения, метнулся обратно в комнату, открыл окно - и высунул голову наружу. (Зима в Петербурге была в самом разгаре. Но, казалось, Михаил Александрович совсем не чувствовал ни валившего снега - оседавшего и почти мгновенно превращавшегося в льдинки на его голове, ни почти 25-ти градусного мороза. Его суматошные мысли, казалось наоборот - лишь согревали его).

И тогда это показалось Михаилу Александровичу мало.
Невероятно мало. Ничтожно мало.

Он разом скинул оставшуюся (после сна) одежду. Залез на оконный блок. И... шагнул вперед.

Навстречу исцелению.

Навстречу свободе.

14 октября 04 г.

рассказ

Воспоминание

1

Воспоминание... Воспоминание, бестелесная дымка чего-то, на самом деле, неизведанно-прекрасного; того, что, быть может, уже навсегда (но пока еще медленно и неохотно) улетучивается из памяти; и что, даже если захочешь, - уже не поймашь, не восстановишь в равной мере... несмотря на то, что до недавнего времени это еще удавалось... А ведь, и действительно, удавалось, - с неожиданно появившейся надеждой подумал Артем Исмаилович Веренберг, средних лет, и такого же среднего телосложения, мужчина в пенсне. Ему отчего-то невероятно нравились пенсне; и уже сходящие "на нет", в наш XXI век, - "костюмы-тройки". С отдельным, характерным для них покроем и тому подобными атрибутами давно ушедшего времени. Времени, о котором Артем Исмаилович почти ничего и не знал. А в книги, да учебники он не верил. Но так было лишь в последнее время. А еще недавно... Еще недавно (прошло-то всего...три...четыре...пять?...два!), еще недавно, всего два года

назад Артем Исмаилович защитил кандидатскую диссертацию по филологии.

Но с каким трудом она ему далась!

Казалось, на последнем дыхании этот 49-летний мужчина пытался "втиснуть" в мозги членам диссертационного совета ту мысль, которую он сам-то понимал с трудом. Вернее - помнил. Потому как, диссертационная работа, на самом деле была написана еще почти четверть века назад; мертвым грузом, пролежав в ячейках нескольких банков; размноженные копии написанной сразу по окончании ВУЗа работы - бережно "перепрятывались" с одного хранилища в другое. Это позволило "запутать следы" (скрыв "исследование" от "преследователей"). Но и это же, - не прошло бесследно для Веренберга. И кто-то, кто находился где-то "свыше" (а во влиянии над собой, Артем Исмаилович, никогда не сомневался), вероятно, постарался, чтобы действительно все изменилось до неузнаваемости. Так что, преследователи (если они действительно были), давно уже должны были потерять то, что искали.

И, скорее всего, именно так и произошло. Но за это, действительно, потребовалось слишком высокая плата. Ибо, на каком-то этапе, Артем Исмаилович забыл, куда он спрятал свою диссертацию.

...Прошел еще один период, во время которого Артем Исмаилович, все-таки нашел, казалось бы, уже навсегда "потерянное". А, найдя, - заботливо обернул рукопись в еще большее (чем прежде, увеличивавшееся из раза в раз) количество специального "оберточного" материала (который ему подешевке, загнал один знакомый рабочий с "полусекретного" завода).

Правда, "знакомым" того назвать было трудно. Разве только ориентируясь на сам факт "знакомства". Да, по большому счету, у Артема Исмаиловича никогда ни с кем не было каких-либо, - даже приятельских, - отношений. От людей, он предпочитал "держаться на расстоянии". И увеличивал это расстояние, иной раз, диаметрально противоположно пройденным дням с последней встречи, которая, чаще всего, была первая и последняя.

Но уже как бы то ни было, Артём Исмаилович спрятал диссертацию, - тщательно обернув ее, - в специально припасенный контейнер. Небольшой такой, чтоб еще раз запутать преследователей. И поместил этот контейнер... в стену строящегося соседского дома, как что, когда опомнился, - пришлось невероятно долго убеждать соседа разрушить недавно выстроенную им стену, для того чтобы достать... контейнер!?

2

Однако, уже как два, года диссертация была защищена.

И Артем Исмаилович внезапно потерял смысл жизни. Все эти годы он перепрыгивал свою работу. Лелеял надежду когда-нибудь ее сдать, защитить... и получить славу. Быть может, как раз этой-то славы, он и боялся.

А что как обрушится она так внезапно, что он окажется, к ней просто не готов?! И Артем Исмаилович готовился. Почти ежедневно он "настраивал себя", планировал свое поведение на случай, когда "это", на самом деле, "случится". И все для того, чтобы, когда это на самом деле произойдет - встретить подобное событие (без сомнений - значительное в его жизни) - во всеоружии...

Проходили годы. Нового материала Артем Исмаилович почти не накапливал. Он перестал читать (лишь изредка открывал, какую-нибудь, случайно попавшуюся газету, да пролистывая взятую из библиотеки книгу); почти ничего не писал (отмечая лишь дни, прошедшие с момента помещения в "очередное" хранилище - которые он теперь менял с маниакальной настойчивостью сошедшего с ума и без конца запутывавшего следы разведчика); ни с кем не общался (боясь проговориться о своей "тайне"); да и вообще, предпочитал никого не видеть.

На что он жил? Каждый месяц его дедушка (оставшийся с недавних пор единственным родственником) посылал ему определенную сумму денег. Дедушка жил в поселке недалеко от одного Кубанского городка. Регулярно гнал спирт. Ну, и, видимо, как бы в искуплении грехов - убедил себя, что обязан содержать заблудшего, как он считал, внука. И хоть регулярно посылаемая сумма была невелика, - Артему Исмаиловичу вполне хватало, чтобы не только не искать другого приработка, но и даже раз в месяц заходить в недалеко расположенный от дома бар. Где его считали почти постоянным клиентом. Ибо заходил Артем Исмаилович в это заведение в один и тот же день - последний день месяца - брал всегда одно и то же: тарелку щей, бутылку водки и стакан воды. И приходя (по времени) где-то в начале второй половины дня - "аккуратно" досиживал до самого закрытия. И к нему, вскоре, так привыкли, - что некоторые уже готовы были считать его - чем-то, вроде, "талисмана клуба". Ну, или символа.

И с дедом своим, Артем Исмаилович почти не виделся. Посылая раз в год - в день милиции - открытку. С поздравлениями. Каким-то, видимо, загадочным и одному ему известным способом

- намекая на призрачность правосудия. Или, открытка, в его исполнении была некой свечкой, за здоровье родственника "самогоноваренщика". Ну, или еще что-то... Нам сейчас и не догадаться. Впрочем, вряд ли и его дедушка что-то понимал, в этом "жесте доброй воли" внучка. Потому как к милиции он, конечно же, никакого отношения не имел; до выхода на пенсию, всю жизнь, проработав сталеваром. Но это уже не имело никакого значения, ибо на своего заблудшего внука - дед давно уже махнул рукой. Не забывая его, впрочем, регулярно поддерживать.

Отец Артема Исмаиловича еще в середине 80-х пропал без вести. А мать - как раз дочка деда - мать, насколько помнил сам Артем Исмаилович, еще, когда он был младенцем, оставила его с отцом, вышла замуж, и уехала в Израиль, где, насколько было ему известно, почти сразу после приезда, и погибла в автомобильной катастрофе.

Удивительно, но Артем Исмаилович почти даже не вспоминал ни о ком из своих "родственников". Может быть, поэтому он и был склонен к "нарочитой", искусственно провоцируемой замкнутости; и уже как следствие, - к одиночеству.

Но Артем Исмаилович, никогда не переживал по этому поводу. И в том, что у него никогда не было жены, - находил даже счастье. Своего рода, "подарок судьбы". И пусть ошибаются те его редкие знакомые, которые почти все без исключения считали, что Артем Исмаилович, просто боится женщин. Нет. Это было не так. Вернее, Артему Исмаиловичу хотелось думать, что это не так. И ему даже почти всегда удавалось убедить себя в этом.

Впрочем, о подобном он старался особо и не размышлять. Артем Исмаилович вообще старался меньше думать о том, что могло нарушить в его душе своего рода равновесие. Именно к этому самому "равновесию", Артем Исмаилович все время стремился. Считая, что внезапные потрясения, - для его психики, будут, невероятно опасны. И тогда уже, почти инстинктивно, Артем Исмаилович стремился избежать всего, что так или иначе, могло свидетельствовать о каком-либо вмешательстве в его сознание. Ибо сознание его, и так уже давно было почти всецело подчинено "бессознательному". Признав его власть; и, быть может, уже и не делая попыток "освободиться". Это было не нужно. Хотя бы потому, что не казалось самому Артему Исмаиловичу Веренбергу возможным.

3

Артем Исмаилович Веренберг уже давно мучился воспоминаниями. Быть может, они и не были ему, чтоб так уж... нужны?.. А порой и хотелось прокричать, в слепой ярости убеждения, невидимому оппоненту, - что эти самые воспоминания, - и не нужны ему вовсе. Совсем... Да, и зачем они ему?.. Ибо понимал Артем Исмаилович (настолько, насколько он еще вообще мог что-либо понимать), что все подобные мысли достаются ему невероятно тяжело, требуя, какую-то свою (мучительную и страшную, и по всему - совсем даже не нужную), правду. Ибо, действительно, становилась эта "правда", - слишком страшной. А то и, - опасной. Конечно же, - опасной. И опасной она была еще и оттого, что как раз самой опасности Артем

Исмаилович не видел. Почему-то не видел. Хотя точно знал, что она есть.

В чем она могла выражаться? Может быть... хотя нет... как раз это Артем Исмаилович почти наверняка - отметал. Отчего-то верил Веренберг в свое предназначение. Ну, если не "мессии", - то, что-то схожее с подобным предназначением, должно было быть и у него, потому что - никак не могло быть иначе.

Только это было единственным контрапунктом "за". А величие и предначертанность свыше, - казались Артему Исмаиловичу не только существующими вообще, но и, более чем явно, существующими в отношении него. Только было мучительно больно, что до сих пор Артем Исмаилович не сумел разобраться, отыскав тот самый час "Ч", когда ему необходимо было начинать. Заявлять о себе. Что касается веры, - тут сомнений не было. И чем больше Артем Исмаилович размышлял по этому поводу, - тем больше он убеждал себя в этом.

Хотя, может быть, где-то в подсознании, где-то в глубине души, не верил и сам.

И, именно, в один из дней, когда начинавшая набирать силу внезапная самокритичность стала перехлестывать через край, - Артем Исмаилович принял душ, более чем тщательно выбрился, одел самую любимую одежду (тот его знаменитый костюм-тройку, который он одевал исключительно "по праздникам"), купил билет на пригородную электричку (по-моему, Выборгское направление), внимательно изучил расписание, отметив про себя время стоянок, число станций, и что-то еще, периодически отрываясь от записей в блокнот и, вероятно, обдумывая что-то, только одному ему известное.

После чего, сел в поезд (пройдя вдоль состава и выбрав вагон, где как ему казалось, было меньше народа), и, дождавшись самого длинного перегона (сверив блокнотные записи с заранее припасенной картой области и наручными часами), - вышел в тамбур. Там еще, зачем-то, всматривался в окно (хотя был уже поздний вечер, и, быть может, это вообще была последняя электричка), достал специально припасенную (и хранившуюся еще с детских лет) отмычку, которая была ничем иным, как выкраденным кем-то из ребят и обмененных на большое розовошее яблоко (которое Артем без жалости отдал, заполучив штуку, которая тогда ему была, может быть, и не особо-то нужна, но значение которой оказалось "востребованным", много лет позже), вставил этот ключ-отмычку в замок двери, раскрыл ту, зачем-то оглядевшись назад, словно опасаясь, что кто-то его сможет остановить, и вобрав в свои легкие порыв удивленного ветра, - шагнул в пустоту...

01 ноября 04 г.

рассказ

Приближение счастья

1

С недавних пор он почувствовал, что состояние, в котором до этого пребывал лишь иногда - теперь каким-то странным образом подменяет его внутреннее состояние. Даже более того - теперь именно оно, начинает диктовать свои условия, смысл которых, как кажется, заключается, именно, в отсутствии всякого смысла. Причем, зачастую, он еще улавливает, хоть и с трудом, хаотичность собственных нелепых душевных движений.

Но вот, что будет уже в следующий миг?.. Да и будет ли он вообще? Этот "миг"?..

С недавних пор, Игорь Арсеньевич Ракитов, 46-летний бывший конструктор бывшего НИИ, превратившегося сейчас в бизнес-центр, стал замечать, что окружающий мир самым загадочным образом стал разделяться на несколько составляющих.

И ведь не сказать, что этого не было и раньше. Даже, - вполне могло быть. Но... но вот только Игорь Арсеньевич... этого не замечал. Впрочем, почему он должен был обращать внимание, на всякие там... мелочи...

И спроси кто Игоря Арсеньевича, например, вечером - что, было утром?.. - нет, не сказал бы он ничего уверенно... Лишь, быть может, промямлил бы что-то неопределенное... оправдываясь, что, дескать, спешил... А самом деле, - он просто не помнил. Не помнил - потому, что ничего не замечал. Не привык замечать. Потому что, - всецело и всегда, - был погружен: вглубь себя. И совсем не хотел (не собирался, не мог) - выбираться наружу.

То, что Ракитов до сих пор как-то сносно существовал (точнее, что вообще - существовал), - заслуга других людей. Старающихся, - не замечать очевидные странности: своего коллеги, товарища, мужа...

(Жены, на самом деле, не было. В какой-то момент она попросту ушла. И хотя, произошло это лет пять - шесть, а то и десять, назад, - Ракитов старался убедить всех, и в первую очередь себя, - что случилось подобное, - только вчера. Ну, месяц, два, три назад. Не больше...).

А если честно - только сейчас Ракилов понял, что наступила какая-то удивительная гармония. Точнее - еще не наступила. Но он знал, что состояние подобного ощущения реальности непременно придет. Почти уже пришло. И быть может оттого - он даже (впервые) мог позволить себе быть счастливым. Или пока - почти счастливым. Но уже все чаще и чаще, просыпаясь по утрам, - Ракилов каким-то неизвестным чувством отмечал, что мир вокруг уже не был, так пугающ. Быть может, совсем скоро, и вообще не надо будет ничего бояться. Да ему, если честно, и намного лучше находится где-то там, в глубине своего подсознания. И, пожалуй, даже больше того - Игорю Арсеньевичу хотелось, чтобы это самое подсознание - теперь всецело торжествовало, заполнив некогда всеильное сознание... Ибо (и вот к чему он пришел) сознание - было для него и не так уж важно. Нет, пусть оно, конечно, существует - но... без каких-либо, "руководящих" функций. А власть... власть, же, пусть всецело принадлежит бессознательному. Бессознательному, благодаря которому, сам Ракилов теперь ощущает все вокруг - совсем иначе; чем то было раньше...

Да и, если, честно - он ведь уже давно ничего и не замечает. Просто... просто все проходит как-то само собой. Случавшийся раньше - негативный анализ событий (так часто, коварно, разрушающий его изнутри), - теперь... выглядит совсем иначе. То есть, - уже не кажется таковым. А, если, быть еще точнее, - он, Игорь Арсеньевич Ракилов, - может позволить себе, не обращать на это обстоятельство, совсем никакого внимания.

Да и зачем?.. К чему, нелепые переживания, расстройства, беспокойства, тревоги... И то, что раньше вызывало

тревогу - теперь... ко всему этому, теперь, Ракилов был совершенно безразличен... Все (с недавних пор) встало в какое-то равновесие... И, если, случаются еще вспышки: "опомнившегося" сознания (мечущегося от внезапного осознания необходимости "принятия срочных мер") - то... большей частью... это уже и вовсе единичные случаи... И лишь только ощущение (приближения) "безразмерного счастья"... казалось, всецело уже начинает заполнять изнутри... вытесняя (быть может, даже, напрочь вытесняя) то безобразие, что некогда существовало у него...

2

Игорь Арсеньевич Ракилов, когда-то был неплохим конструктором. Почти с отличием (несколько четверок не в счет) закончив институт - он устроился на работу в Научно Исследовательский Институт. Женился. И, собственно говоря, если бы не внезапно грянувшая "Перестройка", а за ней и распад Союза - сейчас он мог бы сказать, что "жизнь удалась".

В какой-то момент, он, правда, и так, мог сказать это. Но, получив очередное повышение по службе (и готовясь занять, почти что, руководящую должность) Ракилов внезапно (через несколько дней, после самого факта) ощутил какое-то новое (и на самом деле тогда еще неизведанное) чувство вины, тревоги и подавленности. Причем, насколько он бы мог сейчас вспомнить, тогда он и не придал этому серьезного значения. Списав... Да, мало ли на что он вправе был это списать? Ну, например, на последствия излишнего алкогольного опьянения (когда сослуживцы, после назначения, доставили бесчувственное тело коллеги - его жене). Или на скандал, который, истерически

настроенная супруга, учинила ему на утро. Или оттого, что так и не смог выйти на работу. Два дня пролежав пластом - и все два дня, находясь "под обстрелом" расходившейся в своем неистовстве "женушки"...

Ну, как бы то ни было - гадать, - это поистине неблагоприятное занятие. Потому как, вполне возможно, что до сути (в большинстве случаев), и не добираемся мы. (А то и вовсе - отдалимся). И уже тогда, позволим повториться: через несколько дней, после всех перечисленных событий, Игорь Арсеньевич Ракитов ощутил внутри себя какое-то новое чувство. Которое совсем не хотело проходить (а вот бы куда исчезло?), и, которое, каким-то незаметным образом (подбираясь излишне аккуратно, да осторожно), вскоре стало диктовать свои условия.

Да и диктует - до сих пор.

В итоге: ушла жена, потеряна работа, цепочка конфликтов за ними, и прекращение всяческих отношений - с недавними товарищами...

И вот, теперь... Теперь Ракитов вдруг стал чувствовать, что все вновь намеренно каким-то образом измениться.

Просуществовав с десяток лет со своим ощущением тревоги, беспокойства, да чувства вины - как-то незаметно, дойдя до того состояния, когда почти перестаешь замечать окружающую реальность - Ракитов уже совсем ничего не ждал от жизни; предоставляя этой самой жизни проходить так, как ей заблагорассудится.

Ему почти ничего не хотелось. Уже многое - не могло. И даже, еще некогда существовавшая, надежда, когда-нибудь,

вернуться к нормальной прежней жизни - теперь оказалась...
безвозвратно потеряна.

Он сутками не выходил из дома. Питался (изредка и неохотно) теми "подачками", которые (отчего-то?) приносила ему бывшая жена, вышедшая замуж за какого-то бизнесмена; и уже можно было сказать, что он не только никуда не стремился, но и вовсе, считал это, даже не обязательным занятием.

В прошлом месяце у него отключили свет. Грозили - воду и газ. Да и вообще, если честно, у него бы уже давно отобрали квартиру (за неуплату, в течении, более чем десяти лет), - но отчего-то... Впрочем, казалось, для него и это было совершенно безразлично. Потому что... Потому что, Игорь Арсеньевич Ракитов (как-то неожиданно), оказался в каком-то совсем ином измерении... Осознании (или, вернее, уже не-осознавании) реальности. И даже не сказать, что ему было все абсолютно безразлично. Точнее - сказать так, значит не сказать ничего. У Ракитова (каким-то необъяснимым образом) практически полностью купировались все недавние страхи, сомнения, неуверенности... И даже (существовавшие еще ранее), - с чего, собственно, все и началось - беспокойства, тревожности, да, - коварное, по сути, - чувство вины...

Но тогда - почти, наверняка, что-то должно начаться взамен?! Да. Верно. Но... от подобного обмена, Игорь Арсеньевич как бы даже и выиграл. Хотя, если по правде, вряд ли кто еще кроме него мог согласиться с "подобным раскладом"; но... Игорь Арсеньевич Ракитов был действительно "не от мира сего". А если быть еще точнее - то именно таковым, он теперь, в полной мере, и мог себя ощутить. Потому как... потому как, весь тот мир, в

котором Ракилов еще до сих пор вынужден был существовать, теперь каким-то незаметным образом вытиснился из сознания (еще недавно, вроде бы, контролирующего "ситуацию"); и теперь... Ракилов обитал в совсем ином мире.

Кто-то бы, назвал это миром снов. Кто-то - бессознательной составляющей психики. А кто-то - и полным безумием.

И что на самом деле любопытно - правы и те, и другие, и третьи. Как, впрочем, прав был и сам Ракилов. Считавший, что только сейчас - он испытывает настоящее счастье. То счастье, которое, появившись, стоило ему только проснуться - уже не исчезало: ни днем, ни вечером, ни даже ночью, во сне. Хотя, заметим, границы дня и ночи - сна и бодрствования - были удивительным образом - у него смещены.

А что до нас, так, быть может, и не стоит ему мешать?! Пусть наслаждается... Пусть живет со своим: ощущением счастья... Заслужил...

24 января 05 г.

рассказ

Страх

1

Сколько себя помню - я никогда ничего (и, наверное, никого) не боялся. Правда, если опустить школьные годы... Но там были страхи, пожалуй, - иного рода. И к нашему повествованию, - вероятно, - не относятся.

Но... если отбросить их?! Что тогда останется?..

И уже тут, по всей видимости, и имеет необходимость разделить, так сказать, страхи одни - от страхов, почти таких же, но уже других. И отношения к первым, имеющих, разве что, - сходство в названии. И не более...

И тогда, позволю задать вопрос: а что, собственно говоря, стоит бояться?.. И пытаюсь ответить сам себе, - понимаю, - что проблема (если она все же есть?) - намного серьезнее. Значительнее. И требует, вероятно, совсем иного разрешения. Если разрешить ее конечно - возможно.

Но, по крайней мере, - необходимо попытаться.

2

Итак, замечено было, что страх страху рознь. Но вот как распознать страхи те, что мучают сейчас меня?.. Какое найти объяснение им?.. Как, - не только распознать, - но и прекратить их?..

Но все, должно быть, по порядку.

Меня зовут Мишель. Фамилия, - под стать имени. Но никакого отношения к Франции не имею. Разве что... (хотел что-нибудь сказать о "французской любви"; но ведь... не о ней мы сейчас...).

Моя профессия - художник. Возраст - 38 лет. Внешность... внешность, - вполне соответствует профессии. Хотя, вероятно, больше сказываются стереотипы: высокий, худощавый, с длинными - черными - волосами; и усами, - переходящими в бородку.

Даже не знаю, как такое случилось со мною (тем более - когда?). Быть может виной тому, - излишек свободного (как

считает кто-то, - кто ничего не понимает в нашей профессии) времени. Но уже как бы то ни было, - в последнее время, - я совсем не мог работать. Да и не только работать, но и вообще, - заниматься: хоть чем-то. Читать, писать, слушать музыку... и уж тем более - рисовать. Может показаться, что это, вроде как, и относительные мелочи. Но если относительные, - то лишь отчасти. Потому как, точно также, не был способен я - выходить из дома. Разговаривать по телефону. С кем-то встречаться. Тем более, - кого-то приглашать в гости.

А потому дверь, - мою железную дверь, - я закрыл на все четыре засова. Плотные шторы - опустил. И тишина... эта тишина... тишина оказалась весьма кстати. И тишина - поддерживалась - безукоризненная. Вплоть до слышимости мельчайших (и до того казавшихся незначительными) шорохов.

Однако, причина страха была не понятна. Это не значит, что я не пытался ее - анализировать. Отнюдь. Даже можно сказать, - только этим, - и занимался. Точнее, - занимаюсь, - по сей день. Но... до сути - так и не докопался. И главное... все никак не мог выяснить причину - возникновения его. Страх. А все попытки... все попытки (изначально) - оказались безрезультатными. И в своих измышлениях - я не продвинулся ни на йоту. Чертовщина, какая-то... И пустота...

Вероятно, я даже (все больше) - отклонялся в сторону - в своих поисках. И со временем, вынужден был убедиться: в бесперспективности - начатого.

Но за что (на самом деле) я мог уцепиться? Надеюсь, (или, скорее, не сомневаясь), - что это "что-то", - выведет меня

на верную дорогу... Но какая из всех - верная?.. Та, где бродит (а может, как и я, таиться, скрывается) нужное решение?.. Или...

В какой-то момент, мне стало невероятно грустно. Любые предположения - отпали сами собой. Новые - не возникали. Но... быть может, - и не плохо - все это? То есть, я хотел сказать, - может: и не так все плохо? Потому как - подобные неудачи - заставили меня... все пересмотреть по новому. Под другим, так сказать, сектором внимания. И уже казалось мне, что истина - находится где-то рядом. Поблизости. (К никакой близости, впрочем, и не располагая)...

Но ведь вполне может так стать, что важно не само происходящее; а то, как мы оцениваем его; и вот только зная это, - долго я не решался приступить... к отгадке. Лишь, быть может, в какой-то момент понял - что промедление - смерти... подобно (заезжий штамп, к сожалению, уместен).

Но в чем мне следовало разобраться?.. Какого я, - ожидал результата?.. Выискивание причины, в принципе, бессмысленно; потому как, вспомнил я: что периодические (пусть на грани мимолетных) приступы страха, сопровождали меня в течение всей жизни. Хотя... если быть точнее, - то не всей, конечно. А этак, лет с двадцати... И быть может вполне логичным... (Но, ведь, вполне может быть - что я и ошибаюсь?..).

Я не мог никуда выйти; я заперся в доме; я пододвинул - для надежности - к входной двери шкаф; а на окна, хотел было, повесить решетки. Но это наверняка означало бы, - что следовало - пригласить (в мой дом) кого-нибудь. Что мне делать - совсем не хотелось. Потому как - нарушало - мое затворничество.

Я не собирался включать свет. Но с наступлением ночи - от этого стало еще страшнее. Темнота - пугала меня. И я уже зажег свет - во всех комнатах. Но темнота не отступала. А страх - не проходил. Да, и причина страха (догадался я), - шла откуда-то - изнутри. И совсем не зависела - от внешних факторов. А значит (или - уже оттого), - казалась: неподвластной - понимаю.

Или, быть может, это общее следствие проявления страха. То есть, то - как считает - мое сознание? (Или, точнее, - подсознание). Но (с другой стороны), - оно ведь тоже: должно полагаться было - на какие-то... факты... Пусть и не до конца - понятные мне. Но ведь... страх должен был проявиться. Но (с другой стороны), вполне можно допустить, что если мне кажется, что он проявляется "так, а не иначе", - то... у кого-то другого - тоже могут быть: схожие проблемы?.. Но выражаться, например, как-то иначе.

Но, ведь, такого не может быть. Мне отчего-то казалось, что так - действительно - не может быть. Не могло. Просто - не могло уже тогда...

И вдруг я понял, что на самом деле, все - намного проще. Все - до прозаичности - просто. И разгадка проблемы не наступает потому, что она общая, - у всех. Но расходится - по мелочам - у каждого. И уже отсюда, - (когда-нибудь) должен был наступить момент (наступит ли?), при котором, будут разгаданы все загадки. И тогда... тогда может наступить непоправимое: мир разрушится; рухнут опоры; и планета сорвется в свой бесконечный, (и уж никак не управляемый) бег; и это уж будет означать конец цивилизации; да и вообще - всего...

- Но тогда, мир получит возможность возродиться заново? - высказало предположение, что-то находящееся внутри меня. То, - что все чаще: представлялось под разными личинами, не желая останавливаться на чем-то конкретном. А то и вовсе, - распадалось на несколько персон, имеющих (каждый - свою), отличную от другого, точку зрения.

Поначалу в подобные дискурсы я старался не встречать. Но потом, что-то изменилось. (Быть может, просто понял: что это "всерьез и надолго"; быть может, - смирился; как иногда смиряемся мы с наступающим неизбежным); И порой, мы вели (очень даже) увлекательные беседы. (И это при том, что я знал: в любой момент можно все прекратить. Переключиться, на что-то другое менее сложное. А, значит, - хоть и не всегда, - более привлекательное).

- А будет ли ему необходимо это возвращение? - с некоторым запозданием ответил я на вопрос (своего "Я"?)

- Ну, тогда возможно наступление хаоса?

- Если измерять это в таких показателях, - тогда.

- А, если, в других?

- Ну, тогда просто следует смотреть на это совсем по другому.

- И хаотично настроенных величин не будет.

- Все дело в том, что хаос останется все равно. Это также верно, как и то, что когда-нибудь нас ждет его наступление.

- Значит, пока он (как бы) завуалирован подо что-то?.. И мы просто его не видим?..

- Можно считать и так... Хотя по мне, лучше вообще остерегаться подобных тем... Наши мысли обладают

способностью как бы "обналичивать" существующее, но доселе не открывшееся нам, и тогда...

- Тогда наступит...

- Да, тогда вполне все это может наступить.

3

Что мне было делать в этой ситуации?.. Оставлять все как есть - значит, в дальнейшем обрекать себя на неминуемое продолжение подобного состояния (а его непрекращаемость вообще неизвестно во что может вылиться)... Если же попытаться как-то воспрепятствовать наступлению его? То, быть может, в этом случае, есть опасность наступления того, что (пока только предполагалось) выше. Но его наступление, вполне возможно (что, в принципе, тоже имеет, - или несет в себе, - какую-никакую, закономерность...). И, в принципе, попытка осуществить то, вполне должна (ну, по крайней мере, может) принести свои плоды...

Я резко одернул штору. Яркий свет (уже день?!) ударил мне в глаза... Повинуясь первому желанию, я было зажмурился, но потом принялся бегать по квартире (она и подобранная - однокомнатная - как будто специально, чтоб было легче прятаться, то есть контролировать пространство), срывая портьеры, отодвигая шкаф, открывая замки, распахивая дверь.

- Нет больше страха! Входите, кто желает! Делайте, что хотите! Я больше ничего...

И тотчас со всех щелей, углов, открывшихся пространств стали выползать все те (являя собой скрывавшееся до селе "то") кого я, быть может, и не опасался вовсе; и уже не заметил я сам,

когда оказался подхваченный этим необъятным потоком, стремительно увлекавшим меня в никуда; так что даже не было никакого смысла сопротивляться ему; и оставалось только смириться; подчинившись недавнему тому, чему я так долго противился. И прошло всего ничего (времени), покуда я и вовсе растворился в том неизведанном еще доселе страхе, которому я уже не мог воспрепятствовать; и... вряд ли мог... сказать я... было ли все - на самом деле?.. Или, быть может, не было ничего. Как не было, - и самого меня. И тогда совсем не страшно то, что происходило. Ибо, если начинаешь растворяться в страхе, то это уже не страх; а твое естественное бытие; окружающее (или когда-то окружавшее) тебя...

29 февраля 04 г.

рассказ

Другой мир

Ему показалось...

Ему уже никогда не покажется...

Но он не слушал никого. Он не слушал протяжного завывания ветра. Не слушал, о чем ему шептал снег, стекающий по лицу холодными, тонкими ручейками; и этот же - уже растаявший снег - заползал ему в губы, словно умоляя - замолчать.

Но ведь он и так молчал!

Он давно уже молчит.

Он просто боится говорить. Боится, что его совсем не поймут. Поймут не так, как того хотелось ему. Поймут "не так".

А значит, и действительно, - совсем "не поймут".

И что ему тогда остается?

Не остается ли ему и правда - замолчать!? Замолчать окончательно?! Замолчать навсегда!? Кому нужны его слова? Кому нужна правда об этом мире, - мире который совсем не тот, за который он выдает себя...

Но все почему-то делают вид, - что ничего не происходит...

Что все вокруг "происходит" так, - как это было и десять, и сто, и двести лет назад... Лишь, быть может, изменилась с тех пор одежда людей... Да, чуть-чуть подправился, овеянный новым временем, язык... Да, изменилась архитектура... Да, появились... Впрочем, что там только не появилось...

- Но не это... не это, ведь, главное! Почему никто упорно не хочет замечать, что изменилось взаимоотношение: между людьми и окружающими предметами.

И даже совсем не то, что изменились взаимоотношения между самими людьми. Об этом ли уже не писали!

Ну, пусть важно и это... Но, ведь, совсем не об этом он сейчас...

...Его никто не понимал. Его не понимал никто уже давно. А он как будто не только чувствовал это, - но и боялся говорить об этом.

Окружающий мир словно расслаивался на его глазах (наподобие того, как "расслаивается" некогда казавшийся еще единым целым торт, когда вы его разрезаете); или как корабль неожиданно выползает на вас из тумана, а потом уже как вроде бы и превращается в нечто странное и непонятное; о чем уже и подумать страшно.

Каждый день (много раз за день) он удивлялся всему тому новому, что удавалось обнаружить ему.

- Вот бы об этом рассказать другим! - уже не раз порывался было он; да просто боялся.

И не то, что его могли не понять! В этом ли беда! (Не успев объяснить раз - можно это попытаться сделать в другой!). Хуже было то, что его могли принять за сумасшедшего!?

А вот это было бы уже поистине страшно. Ведь тогда бы - впредь уже не поверили бы ни одному его слову.

А он знал - что все, что он видел сейчас - это только начало. И это было почти совсем ничто - перед тем, что ему предстояло увидеть еще.

А потому он цеплялся за остатки уходящего сознания.

Стремясь зафиксировать все, что было возможно. Что ему казалось возможным. Что вообще - запоминалось. И он осторожно (боясь, что-либо упустить, или помешать появлению чего-нибудь), погружался в свое бессознательное.

Это было уникальное путешествие.

Наверняка, кто-то такое уже испытывал и до него. Но ведь вопрос-то в том, - что мог ли кто-то, это описать так же, как он?..

И чем больше он оказывался на той стороне собственного сознания, - тем больше ему совсем и не хотелось возвращаться.

И на какое-то мгновение он вдруг почувствовал, что упускает эту возможность - вернуться. Что он просто начинает терять эту грань между правдой и вымыслом, между иллюзией и реальностью, между свободой (еще недавней свободой, которая

так радовала его), - и тем ощущением бездны, которая теперь обхватывала со всех сторон.

И совсем не было возможности что-то противопоставить ей.

И совсем не было возможности - помешать ей.

И совсем не было возможности - вернуться обратно.

...Но самое печальное было то, - что ему уже и не хотелось возвращаться.

Он словно почувствовал, что что-то именно в этом (новом для него) мире - стало ближе ему, и родней.

Стало родней настолько, что у него даже не было уже возможности сравнить это с чем-то (с чем-то теплым, родным, желанным), что было у него раньше. Что он мог бы испытывать когда-то. Да, наверное, все же и испытывал.

Но то, что было сейчас, - как будто на миг подменило собой все, что было. Как и то - чего, еще совсем не было. Но могло быть.

И он решил не испытывать судьбу.

И он решил остаться в этом - другом мире.

И ничто не могло уже помешать ему.

Как вроде бы ничто и не звало его обратно.

Так зачем было возвращаться?..

P. S. И он все больше и больше проваливался в бездну безумия, теряя остатки разума. Но самое удивительное было то, что ему в этом мире было действительно лучше.

Так зачем же было и, правда, - возвращаться?..

26. 10. 05 год.

Сергей Зелинский

2004-2005 гг.

© С.А.Зелинский. Другой мир.

